ЧЕГО ЖДЕТЪ РОССІЯ отъ ВОЙНЫ

СБОРНИКЪ СТАТЕЙ:

Туганъ-Барановскаго, М. И.
Фридмана, М. И. — Милюкова, П. Н.
Вернадскаго, В. И. — Карѣева, Н. И.
Гиппіусъ, З. Н. — Славинскаго, М. А.
Курбатова, В. Я. — Знаменскаго, С. Ф.
Бехтерева, В. М. — Шингарева, А. И.
Шишкиной Явейнъ, П. Н. — Струльцова, Г. Е.

Съ приложеніемъ 4-хъ географическихъ картъ.

ИЗДАНІЕ ВТОРОЕ.

8Н.721
Ч-33

КН-ВО „ПРОМЕТЕЙ“.
Н. Н. МИХАЙЛОВА.

~~8H70~~
4-33

2963

DK
263
Ч-33
2963

ЧЕГО ЖДЕТЪ РОССІЯ отъ ВОЙНЫ.

СБОРНИКЪ СТАТЕЙ:

Туганъ-Барановскаго, М. И.
Фридмана, М. И. — Милюкова, П. Н.
Вернадскаго, В. И. — Карѣева, Н. И.
Гиппіусъ, З. Н. — Славинскаго, М. А.
Курбатова, В. А. — Знаменскаго, С. Ф.
Бехтерева, В. М. — Шингарева, А. И.
Шишкиной Явейнъ, П. Н. — Стрѣльцова, Е. Е.

Съ приложеніемъ 4-хъ географическихъ картъ.

БИБЛІОТЕКА СОЦІАЛЬ-СТИЧЕСКОЙ АКАДЕМІИ.

Изданіе второе.

КН-ВО „ПРОМЕТЕЙ“
Н. Н. МИХАЙЛОВА.

„Пров 38“

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Первое изданіе настоящей книги вышло въ мартѣ текущаго года и разошлось въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ. Это обстоятельство свидѣтельствуетъ, что появленіе ея на книжномъ рынкѣ было не „излишнимъ“, что она пришла навстрѣчу назрѣвшей потребности. Рецензенты, успѣвшіе откликнуться на сборникъ до настоящаго времени, отнеслись къ нему сочувственно, нѣкоторые привѣтствовали его въ чрезвычайно лестныхъ для участниковъ выраженіяхъ. Съ особымъ удовлетвореніемъ прочли мы отзывъ рецензента „Русскихъ Вѣдомостей“, профессора Ѳ. Ѳ. Кокошкина, давшаго книгѣ слѣдующую оцѣнку: „Сборникъ въ высокой степени содержателенъ. Всѣ статьи написаны сжато и общедоступно, съ устраненіемъ обременительныхъ для средняго читателя деталей, и читаются съ живымъ интересомъ“.

Въ нѣсколькихъ рецензіяхъ было отмѣчено съ укоризной, что по нѣкоторымъ вопросамъ участники сборника имѣютъ различныя мнѣнія. Ничуть не отри-

цая самаго факта, мы не можемъ присоединиться къ его укоризненной оцѣнкѣ. Сборникъ нашъ не партійная декларація и не коллективный комментарій къ той или иной партійной программѣ. Это посильная попытка компетентныхъ въ соотвѣтственныхъ областяхъ людей разобраться въ томъ, куда мы идемъ и куда мы должны придти. Разномысліе въ такихъ вопросахъ не только допустимо, но въ извѣстныхъ предѣлахъ неизбѣжно. Оно неизбѣжно даже для людей одной партіи, а тѣмъ болѣе для лицъ разныхъ партійныхъ устремленій. Редакція во всякомъ случаѣ не стремилась къ тому, чтобъ подстричь всѣхъ участниковъ подъ одну гребенку, полагая, что каждый изъ нихъ достаточно компетентенъ для того, чтобы высказать свое личное мнѣніе совершенно независимо отъ редакціонныхъ взглядовъ.

Настоящее второе изданіе выходитъ безъ перемѣнъ. Положеніе страны за истекшій періодъ измѣнилось, внутренняя жизнь получила рядъ новыхъ импульсовъ, но въ общемъ всѣ измѣненія мало затрагиваютъ существо помѣщенныхъ въ сборникѣ статей. Кое-что въ настоящее время можно было бы, конечно, прибавить или убавить, кое-что сказалось бы теперь иначе, другимъ тономъ, но основныя идеи

не могутъ, вѣдь, быть ни „исправлены“ ни „дополнены“. А въ нихъ-то все дѣло.

Сохраненіе первоначальной редакціи диктовалось для насъ еще соображеніями историческаго характера. Статьи сборника носятъ отпечатокъ опредѣленнаго времени. Лишать ихъ этого отпечатка значило бы лишать сборникъ опредѣленной исторической физіономіи. Такое обезличеніе кажется намъ неумѣстнымъ и походило бы на фальсификацію документовъ. Хорошо или худо сказали участники сборника свое слово, но они его сказали, и пусть оно передается дальше въ томъ же видѣ, въ какомъ оно было услышано впервые.

„Чего ждетъ Россія отъ войны?“ Этотъ вопросъ въ настоящій моментъ, конечно, менѣе остръ, нежели противоположный: „Чего ждетъ война отъ Россіи?“ Но какъ бы ни была остра послѣдняя проблема, она никогда не сможетъ заглушить интереса къ первой. Мы надѣемся поэтому, что второе изданіе нашего сборника встрѣтитъ у читателя такой же благосклонный пріемъ, какъ и первое.

Петроградъ.
Августъ, 1915 г.

Редакція

СОДЕРЖАНІЕ.

стр.

М. И. ТУГАНЪ-БАРАНОВСКІЙ. — Война и народное хозяйство 9

М. И. ФРИДМАНЪ.—Война и финансы 28

П. Н. МИЛЮКОВЪ.—Территоріальныя пріобрѣтенія Россіи 53

В. И. ВЕРНАДСКІЙ. — Война и прогрессъ науки 67

Н. И. КАРѢЕВЪ. — Мысли о русской наукѣ по поводу теперешней войны 81

З. Н. ГИППІУСЪ.—Война, литература, театръ 98

М. А. СЛАВИНСКІЙ.—Война и національный вопросъ . 106

В. Я. КУРБАТОВЪ.—Опасности германской художественной культуры 125

С. Ф. ЗНАМЕНСКІЙ. — Основныя задачи въ области образованія 144

В. М. БЕХТЕРЕВЪ.—Война и здоровье населенія Россіи 173

А. И. ШИНГАРЕВЪ.—Земская и городская Россія . . . 186

П. И. ШИШКИНА-ЯВЕЙНЪ.—Война и женщина 214

Р. Е. СТРѢЛЬЦОВЪ.—Внѣшняя политика 221

ТИПОГРАФІЯ
„ПЕЧАТНЫЙ ТРУДЪ“
ПЕТРОГРАДЪ, ПРАЧЕШНЫЙ ПЕР., 4.

ВОЙНА И НАРОДНОЕ ХОЗЯЙСТВО

М. И. Туганъ-Барановскаго.

Прогнозы въ соціальной области хотя и трудны, но вполнѣ возможны, какъ показываетъ опытъ нерѣдкихъ удачныхъ прогнозовъ событій народно-хозяйственной жизни—неоднократно удавалось предвидѣть наступленіе промышленныхъ кризисовъ. Однако, прогнозъ экономическихъ послѣдствій настоящей, не только великой, но и величайшей во всемірной исторіи войны представляетъ совершенно исключительныя трудности.

Исключительныя трудности предвидѣнія того, какъ настоящая война отразится на положеніи народнаго хозяйства Россіи, объясняются грандіозными, небывалыми размѣрами войны. Россія много разъ вела войны и нерѣдко очень трудныя войны. Но ничего подобнаго настоящей войнѣ ни Россія, ни какая-либо другая страна никогда не переживала.

Это утвержденіе можетъ показаться преувеличеніемъ. Вѣдь Россіи приходилось вести войны съ цѣлыми европейскими коалиціями. Неужели же первая отечественная война, когда въ Россію вступила армія чуть ли не всѣхъ народовъ континентальной Европы, была менѣе трудной, чѣмъ настоящая война?

Однако, никакого преувеличенія въ признаніи настоящей войны единственной по своимъ размѣрамъ нѣтъ. Конечно, и раньше бывали войны, охватывавшія цѣлыя группы державъ. Но дѣло-то въ томъ, что войны прежняго времени велись сравнительно немногочисленными арміями. Теперь же впервые война ведется цѣлыми вооруженными народами, на основѣ всеобщей воинской повинности.

Это-то обстоятельство, въ связи съ тѣмъ, что война охватила всѣ великія державы Европы и нѣсколько малыхъ, и придаетъ совершенно исключительный характеръ исполинской борьбѣ, въ которой намъ приходится принимать такое выдающееся участіе. Около 20 милліоновъ солдатъ входятъ въ составъ враждебныхъ армій, во всеоружіи современной техники, ничего подобнаго которой не знало прежнее время. И эта борьба ведется въ условіяхъ капиталистической системы нашего времени, съ ея необыкновенной сложностью и тѣсной взаимной зависимостью всѣхъ элементовъ, съ ея чрезвычайнымъ развитіемъ кредитнаго механизма, съ мощной торговлей, охватывающей все народное хозяйство сверху до низу.

Въ условіяхъ современнаго капитализма даже самое незначительное разстройство мѣнового механизма вызываетъ болѣзненное потрясеніе всего капиталистическаго цѣлаго. Въ данномъ же случаѣ народное хозяйство всего міра сдвинуто съ привычныхъ рельсовъ и поставлено въ совершенно новыя, небывалыя условія.

Оставляя въ сторонѣ многообразныя задержки мірового товарнаго обмѣна, которыя сами по себѣ дѣйствуютъ на народное хозяйство чрезвычайно разрушительно, бросаются въ глаза колоссальныя издержки, которыхъ стоитъ эта міровая война. Въ докладѣ французской академіи наукъ Поль Леруа Болье высчитывалъ, что война стоитъ воюющимъ державамъ около двухъ милліардовъ руб. въ мѣсяцъ. Нѣсколько позже подобный же подсчетъ сдѣлалъ въ одномъ англійскомъ журналѣ Гюйо и пришелъ къ еще большей цифрѣ — ежемѣсячные расходы на войну составляютъ, по его мнѣнію, болѣе двухъ съ половиной милліардовъ р. (не включая сюда экономическихъ убытковъ отъ войны, составляющихъ значительно большую цифру).

Если мы предположимъ, что война продолжится около года (что слѣдуетъ признать вполнѣ возможнымъ), то военные расходы сражающихся державъ выразятся колоссальной цифрой 25—30 милліардовъ р. Чтобы понять значеніе такого расхода, достаточно сопоставить его съ суммами ежегодно накапливаемаго капитала, о чемъ можно судить по ежегоднымъ эммиссіямъ:

	Выпущено во всемъ мірѣ цѣнныхъ бумагъ (въ милліардахъ р.).
1910 г.	10,0
1911 г.	7,4
1912 г.	7,6

Иными словами, война потребуетъ со стороны воюющихъ государствъ такихъ расходовъ, которые, примѣрно, раза въ три-четыре превзойдутъ міровыя эммиссіи послѣднихъ лѣтъ. Возникаетъ вопросъ, какимъ же образомъ могутъ быть покрыты эти расходы, откуда могутъ быть взяты средства для веденія войны?

Войны недавняго прошлаго покрывались преимущественно займами. Такъ, напр., послѣдняя крупная война—Россіи съ Японіей—была покрыта займами безъ особаго напряженія денежнаго рынка. Объяснялось это тѣмъ, что война была строго локализована и воюющія державы могли заключать займы на рынкахъ другихъ государствъ, не принимавшихъ въ войнѣ никакого участія. Расходы по этой войнѣ были незначительны сравнительно съ современной и составляли около трехъ-четырехъ милліардовъ р. въ годъ. Такія суммы могли быть покрыты безъ труда ежегоднымъ наростаніемъ мірового капитала.

Теперь положеніе совершенно иное. Ежегодное наростаніе мірового капитала далеко недостаточно, чтобы покрывать расходы на войну, тѣмъ болѣе, что война сама по себѣ разрушаетъ народный капиталъ.

Очевидно, расходы на войну должны покрываться изъ какого-либо другого источника, кромѣ займовъ. Быть можетъ, изъ налоговъ?

Но, вѣдь, всѣмъ извѣстно, что повышеніе налоговъ, какъ бы оно ни было значительно, можетъ дать только гораздо меньшія суммы, чѣмъ займы. Современное государство не располагаетъ средствами такъ нажимать податной винтъ, чтобы получить добавочные милліарды, требуемые войной.

Остается, такимъ образомъ, единственный источникъ,

изъ котораго могутъ быть покрыты военные расходы—бумажныя деньги. Государство обладаетъ возможностью создавать, такъ сказать, изъ ничего покупательныя средства—выпускомъ бумажныхъ денегъ. Конечно, бумажныя деньги являются такимъ источникомъ полученія средствъ, къ которому современное культурное государство прибѣгаетъ лишь противъ воли въ случаяхъ исключительныхъ, когда никакого другого источника полученія денежныхъ средствъ не остается. И теорія и практика прочно установили, что неразмѣнныя бумажныя деньги являются большимъ экономическимъ зломъ, разрушительное дѣйствіе котораго на все народное хозяйство очень велико. Сознаніе этого вошло въ плоть и кровь государственныхъ людей нашего времени, менѣе всего склонныхъ прибѣгать къ этому крайне опасному средству покрытія государственныхъ расходовъ.

Однако, существуетъ экономическая необходимость, преодолѣвающая самое сильное противодѣйствіе человѣческой воли. Въ такомъ положеніи очутилось европейское общество съ началомъ міровой войны. Только Англія, находящаяся по отношенію къ покрытію издержекъ, связанныхъ съ войной, въ исключительно благопріятныхъ условіяхъ, не пріостановила размѣна своихъ банковыхъ билетовъ. Другія же воюющія державы немедленно послѣ начала войны пріостановили размѣнъ и стали въ огромномъ размѣрѣ выпускать неразмѣнныя бумажныя деньги на рынокъ.

Этотъ образъ дѣйствій былъ совершенно правиленъ, ибо онъ диктовался экономической необходимостью. До настоящаго времени на рынокъ выпущено воюющими державами не менѣе пяти милліардовъ р. бумажныхъ денегъ. И это еще только начало.

Не можетъ быть сомнѣнія, что продолженіе войны будетъ сопровождаться дальнѣйшими выпусками бумажныхъ денегъ, и даже, вѣроятно, въ возрастающихъ размѣрахъ, такъ какъ по мѣрѣ исчерпанія свободныхъ капиталовъ необходимость въ бумажныхъ деньгахъ будетъ становиться все болѣе настоятельной. Къ концу войны міровой денежный рынокъ будетъ до послѣдней степени переполненъ бумажными деньгами.

Это заполненіе каналовъ денежнаго обращенія бумажками можетъ и не сопровождаться значительнымъ пониженіемъ цѣнности бумажныхъ денегъ относительно звонкой монеты. Мы видимъ, напримѣръ, что усиленные выпуски билетовъ французскаго банка почти не привели къ образованію во Франціи лажа на золото. Объясняется это тѣмъ, что международное довѣріе къ прочности французской денежной системы не поколеблено, и въ то же время, условія разсчетнаго баланса складываются во Франціи благопріятно.

Въ другихъ странахъ, кредитъ которыхъ на международномъ рынкѣ менѣе устойчивъ, выпускъ огромнаго количества бумажныхъ денегъ не можетъ не повести къ ихъ обезцѣненію по отношенію къ золоту, и лажъ долженъ возрастать по мѣрѣ увеличенія бумажныхъ денегъ въ обращеніи.

Нечего и говорить, что Россія принадлежитъ къ странамъ этой послѣдней категоріи. Уже теперь курсъ нашего рубля упалъ довольно значительно—не менѣе, чѣмъ на 10%, а вѣдь пока выброшено на рынокъ только немногимъ болѣе милліарда двухсотъ милліоновъ бумажныхъ рублей.

Относительно стоимости для насъ войны имѣются нѣкоторые опорные пункты въ опубликованныхъ министромъ финансовъ данныхъ относительно военныхъ расходовъ за три первые мѣсяца войны. Оказывается, что война намъ обходится отъ 400—500 милліоновъ руб. въ мѣсяцъ. Если война продлится годъ, то она будетъ намъ стоить около 5—6 милліардовъ р., т.-е. почти вдвое больше, чѣмъ Японская война. Но дѣло въ томъ, что теперь войну ведутъ и всѣ тѣ страны, которыя ссужали насъ капиталами при прошлой войнѣ.

На иностранный денежный рынокъ при такихъ условіяхъ разсчитывать почти не приходится и нужно покрывать расходы собственными средствами, а эти средства брать больше не откуда, какъ изъ выпусковъ кредитныхъ билетовъ. Благодаря этому источнику, мы (какъ, впрочемъ, и болѣе богатыя, чѣмъ мы, страны Запада) имѣемъ возможность справиться съ огромными экономическими трудностями финансированія войны.

Къ концу войны (если она продлится около года), у

насъ, вѣроятно, будетъ имѣться въ обращеніи кредитныхъ билетовъ и разнаго рода краткосрочныхъ займовъ милліардовъ на 5—6. Всѣ эти огромныя суммы будутъ выбрасываться на рынокъ на разнаго рода расходы, связанные съ войной, т.-е. будутъ затрачиваться на покупку всевозможнаго рода продуктовъ и издѣлій, необходимыхъ для содержанія въ боевой готовности нашихъ армій и нашего флота.

Война отрѣзала насъ отъ многихъ важныхъ рынковъ и почти уничтожила нашу внѣшнюю торговлю. Но не нужно забывать, что война создала огромный новый рынокъ. Этотъ новый рынокъ отчасти компенсируетъ потерю спроса на другіе товары, связанную съ разстройствомъ народнаго хозяйства благодаря войнѣ.

Что касается Россіи, то наше народное хозяйство, несмотря на колоссальные размѣры войны, переноситъ войну со сравнительной легкостью.

Вначалѣ войны раздавались голоса, предвидѣвшіе отъ войны самыя ужасныя бѣды для нашего основного сельскохозяйственнаго промысла. Дѣло въ томъ, что война совершенно прекратила вывозъ изъ Россіи хлѣба и другихъ сельско-хозяйственныхъ продуктовъ. Это дало поводъ очень многимъ (напр., кн. Д. И. Шаховскому) ожидать, что цѣны произведеній нашего сельскаго хозяйства испытаютъ крайнее паденіе и разорятъ нашихъ сельско-хозяйственныхъ производителей.

Однако, опытъ нѣсколькихъ мѣсяцевъ войны показалъ, что эти опасенія были крайне преувеличены. Несмотря на войну, цѣны хлѣбовъ въ Россіи въ общемъ не только не упали, но даже поднялись, для нѣкоторыхъ хлѣбовъ весьма значительно. Правда, цѣна пшеницы немного упала, но зато очень повысилась цѣна ржи. Еще больше поднялись цѣны овса и гречихи. Вздорожаніе этихъ хлѣбовъ было очевидно, вызвано закупками ихъ для нуждъ арміи.

Только ячмень существенно пострадалъ отъ прекращенія вывоза—его цѣна упала процентовъ на 10—15. И это понятно, такъ какъ главнымъ рынкомъ для ячменя—была Германія и въ то же время ячмень не требуется для продовольствія арміи.

Болѣе чувствительны для нашего сельскаго хозяйства

затрудненія, связанныя съ недостаткомъ рабочихъ рукъ. Но и эти затрудненія у насъ не были настолько велики, чтобы помѣшать своевременно убрать и обмолотить урожай. Зимой же сельско-хозяйственныя работы настолько сокращаются, что отвлеченіе рабочихъ рукъ отъ сельскаго хозяйства въ связи съ мобилизаціей мало почувствовалось сельско-хозяйственной Россіей.

При наступленіи весны недостатокъ рабочихъ рукъ почувствуется гораздо острѣе; однако, можно быть увѣреннымъ, что и весной мы будемъ въ состояніи произвести необходимыя сельско-хозяйственныя работы. Мобилизація охватываетъ у насъ гораздо меньшій кругъ лицъ, чѣмъ, напр., во Франціи или Германіи, ея неблагопріятное вліяніе на народное хозяйство соотвѣтственно меньше.

Что касается вліянія войны на состояніе нашей промышленности, то въ этомъ отношеніи можно сказать слѣдующее.

Какъ извѣстно, мы вывозимъ преимущественно продукты сельскаго хозяйства и сырье, а ввозимъ преимущественно фабрикаты и средства производства для промышленности. Поэтому потеря внѣшняго европейскаго рынка мало почувствовалась большинствомъ отраслей нашей промышленности. Только немногія изъ нихъ существенно пострадали отъ сокращенія нашего вывоза и, главнымъ образомъ, лѣсная промышленность. Огромное же большинство нашихъ промышленныхъ предпріятій почти не почувствовало закрытія для нашего вывоза нашихъ важнѣйшихъ границъ. Въ этомъ существенное различіе между значеніемъ войны для русской промышленности и германской, которой потеря внѣшняго рынка наноситъ роковой ударъ.

Гораздо больше значенія получила для нашей промышленности пріостановка иностраннаго ввоза. На первомъ планѣ здѣсь слѣдуетъ поставить прекращеніе ввоза къ намъ иностраннаго каменнаго угля и перерывъ подвоза изъ Домбровскаго каменноугольнаго района.

О значеніи этихъ двухъ источниковъ снабженія Россіи каменнымъ углемъ можно судить по нижеслѣдующимъ даннымъ:

	Въ процентахъ по отношенію къ общему потребленію каменноугольнаго топлива въ Россіи.	
	1912 г.	1913 г.
Иностранный уголь	20,0	25,5
Домбровскій уголь	22,1	20,4
	42,2	45,9

Иными словами, нашъ внутренній рынокъ внезапно лишился почти половины всего каменноугольнаго топлива, обычно поступавшаго къ намъ. При этомъ, однако, нужно имѣть въ виду, что различные районы Россіи далеко не одинаково заинтересованы въ иностранномъ и домбровскомъ углѣ. Иностранный уголь ввозился преимущественно по Балтійской и западной сухопутной границамъ изъ Англіи и Германіи и предназначался для нуждъ желѣзныхъ дорогъ и промышленности Прибалтійскаго края, западныхъ губерній и Царства Польскаго, а также для военнаго и коммерческаго балтійскаго флота. Домбровскій же каменный уголь почти цѣликомъ шелъ на нужды Царства Польскаго.

Обстоятельства военнаго времени привели къ тому, что Россіи приходится теперь разсчитывать почти исключительно на донецкій каменный уголь.

По ходатайству совѣта съѣздовъ представителей крупной промышленности, правительствомъ былъ учрежденъ при министерствѣ торговли и промышленности „центральный комитетъ по снабженію топливомъ“ изъ представителей различныхъ заинтересованныхъ вѣдомствъ и промышленныхъ организацій. Комитетъ этотъ, дѣйствующій вообще очень успѣшно, призналъ, что въ виду недостатка каменнаго угля, промышленнымъ предпріятіямъ слѣдуетъ озаботиться переходомъ къ другимъ видамъ топлива, и принялъ разнообразныя мѣры къ увеличенію доставки угля.

Въ концѣ концовъ, недостатокъ топлива все же не могъ не вызвать сильнаго сокращенія производства въ различныхъ отрасляхъ промышленности. Впрочемъ, донецкіе углепромышленники разсчитываютъ, что въ сентябрѣ имъ удастся значительно увеличить добычу угля, и если ихъ

БИБЛИОТЕКА СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ

разсчеты оправдаются, то угольный голодъ потеряетъ часть своей остроты.

Наряду съ каменнымъ углемъ, наша промышленность сильно заинтересована въ ввозѣ другого иностраннаго продукта—хлопка. Правда, хлопокъ въ большомъ количествѣ выдѣлывается въ нашихъ средне-азіатскихъ владѣніяхъ. Но все же около половины всего хлопка, перерабатываемаго нашей промышленностью, получалось у насъ изъ-за границы.

Передъ войной на нашихъ фабрикахъ скопились довольно большіе запасы иностраннаго хлопка, благодаря тому, что въ маѣ и іюнѣ наши фабрики были охвачены забастовками рабочихъ и производство испытывало значительное сокращеніе. Вмѣстѣ съ тѣмъ за нѣсколько мѣсяцевъ до войны наблюдался усиленный ввозъ къ намъ иностраннаго хлопка. Увеличеніе въ распоряженіи нашей промышленности свободныхъ запасовъ хлопка было столь значительно, что возникали опасенія значительнаго паденія его цѣны. Война пріостановила подвозъ къ намъ иностраннаго хлопка, а также и необходимыхъ красильныхъ матеріаловъ.

Однако, опасенія хлопковаго голода были, повидимому, преувеличены. Прежде всего, до войны нашъ хлопковый рынокъ характеризовался обиліемъ свободныхъ запасовъ товара. Затѣмъ, урожай средне-азіатскаго хлопка въ этомъ году въ общемъ блестящій.

Какъ бы то ни было, цѣны на хлопокъ значительно поднялись, и наши хлопчато-бумажныя фабрики, не столько подъ вліяніемъ недостатка хлопка, сколько недостатка топлива, красильныхъ матеріаловъ и рабочихъ рукъ, стали сокращать производство.

Сильное повышеніе цѣны хлопка, а также и другихъ средствъ производства въ хлопчатобумажной промышленности повело къ повышенію цѣнъ бумажной пряжи и готовыхъ издѣлій. Повышеніе это показываетъ, что сокращеніе производства вызывалось отнюдь не уменьшеніемъ спроса со стороны населенія на бумажныя ткани, а причинами, связанными съ условіями производства бумажныхъ издѣлій.

Вообще, за нѣкоторыми исключеніями, современное положеніе русской промышленности характеризуется отнюдь

не паденіемъ цѣнъ, а, наоборотъ, ихъ повышеніемъ. Это ярко сказалось и на нижегородской ярмаркѣ, которая оказалась хотя и сильно сократившейся по своимъ оборотамъ, но все же не столь плохой, какъ этого можно было опасаться. По словамъ ярмарочнаго комитета, „въ качествѣ общаго явленія на ярмаркѣ приходится отмѣтить тенденцію къ повышенію цѣнъ на товары. Причины тому весьма разнообразны. Заграничные товары вздорожали вслѣдствіе прекращенія ихъ привоза; другіе товары вздорожали по причинѣ сокращенія ихъ подвоза по желѣзнымъ дорогамъ. Нѣкоторые товары поднялись въ цѣнѣ вслѣдствіе возвышенія акциза (табакъ, напитки). Въ томъ же направленіи вліяло и сокращеніе въ нѣкоторыхъ отрасляхъ производства. Во всякомъ случаѣ причины вздорожанія отнюдь не могутъ быть сводимы къ обезцѣненію денегъ".

Тенденція къ повышенію цѣнъ показываетъ, что пока въ Россіи не можетъ быть и рѣчи о промышленномъ кризисѣ, который неизмѣнно характеризуется паденіемъ товарныхъ цѣнъ. Какъ ни тяжелы для промышленности послѣдствія войны, мы пока не наблюдаемъ самаго опаснаго— превышенія спроса на товары предложеніемъ ихъ. Положеніе русской промышленности, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, остается сходнымъ съ тѣмъ, которое было и до войны: недостатокъ топлива, который чувствовался до войны, теперь сталъ еще рѣзче, цѣны на разнообразныя средства производства, которыя были высоки до войны, теперь поднялись еще больше.

Объясняется это, въ общемъ, тѣмъ, что война имѣла значеніе для нашей промышленности не какъ прекращеніе вывоза нашихъ промышленныхъ издѣлій заграницу, а какъ прекращеніе подвоза на русскій рынокъ иностранныхъ промышленныхъ произведеній. Русская промышленность утратила не покупателя, а конкурентовъ. Отсюда и сравнительная легкость, съ которой наша промышленность перенесла разстройство экономическаго оборота, созданное войной.

Положеніе нашей промышленности въ связи съ войной было предметомъ особаго правительственнаго обслѣдованія. А именно, министерство торговли произвело очень интересную анкету относительно вліянія войны на различныя

отрасли нашей промышленности. Анкета охватила далеко не всѣ отрасли промышленнаго производства и не всѣ районы: наиболѣе пострадавшее отъ войны Царство Польское въ анкету не вошло; точно также обслѣдованіе не распространилось и на Кавказъ.

Изъ общаго числа обслѣдованныхъ 7,921 предпріятій съ числомъ рабочихъ (до войны) 1.466,810 сократили производство 1,221 предпріятіе съ 544,059 рабочими, а совсѣмъ пріостановили производство 504 предпріятія съ 46,589 рабоч. Вмѣстѣ съ тѣмъ, 125 предпріятій увеличили производство и довели число своихъ рабочихъ съ 88,380 тыс. до 150,438.

Переведя эти данныя въ проценты, мы получимъ, что въ предпріятіяхъ съ 61 проц. всѣхъ рабочихъ война не оказала опредѣленнаго вліянія на ходъ производства, въ предпріятіяхъ же съ 38 проц. рабочихъ производство сократилось подъ вліяніемъ войны; пріостановлено производство въ предпріятіяхъ съ 0,3 проц. рабочихъ, а расширено въ предпріятіяхъ съ 0,6 проц. рабочихъ.

Данныя эти относятся къ 1 октября 1914 г. Анкета, произведенная нѣсколько ранѣе въ московскомъ районѣ обществомъ московскихъ фабрикантовъ и заводчиковъ и относившаяся къ 1 сентября, дала совершенно иныя цифры. А именно, оказалось, что къ 1 сентября въ московскомъ районѣ война не оказала никакого вліянія на предпріятія съ 15,2 проц. рабочихъ, вызвала сокращеніе производства въ предпріятіяхъ съ 79,6 проц. рабочихъ, пріостановку производства на предпріятіяхъ съ 3,9 проц., а увеличеніе производства на предпріятіяхъ съ 1,3 проц. рабочихъ.

Переходя къ отдѣльнымъ отраслямъ промышленности, замѣчаемъ, по даннымъ правительственной анкеты, сильное сокращеніе производства въ химической промышленности: при общемъ числѣ рабочихъ въ этой индустріи до войны въ 60,721 наблюдалось сокращеніе производства въ предпріятіяхъ съ 42,741 раб. Затѣмъ, очень пострадала отъ войны и хлопчатобумажная промышленность: при общемъ числѣ рабочихъ въ этой отрасли промышленности до войны въ 487,000, сократили производство предпріятія съ 240,293 раб. Еще болѣе пострадала шелковая промышленность — при

29,756 раб. до войны сократилось производство въ предпріятіяхъ съ 21,515 раб.

Интересно, что анкета московскаго общества фабрикантовъ и заводчиковъ даетъ гораздо болѣе благопріятную картину вліянія войны на промышленность, чѣмъ министерская анкета. Это можетъ зависѣть отъ трехъ причинъ: либо московскій промышленный районъ менѣе пострадалъ отъ различныхъ нарушеній нормальнаго хода экономической жизни, чѣмъ другіе районы Россіи, либо частная анкета, по тѣмъ или инымъ причинамъ, дала иные результаты, чѣмъ правительственная, или же, наконецъ, несходство данныхъ зависитъ отъ различныхъ моментовъ производства той и другой анкеты.

Причины сокращенія производства, по объясненію фабричныхъ инспекторовъ, сводятся къ слѣдующему: недостатку матеріала и рабочихъ, отсутствію топлива, разстройству желѣзнодорожнаго движенія, финансовымъ затрудненіямъ и паденію спроса. Въ этомъ перечнѣ мало отмѣчена причина, которую слѣдуетъ, повидимому, считать самой главной: недостатокъ матеріаловъ иностраннаго происхожденія. Дѣйствительно, среди нарушеній нормальнаго товарообмѣна, вызванныхъ войной, наиболѣе тяжело чувствуется какъ въ Россіи, такъ еще болѣе и въ Германіи прекращеніе подвоза изъ-за границы различныхъ средствъ производства и сырыхъ матеріаловъ. Огромное сокращеніе производства въ химической промышленности вызвано, повидимому, именно этой причиной. Наша химическая промышленность получала цѣлый рядъ своихъ важнѣйшихъ матеріаловъ изъ Германіи. Прекращеніе подвоза этихъ матеріаловъ повело къ тому, что и наше собственное производство многихъ химическихъ продуктовъ должно было пріостановиться, хотя спросъ на эти продукты, благодаря прекращенію подвоза ихъ изъ Германіи, чрезвычайно возросъ.

Точно такъ же и хлопчатобумажная промышленность пострадала преимущественно отъ этой причины. Съ одной стороны, прекращеніе подвоза иностраннаго хлопка вызвало сильное повышеніе его цѣны. Съ другой—ситценабивное производство остановилось, благодаря недостатку

красильныхъ веществъ, привозившихся ранѣе изъ Германіи.

Перейдемъ теперь къ прогнозу относительно будущаго. Чего намъ слѣдуетъ ожидать отъ окончанія войны— окончанія, какъ мы всѣ убѣждены, побѣдоноснаго?

Конечно, было бы преждевременно гадать относительно условій будущаго мирнаго договора. Ясно одно, что наша побѣда надъ Германіей должна покончить съ нашей экономической зависимостью отъ этой страны и, въ общемъ, привести къ огромному подъему нашего народнаго хозяйства и расцвѣту нашихъ колоссальныхъ производительныхъ силъ. Однако, не слѣдуетъ думать, что всѣ благопріятныя послѣдствія нашей побѣды обнаружатся немедленно по окончаніи войны.

Наоборотъ, слѣдуетъ считать наиболѣе вѣроятнымъ, что окончаніе войны вызоветъ первое время разочарованіе въ ея экономическихъ послѣдствіяхъ. Дѣло въ томъ, что угнетающее вліяніе войны на экономическую жизнь не можетъ не чувствоваться и по заключеніи мира, какъ бы почетенъ онъ ни былъ. Настоящая война является совершенно исключительной по своимъ размѣрамъ, а также и по своему разрушительному характеру въ районѣ театра военныхъ дѣйствій. Возьмемъ, напр., нашу Польшу или Бельгію. Германскія войска дѣйствовали въ этихъ странахъ съ величайшей безпощадностью и разрушали все, что могли разрушить. Не только уничтожаются склады товаровъ и съѣстныхъ припасовъ всякаго рода, сжигаются города, разрушаются фабрики и заводы, но даже самая почва приводится въ такое состояніе, при которомъ она цѣлый рядъ лѣтъ, если не становится негодной для производительныхъ цѣлей, то во всякомъ случаѣ на много теряетъ въ своей производительности. Траншеи охватываютъ собой не десятки, а сотни верстъ, при чемъ въ траншеяхъ плодородный верхній слой почвы перемѣшивается или покрывается непроизводительнымъ нижнимъ слоемъ, благодаря чему земля становится непригодной для культуры безъ новой глубокой переработки ея. Лошади и рогатый скотъ забираются для своихъ надобностей германскими войсками, жилища и домашнія постройки сжигаются.

При такихъ условіяхъ возобновленіе нормальной хозяй-

ственной жизни немедленно по окончаніи войны становится невозможнымъ и даже при самыхъ благопріятныхъ условіяхъ должно пройти не мало времени раньше, чѣмъ послѣдствія разоренія, причиненнаго германскимъ нашествіемъ, совершенно изгладятся.

Но этого мало—война оставитъ послѣ себя и другое тяжелое наслѣдіе, которое ликвидировать будетъ не легко. Какъ выше указано, война требуетъ огромной затраты капиталовъ для своего продолженія. Приблизительно около двухъ—двухъ съ половиной милліардовъ р. требуетъ каждый мѣсяцъ войны. Эти огромныя затраты суть вмѣстѣ съ тѣмъ и новый рынокъ, создаваемый войной.

Но война создаетъ не только огромный спросъ на разнаго рода товары—она создаетъ спросъ и на рабочую силу. Болѣе двадцати милліоновъ мужчинъ рабочаго возраста находятся въ войскахъ воюющихъ державъ и содержатся за счетъ средствъ государства. Въ Германіи и Франціи, вѣроятно, свыше половины всѣхъ мужчинъ рабочаго возраста состоитъ въ рядахъ войскъ.

Но вотъ война кончилась и войска распускаются—солдаты возвращаются домой. Что ждетъ ихъ дома? Для крестьянъ вопросъ этотъ разрѣшается легко. Они возвращаются къ тому же производительному дѣлу, отъ котораго были оторваны войной,—пахарь бросаетъ ружье и штыкъ и возвращается къ своему старому плугу.

Для рабочихъ, занятыхъ въ промышленности, вопросъ болѣе труденъ. Съ окончаніемъ войны кончается и весь тотъ искусственный спросъ, который создавала война. Съ рынка внезапно снимаются милліарды покупательныхъ средствъ, которыя затрачивались на дѣло войны. Промышленность, которая труднымъ и сложнымъ путемъ приспособилась къ новому характеру общественнаго спроса, связанному съ войной, должна совершить обратный процессъ приспособленія и прекратить производство предметовъ, требовавшихся рынкомъ во время войны. Вмѣсто этихъ продуктовъ нужно перейти къ производству тѣхъ продуктовъ, которые требуются страной въ мирное время.

Трудность этого перехода особенно увеличивается благодаря тому, что вѣдь война поглотитъ огромные капиталы

и вообще разоритъ населеніе. Значитъ, новаго спроса на мѣсто того, который находился въ связи съ войной и долженъ прекратиться вмѣстѣ съ ея окончаніемъ, можетъ и не оказаться.

Послѣ окончанія войны міровое хозяйство окажется въ слѣдующемъ положеніи. Колоссальные капиталы уничтожены войной и образованіе новыхъ замедлено. Денежное обращеніе ряда важнѣйшихъ государствъ переполнено неразмѣнными бумажными деньгами. Международная торговля разстроена, учредительская дѣятельность парализована войной. Въ то же время весь усиленный спросъ, созданный потребностями войны, прекращается одновременно съ окончаніемъ войны и приведеніемъ армій на мирное положеніе.

При такой міровой промышленной конъюнктурѣ слѣдуетъ ожидать тяжелаго промышленнаго кризиса и застоя. Пройдетъ не мало мѣсяцевъ раньше, чѣмъ промышленная дѣятельность придетъ въ нормальное состояніе. И потому не нужно думать, что вслѣдъ за окончаніемъ войны послѣдуетъ немедленно тотъ небывалый расцвѣтъ нашей промышленности, котораго ожидаютъ у насъ очень многіе.

Но, конечно, этотъ промышленный кризисъ и застой явятся только переходомъ къ промышленному подъему. Побѣдоносное окончаніе войны, которое болѣе, чѣмъ вѣроятно, должно дать Россіи чрезвычайно много въ экономическомъ отношеніи. Россія представляетъ собой исключительную страну по тѣмъ необъятнымъ возможностямъ, которыя въ ней таятся. Огромная территорія, плодородная почва, ископаемыя богатства, многочисленное населеніе — все это, казалось бы, должно открывать передъ Россіей перспективу необычайно быстраго промышленнаго роста. Если Германія, при ея ничтожной территоріи, достигла столь многаго, то насколько быстрѣе, казалось бы, должно быть промышленное развитіе Россіи.

Однако, мы не только не обгоняемъ въ этомъ отношеніи Германію, но далеко отъ нея отстаемъ. Очевидно, наше экономическое развитіе наталкивается на какіе-то задерживающія силы.

Этими задерживающими силами являются общія условія

нашей общественности, а также нѣкоторыя частныя причины.

Видное мѣсто среди условій, тормозящихъ наше экономическое развитіе, занимаетъ крайне невыгодный для насъ торговый договоръ съ Германіей, навязанный намъ Германіей въ то время, когда мы были всего слабѣе — во время нашей неудачной войны съ Японіей. Договоръ этотъ былъ продиктованъ интересами германскихъ аграріевъ. Сущность его сводилась къ тому, что Германія не только значительно повысила пошлины на предметы русскаго ввоза, но и скомбинировала свои пошлины такимъ образомъ, что Россія должна была ввозить въ Германію продукты въ сыромъ видѣ, получая изъ Германіи взамѣнъ продукты въ переработанномъ видѣ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ Германія ввела подъ другимъ названіемъ систему вывозныхъ премій (такъ назыв. ввозныя свидѣтельства) на продукты своего сельскаго хозяйства. Въ результатѣ получилось, что германское сельское хозяйство получило усиленное развитіе за счетъ русскаго. Ввозъ въ Германію нѣкоторыхъ русскихъ хлѣбовъ (ржи и овса) сталъ падать, въ то время какъ вывозъ изъ Германіи въ Россію тѣхъ же хлѣбовъ сталъ возрастать. Германская рожь стала вытѣснять русскую не только на рынкахъ сѣверныхъ скандинавскихъ странъ, но даже и въ Финляндіи.

Но особенно гибельно для русскаго сельскаго хозяйства было то обстоятельство, что германская экономическая политика задерживала развитіе русскаго животноводства. Крестьянское хозяйство у насъ рѣшительно преобладаетъ, площадь земли, находящаяся подъ крестьянской обработкой, въ Россіи въ нѣсколько разъ превышаетъ площадь, находящуюся подъ обработкой капиталистической. Но крестьянское хозяйство особенно сильно въ области животноводства. На Западѣ мы видимъ, что крестьянское хозяйство сосредоточивается преимущественно на разныхъ отрасляхъ животноводства и птицеводства, между тѣмъ какъ областью капиталистическаго сельскаго хозяйства является преимущественно производство хлѣбовъ.

Для Россіи, какъ для страны крестьянской по преимуществу, развитіе животноводства представляется осо-

бенно необходимымъ. Но для успѣховъ производства животныхъ продуктовъ требуется возможность ихъ широкаго сбыта заграницу, такъ какъ именно западно-европейскій рынокъ, благодаря развитію городского населенія и общей зажиточности жителей, предъявляетъ особенно усиленный спросъ на продукты животноводства. Поэтому русское крестьянское хозяйство жизненно заинтересовано въ томъ, чтобы для продуктовъ русскаго животноводства былъ открытъ западно-европейскій рынокъ.

Естественнымъ рынкомъ для русскаго мяса является Германія. Однако, Германія, въ угоду своимъ аграрнымъ классамъ, всячески тормозитъ ввозъ въ ея предѣлы русскаго мяса, прибѣгая при этомъ къ совершенно неблаговиднымъ предлогамъ и извращая смыслъ торговаго договора съ Россіей. Такъ, подъ предлогомъ опасности занесенія эпизоотій Германія ограничиваетъ ввозъ въ ея предѣлы русскихъ свиней и другого скота. Въ результатѣ, русское крестьянское хозяйство не получаетъ своего естественнаго развитія и должно экспортировать въ Германію хлѣба и кормовыя средства для скота, вмѣсто обѣщающихъ гораздо большія выгоды животныхъ продуктовъ.

Напротивъ, сама Германія усиленно развиваетъ за счетъ Россіи свое животноводство. Достигается это тѣмъ, что кормовыя средства, необходимыя для германскаго животноводства, ввозятся въ Германію изъ Россіи или совсѣмъ безъ пошлинъ (напр., отруби) или по сильно пониженнымъ пошлинамъ (кормовой ячмень). Благодаря такому построенію своего таможеннаго тарифа, скомбинированнаго съ ограниченіемъ или совершеннымъ недопущеніемъ ввоза въ страну русскаго крупнаго и мелкаго скота, Германія получаетъ возможность поощрять развитіе своего животноводства, которое цѣликомъ основывается на возможности полученія изъ Россіи дешевыхъ кормовыхъ средствъ.

Конечно, будущій торговый договоръ между нами и Германіей будетъ построенъ на совершенно иныхъ основаніяхъ. Задачей будущаго торговаго договора будетъ открыть для русскаго сельскаго хозяйства германскій рынокъ. Одного пониженія пошлинъ на русскіе хлѣба будетъ для этого недостаточно. Нужно будетъ достигнуть и уничто-

женія германскихъ вывозныхъ пошлинъ, подъ какими бы названіями онѣ ни скрывались, и въ то же время сдѣлать невозможнымъ запрещеніе подъ разными вымышленными предлогами ввоза въ Германію продуктовъ русскаго животноводства. Точно также слѣдуетъ прекратить и такую дифференціацію германскихъ пошлинъ, при которой въ Германію могутъ поступать только необработанныя русскія издѣлія, а для переработанныхъ издѣлій германскій рынокъ оказывается закрытымъ.

Что касается до русской промышленности, въ противоположность сельскому хозяйству, то здѣсь дѣло оказывается гораздо болѣе сложнымъ. Въ этой области слѣдуетъ, прежде всего, выработать новый, болѣе раціональный, таможенный тарифъ и на этой новой основѣ построить и новый торговый договоръ съ Германіей. Въ нашихъ промышленныхъ кругахъ очень интересуются въ настоящее время освобожденіемъ русской промышленности отъ экономической зависимости отъ Германіи. Война обнаружила очень наглядно, до какой степени въ промышленной области эта зависимость велика. Оказалось, что мы не умѣемъ изготовлять множество продуктовъ, которые необходимы какъ средство производства другихъ продуктовъ. Особенно болѣзненно это почувствовалось въ химической промышленности, электрической и многихъ другихъ.

Въ настоящее время многія общественныя учрежденія стремятся создать возможность для русской промышленности производить тѣ продукты, которые раньше выдѣлывались въ Германіи. При Императорскомъ Техническомъ Обществѣ существуетъ съ цѣлью разработки этого вопроса даже особая комиссія, работающая очень энергично.

Будущее покажетъ, къ какимъ практическимъ результатамъ приведутъ всѣ эти начинанія. Во всякомъ случаѣ, не нужно думать, что съ окончаніемъ войны наша промышленность пойдетъ по совершенно новому пути своего развитія и Россія превратится въ государство, не нуждающееся въ продуктахъ иностраннаго производства. Когда возстановится миръ, то возстановятся и торговыя сношенія между воюющими теперь государствами, но возстановятся на условіяхъ, болѣе выгодныхъ для Россіи, чѣмъ теперь.

Присоединеніе къ Россіи германскихъ и австрійскихъ территорій не можетъ обѣщать намъ особенно значительныхъ экономическихъ выгодъ. Гораздо важнѣе въ экономическомъ отношеніи разрѣшеніе русскихъ историческихъ задачъ на ближнемъ востокѣ. Историческое стремленіе Россіи къ открытію свободнаго выхода изъ Чернаго моря обѣщаетъ на этотъ разъ увѣнчаться полнымъ успѣхомъ и это откроетъ блестящія перспективы для экономическаго развитія всего нашего Юга. Именно въ этомъ направленіи Россія и можетъ получить достойную награду за всѣ понесенныя ею въ эту невѣроятно тяжелую войну великія жертвы.

М. Туганъ-Барановскій.

ВОЙНА и ФИНАНСЫ

М. И. Фридмана.

Какія бы грандіозныя задачи ни стояли предъ страной, ведущей войну,—для государственнаго хозяйства, для финансовъ, война всегда тяжелое испытаніе, почти всегда потеря, а не пріобрѣтеніе.

Правда, цѣною затраты крупныхъ суммъ, цѣною напряженія налоговыхъ источниковъ и кредита могутъ быть куплены величайшія нематеріальныя блага для народа: свобода, независимость, національная мощь; могутъ быть добыты и экономическія выгоды, какъ-то: новые рынки, освобожденіе отъ неблагопріятныхъ торговыхъ договоровъ, поднятіе отечественной промышленности и торговли, и такъ далѣе. Но, тѣмъ не менѣе, финансы государства всякая война—даже наиболѣе справедливая и самая удачная—все-таки расшатываетъ, не улучшаетъ ихъ, а ухудшаетъ. Конечно, если побѣдитель получаетъ большую контрибуцію, превышающую издержки войны, финансы его становятся болѣе стойкими, чѣмъ раньше. Такіе случаи, однако, довольно рѣдки.

Вотъ почему, пытаясь опредѣлить, къ какимъ послѣдствіямъ въ области государственнаго хозяйства Россіи приведетъ переживаемое нами столкновеніе народовъ, мы вынуждены говорить не о радужныхъ перспективахъ, а объ ущербахъ и о способахъ сдѣлать неизбѣжныя затрудненія возможно меньшими, возможно болѣе легкими.

I.

Война застигла Россію въ періодъ благопріятнаго состоянія государственнаго хозяйства. Въ послѣдніе годы

доходы росли быстро и безостановочно благодаря значительному подъему народнаго богатства, вызванному удачными урожаями, высокими цѣнами на продукты сельскаго хозяйства и значительнымъ промышленнымъ подъемомъ. Несмотря на то, что расходы государства увеличивались непрестанно и весьма крупно, на 1 января 1914 года имѣлась громадная свободная наличность въ 514 мил. рублей.

Кромѣ этой суммы, въ распоряженіе государственнаго казначейства должны были поступить превышенія дѣйствительныхъ обыкновенныхъ доходовъ за первую половину 1914 года сравнительно съ предположеніями. Такъ ужъ ведется у насъ издавна, что доходы исчисляются очень осторожно и что поступаетъ ихъ обычно больше, чѣмъ разсчитываютъ (въ 1913 г., напр., обыкновенныхъ доходовъ получили больше, чѣмъ предполагали, на 177 милл. р.). Но зато имѣлись и сверхсмѣтные расходы: итогъ разрѣшенныхъ до войны сверхсмѣтныхъ кредитовъ составилъ 181.4 милл. р. Затѣмъ были сокращены тѣ расходы, которые признали не спѣшными, могущими быть отложенными, и этимъ способомъ съэкономили 341.3 милл. р. (вмѣстѣ съ сокращеніемъ сверхсмѣтныхъ кредитовъ). Надо думать, что названныя три статьи, въ цѣломъ (свободная наличность, сокращеніе расходовъ и повышеніе доходовъ) дали и дадутъ государству немного меньше милліарда рублей, а за вычетомъ сверхсмѣтныхъ расходовъ около 850 милл. р.

Но имъ приходится противопоставить тѣ недоборы, которые неминуемо должны оказаться въ росписи 1914 года по отношенію къ пяти съ небольшимъ мѣсяцамъ, протекающимъ во время войны. Такъ, исчезли доходы отъ продажи водки, почти перестали поступать таможенныя пошлины, значительно уменьшился доходъ отъ желѣзныхъ дорогъ, сократился лѣсной доходъ и понизились поступленія отъ большинства прямыхъ и косвенныхъ налоговъ— частью вслѣдствіе пріостановки нормальной хозяйственной жизни, частью изъ-за сокращенія потребленія. Въ силу этого доходная сторона нашего бюджета на текущій годъ должна уменьшиться на сумму, которую точно исчислить невозможно, а предположительно надо опредѣлить въ 725—750 милл. р., по крайней мѣрѣ (по исчисленіямъ министер-

ства финансовъ, недоборъ опредѣляется въ 725 милл. р.). Стало быть, дефицитъ по росписи 1914 г. окажется въ размѣрѣ 850 милл. приблизительно (недоборъ по доходамъ плюсъ сверхсмѣтные расходы, не подвергшіеся сокращенію) и будетъ покрытъ сокращеніемъ расходовъ и свободной наличностью, какъ можно было предвидѣть еще въ самомъ началѣ войны.

Вторая задача—сведеніе росписи на 1915 годъ. Предполагая даже, что война захватитъ только первую половину будущаго года, мы должны имѣть въ виду потерю годового дохода отъ водки (около 700 мил. р.) и значительные ущербы для перваго полугодія отъ сокращенія иныхъ доходовъ, на поступленіе которыхъ не можетъ не вліять отрицательно война. Конечно, всѣ старанія будутъ приложены къ тому, чтобы обыкновенные расходы невоеннаго характера и могущіе обождать, были отложены. Но нѣтъ никакой надежды на то, что эти сокращенія расходовъ дадутъ столько, сколько нужно для покрытія всѣхъ недоборовъ по доходамъ. По проекту росписи на 1915 г., сокращеніе обыкновенныхъ и чрезвычайныхъ расходовъ опредѣлено въ 379 милл. р., а недоборъ обыкновенныхъ доходовъ исчисляется въ 1.029 милл. р. Вѣроятно, что никакъ не менѣе 700 милл. придется добавить къ доходамъ 1915 года, чтобы свести концы съ концами. Таковы потребности государственнаго хозяйства на покрытіе нуждъ мирныхъ, на расходы, не относящіеся непосредственно къ войнѣ, но съ войною связанные и благодаря войнѣ возникшіе.

Сколько стоитъ война въ мѣсяцъ и сколько мѣсяцевъ она продлится? Кто можетъ отвѣтить на эти вопросы? Здѣсь область гаданій, болѣе или менѣе удачныхъ. Если исходить изъ цифры 400—500 милл. въ мѣсяцъ, исчисляя расходы по мобилизаціи въ 350—400 милл., то мы, вѣроятно, будемъ недалеки отъ истины. (Въ проектѣ росписи на 1915 г. общая сумма открытыхъ по всѣмъ вѣдомствамъ чрезвычайныхъ кредитовъ военнаго вѣдомства опредѣлена до конца октября въ 1435 милл. р., а расходы на мобилизацію указаны не менѣе 350 милл. р.). Въ такомъ случаѣ война потребуетъ, при общей годовой продолжительности, отъ 5 до 6 милліардовъ. Было бы странно говорить о тотъ, что

для государственнаго и для народнаго хозяйства Россіи никакого затрудненія не представитъ перенести потерю такой колоссальной суммы. Подобное нелѣпое заключеніе можно дѣлать только въ припадкѣ настроенія, которое проявляется въ знаменитомъ: „шапками закидаемъ“. Отъ приниженія непріятеля въ военномъ отношеніи и отъ маленія картины нашей борьбы съ германизмомъ въ суздальскихъ тонахъ въ видѣ легкаго боевого развлеченія, къ счастью, окончательно отказались. Зачѣмъ же сохранять подобныя иллюзіи въ области финансовъ, зачѣмъ доказывать то, чего доказать нельзя, и чему никто не повѣритъ: будто безъ всякихъ затрудненій, играючи, Россія добудетъ денегъ на веденіе небывалой по размѣрамъ и по стоимости войны? Не разумнѣе ли признать, что предстоитъ тяжелое испытаніе, что придется возложить на населеніе большое бремя, что потребуются очень существенныя жертвы. Если страна готова принести на алтарь отечественной войны гекатомбы жизней, то устрашитъ ли русскихъ людей перспектива денежныхъ пожертвованій, высокихъ налоговъ и хозяйственныхъ ущербовъ? Не надо забывать, что страхи предъ посвященіемъ широкихъ слоевъ населенія въ финансовыя мистеріи всегда приводятъ къ отрицательнымъ результатамъ: не зная, какъ велики будутъ издержки войны и связанныя съ войной потери народнаго хозяйства, но чувствуя, что онѣ должны быть немалыми, населеніе будетъ преувеличивать затрудненія, а стоустая молва распространитъ такіе фантастическіе страхи, предъ которыми должна поблѣднѣть самая печальная дѣйствительность [1]). Между тѣмъ правильная точка зрѣнія приводитъ къ выводу: какъ бы тяжелы ни были финансовыя жертвы для населенія, ихъ необходимо принести ради достиженія тѣхъ высокихъ и неотложныхъ задачъ, которыя стоятъ предъ государствомъ. Граждане россійскіе—не маленькія дѣти. Они имѣютъ право знать, что отъ нихъ по-

[1]) По словамъ М. М. Сперанскаго, сказаннымъ сто лѣтъ тому назадъ, „скрывать затрудненіе финансовъ есть вѣрный способъ умножать запутанность и питать безпокойство“.

требуется, и они должны сознательно участвовать въ изысканіи способовъ, какъ съ наименьшими потерями для цѣлаго и даже для отдѣльныхъ слоевъ и группъ слѣдуетъ достать средства на веденіе войны. Патріотизмъ не тожественъ съ сервилизмомъ и вовсе не требуетъ рабскаго послушанія, слѣпого слѣдованія за правительствомъ, куда бы оно ни повело...

Эти строки невольно вырвались изъ-подъ пера подъ впечатлѣніемъ статей нѣкоторыхъ газетъ о необходимости прекратить критику финансовыхъ мѣропріятій правительства, ибо сія критика радуетъ нашихъ враговъ. Думается, что тревожитъ этихъ „ура патріотовъ" не столько радость враговъ, сколько неудовольствіе власть имущихъ соотечественниковъ.

Мы считаемъ своимъ правомъ и своей обязанностью постараться выяснить, гдѣ достать средства на веденіе войны и намѣтить, каковы перспективы нашего государственнаго хозяйства послѣ окончанія войны, при чемъ страницы эти внушены не заботой о томъ, чтобы вселить страхъ въ сердца враговъ и не ради утѣшенія имъ написаны, а предназначаются исключительно для русскихъ людей, желающихъ знать, что ихъ ожидаетъ въ ближайшемъ будущемъ, и къ чему они должны быть готовы. Авторъ этихъ страницъ больше всего и прежде всего старается быть объективнымъ, распредѣлять свѣтъ и тѣни въ соотвѣтствіи съ натурой.

II.

Итакъ, предъ государствомъ стоятъ въ настоящее время двѣ финансовыхъ задачи большой важности и чрезвычайной сложности. Во-первыхъ, необходимо найти для замѣны дохода отъ водки и части акциза съ пива [1]) постоянные источники доходовъ, которые регулярно давали

[1]) Хотя акцизъ на пиво и увеличенъ значительно, но торговля пивомъ по закону весьма стѣснена и, кромѣ того, городамъ предоставлено ходатайствовать о полномъ прекращеніи этой торговли, при чемъ ходатайства ихъ подлежатъ исполненію. Этимъ воспользовались уже очень многіе города.

бы около 700 милл. р., во-вторыхъ, надо изыскать для покрытія военныхъ расходовъ 5—6 милліардовъ съ помощью чрезвычайныхъ рессурсовъ.

Какъ разрѣшить эти задачи?

Мы знаемъ, что государство получаетъ средства отъ населенія и вводитъ для нуждъ нормальнаго бюджета, ради полученія повторяющихся сборовъ, разнаго вида налоги, а также изыскиваетъ и доходы отъ предпріятій. Въ цѣляхъ извлеченія единовременныхъ и большихъ доходовъ прибѣгаютъ къ особымъ чрезвычайнымъ налогамъ, къ использованію государственнаго кредита съ помощью выпуска различнаго типа обязательствъ государства и, наконецъ, къ усиленному напряженію эмиссіоннаго права, къ обильному снабженію народнаго денежнаго обращенія кредитными билетами.

Какіе же изъ указанныхъ источниковъ и въ какой мѣрѣ будутъ использованы? Надо полагать, что окажется необходимымъ черпать всѣми намѣченными способами, что придется и увеличивать налоги, и вводить новые сборы, и расширять предпринимательскую дѣятельность государства, и выпускать долгосрочные и краткосрочные займы, и печатать кредитные билеты.

Налоги въ качествѣ источника для покрытія военныхъ расходовъ обыкновенно въ новѣйшее время особенно большой роли не играютъ. Причина проста: теперь военныя нужды требуютъ такихъ громадныхъ суммъ, которыя нельзя взять сразу или въ короткій срокъ изъ народнаго хозяйства, не рискуя нанести состоянію этого хозяйства непоправимый уронъ, не затрагивая источника всякаго дохода—капитала. Поэтому предпочитаютъ прибѣгать къ займамъ, которые позволяютъ расплату отсрочить, разбить на рядъ лѣтъ, иногда на многіе годы.

Но тѣмъ не менѣе богатыя страны, гдѣ обложеніе не достигло предѣла и не подошло вплотную къ допустимой грани, считаютъ—и совершенно правильно—что часть военныхъ расходовъ должна быть покрыта повышеніемъ налоговъ и введеніемъ новыхъ сборовъ. Да и у насъ, въ Россіи, конечно, слѣдовало бы на нужды военнаго времени установить добавочное напряженіе податныхъ силъ. Такъ

вначалѣ и думали поступить. Однако, когда рѣшенъ былъ вопросъ о прекращеніи навсегда винной монополіи, ясно стало, что для заполненія именно этой бреши въ бюджетѣ неизбѣжно отыскать постоянные источники поступленій, каковыми могутъ быть только или налоги—и притомъ не военнаго, чрезвычайнаго, а именно обычнаго, регулярнаго типа—или предпріятія. Вѣдь, къ сожалѣнію, говорить о сокращеніи расходовъ государства на значительную сумму, при нашихъ ничтожныхъ затратахъ на культурно-производительныя нужды и при грандіозности предстоящихъ въ этой области задачъ, можно, лишь имѣя въ виду пониженіе издержекъ на войско и флотъ, разсчитывая на крушеніе милитаризма и системы вооруженнаго мира. Но насколько прочны эти надежды—кто знаетъ? Дѣйствительныя сокращенія по этой части дадутъ вѣроятно не особенно много и будутъ поглощены, во-первыхъ, необходимостью, хотя бы частично, возобновить то, что будетъ истрачено и попорчено во время войны (всякаго рода запасы, орудія, суда, крѣпости и т. д.), во-вторыхъ, неизбѣжнымъ созданіемъ сильнаго черноморскаго флота, если къ намъ отойдутъ проливы и, въ-третьихъ, ростомъ культурно-производительныхъ расходовъ.

При такихъ условіяхъ налоги и предпріятія цѣлесообразнѣе использовать на замѣну убытковъ казны отъ сокращенія питейныхъ доходовъ. А на веденіе войны остается обратить только поступленія отъ единовременнаго чрезвычайнаго сбора, который, однако, покроетъ лишь небольшую часть требуемыхъ суммъ. Остальное очевидно должно быть получено съ помощью займовъ и выпуска кредитныхъ билетовъ.

III.

Правительственные планы относительно налоговъ сводятся съ одной стороны къ повышенію ставокъ всѣхъ дѣйствующихъ сборовъ и къ увеличенію почтово-телеграфнаго и желѣзнодорожнаго тарифа; съ другой—къ введенію нѣкоторыхъ временныхъ налоговъ чрезвычайнаго характера. Въ „Собраніи узаконеній“ уже опубликованы изданные

по 87 ст. новые законы о налогахъ: увеличеніе слѣдующихъ прямыхъ налоговъ и пошлинъ: съ недвижимыхъ имуществъ въ городахъ, квартирнаго, промысловаго, гербоваго сбора и пошлинъ съ застрахованныхъ отъ огня имуществъ. Въ портфелѣ министра финансовъ имѣются, сверхъ того, изъ сборовъ той же категоріи проекты: повышенія поземельнаго налога и судебныхъ пошлинъ, увеличенія сбора по спеціальнымъ текущимъ счетамъ, введенія новаго налога на доходы отъ закладныхъ, нѣкотораго расширенія сферы дѣйствія промысловаго налога и т. д. Отъ всѣхъ этихъ повышеній ожидаютъ около 166 милл. дохода.

Далѣе, министерство финансовъ предполагаетъ осуществить, подъ именемъ государственнаго военнаго налога, подоходный сборъ съ лицъ, не призванныхъ къ исполненію воинской повинности. Этотъ налогъ состоитъ изъ трехъ частей: изъ общаго налога со всѣхъ лицъ, кромѣ участвующихъ въ оборонѣ страны; особаго добавочнаго налога съ тѣхъ изъ нихъ, кто освобожденъ отъ воинской службы по призыву (прибавка въ 50% къ подоходному налогу съ лицъ, имѣющихъ доходу свыше 1000 р. и по 6 р. въ годъ съ менѣе состоятельныхъ); дополненія къ прямымъ налогамъ въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ отдѣльныя области или группы населенія изъяты вовсе отъ отбыванія воинской повинности. Поступленія отъ этого сбора исчислены въ 85 милл. Затѣмъ имѣлась въ виду нѣкоторая реформа обложенія наслѣдствъ. Всего, такимъ образомъ, отъ прямыхъ налоговъ и пошлинъ ожидаютъ 250—270 милл. р.

Налоги на предметы потребленія частью уже осуществлены, какъ-то: повышеніе сбора съ табака и пива и, если можно ихъ сюда отнести, почтовыхъ и телеграфныхъ тарифовъ и введеніе налога на телефоны, частью приняты по 87 ст., а именно, акцизъ съ сахара, керосина и нефтяныхъ продуктовъ, съ дрожжей, со спичекъ, съ папиросныхъ гильзъ и папиросной бумаги, новый налогъ съ хлопка. Сверхъ того, имѣется въ виду поднять пошлины на чай, на хлопокъ и на рядъ другихъ продуктовъ, ввести налоги на вино, электрическое и газовое освѣщеніе и т. д. Опредѣлить сколько-нибудь точно размѣры дополнительныхъ доходовъ казны отъ этой группы налоговъ очень трудно:

повышеніе налоговъ на предметы потребленія очень часто приводитъ къ сокращенію потребленія, и въ результатѣ поступленія увеличиваются на меньшую сумму, чѣмъ ожидали, а иногда даже сокращаются. Одинъ изъ авторовъ правительственныхъ проектовъ полагаетъ, что съ помощью этихъ налоговъ на предметы потребленія можно будетъ получить до 350 милл. р. Намъ думается, что врядъ ли эти ожиданія оправдаются. Такъ, напр., повышеніе поступленій отъ пива исчисляются въ 50 милл. Но, вѣдь, торговля пивомъ очень ограничена, и притомъ городамъ и другимъ заинтересованнымъ общественнымъ учрежденіямъ предоставлено прекращать торговлю пивомъ въ своихъ предѣлахъ, чѣмъ въ очень многихъ мѣстахъ уже воспользовались. Надо полагать поэтому, что, несмотря на повышеніе акциза съ пива, казна получитъ отъ него не больше прежняго, а несомнѣнно значительно меньше. Правильнѣе считать, что отъ повышенія перечисленныхъ выше налоговъ на предметы потребленія, поступленія выразятся въ 250—300 милл. добавочныхъ.

Кромѣ того, для покрытія въ бюджетѣ 1915 года дефицита, вызваннаго военными обстоятельствами, имѣются въ виду единовременный сборъ въ денежныхъ капиталовъ и два временныхъ налога, взимаемыхъ съ желѣзнодорожныхъ перевозокъ: 1) съ проѣзжающихъ по желѣзнымъ дорогамъ пассажировъ, съ пассажирскаго багажа и съ грузовъ, перевозимыхъ по багажнымъ квитанціямъ, 2) съ перевозимыхъ по желѣзнымъ дорогамъ грузовъ пассажирской, большой и малой скорости. Первый изъ только что указанныхъ сборовъ не представляетъ серьезнаго фискальнаго интереса, а второй, знаменующій налогъ на всѣ перевозимые товары, обѣщаетъ значительныя поступленія. Оба сбора на 1915 г. исчислены въ 228 милл. р. Этотъ расчетъ не принимаетъ во вниманіе того, что при высокомъ обложеніи грузы могутъ частью перейти на гужевую доставку, именно на короткихъ разстояніяхъ, которыя приносятъ казнѣ особую выгоду, такъ какъ на нихъ высоки тарифы. Въ общемъ и цѣломъ, прикидывая всѣ поступленія отъ введенныхъ и проектируемыхъ сборовъ, мы получаемъ предположительную цифру не болѣе 700 милл. р. Въ роспись

на 1915 г. вводится отъ произведеннаго уже повышенія дѣйствующихъ и введенія новыхъ налоговъ 536 милл.

Однако не всѣ изъ этихъ поступленій могутъ считаться постоянными: само министерство финансовъ имѣетъ въ виду налогъ на перевозки отмѣнить послѣ окончанія войны, единовременный характеръ носитъ налогъ съ денежныхъ капиталовъ и хлопковый сборъ (отъ него ждутъ 30 милл. р.). Надо думать, что около 250 милліоновъ отпадетъ по окончаніи войны изъ той суммы, которую мы только что исчислили. Какъ замѣнить эти недоборы? Оставаясь пока въ сферѣ чисто налоговыхъ мѣропріятій, мы не можемъ не обратить вниманія на возможность получить дополнительные доходы отъ столь справедливыхъ источниковъ обложенія, какъ подоходный налогъ и налогъ съ наслѣдствъ. Министерство финансовъ имѣетъ въ виду пока только пересмотрѣть оцѣнку имуществъ для взиманія налога съ наслѣдствъ. Если осуществить болѣе широкую реформу въ духѣ внесеннаго уже правительствомъ въ Думу и разсмотрѣннаго въ финансовой комиссіи проекта, если отмѣнить рядъ необоснованныхъ льготъ и въ томъ числѣ льготу помѣстному землевладѣнію, если ввести высокую прогрессію въ зависимости отъ размѣра переходящаго имущества, каковой у насъ вовсе нѣтъ, то отъ этого сбора можно добыть нѣсколько десятковъ милліоновъ, сверхъ нынѣ получаемой ничтожной суммы. Далѣе, вмѣсто предполагаемаго министерствомъ финансовъ военнаго сбора подоходнаго типа слѣдуетъ ввести обычный подоходный налогъ, который дастъ вмѣсто 85 милліоновъ при ставкахъ, предположенныхъ правительствомъ (до 12% съ добавочнымъ сборомъ) отъ 100 до 120 милліоновъ, а при усиленномъ обложеніи фундированныхъ доходовъ и при повышенныхъ ставкахъ до 150—200 милл. Надо сказать, что самая идея военнаго сбора не можетъ быть признана удачной. Лица, освобождаемыя отъ воинской повинности, или не пригодны въ физическомъ отношеніи, и тогда несправедливо брать съ нихъ налогъ, такъ какъ имъ труднѣе другихъ зарабатывать пропитаніе, или это кормильцы семьи—въ такомъ случаѣ очевидна ихъ неплатежеспособность. Остаются тѣ, кого не взяли въ виду заполненія контингента. Но ихъ не

такъ много вообще, а въ военное время въ особенности. Затѣмъ несправедливо освобождать отъ налога всѣхъ, призванныхъ къ отбыванію воинской повинности. Если въ военное время это еще имѣетъ извѣстныя основанія, хотя и довольно зыбкія, то вообще говоря, если лицо осталось платежеспособнымъ, имѣетъ доходъ, его слѣдуетъ облагать въ соотвѣтствіи съ величиной дохода, независимо отъ того, какія обязанности это лицо исполняетъ, находится оно на военной службѣ или нѣтъ.

Сверхъ того, подоходный налогъ имѣетъ то преимущество, что отъ него освобождаются лица съ малыми доходами, тогда какъ военный налогъ привлекаетъ ихъ къ подушной подати, каковой является шестирублевый взносъ. Наконецъ, при подоходномъ налогѣ можно заставить платить акціонерныя общества, которыя, конечно, военнаго налога, какъ не подлежащія воинской повинности юридическія лица, платить не должны. Акціонерныя общества не являются естественными плательщиками и подоходнаго налога; но то, что неправильно при хорошемъ состояніи финансовъ и въ обычное время, тому приходится подчиниться въ періодъ острой нужды государственнаго казначейства.

Изъ предыдущаго изложенія оказывается, однако, что всѣ новые налоги, вмѣстѣ взятые, нужны для покрытія недоборовъ по обыкновенному бюджету и вовсе ничего не дадутъ на военные расходы. Очевидно, указанные налоговые источники недостаточны. И вотъ отчасти на этой почвѣ, вслѣдствіе желанія добыть отъ налоговъ болѣе крупныя суммы на войну, а главнымъ образомъ ради замѣны проектированнаго правительствомъ плана выдвигали и выдвигаютъ мысль о чрезвычайномъ сборѣ единовременнаго характера, основанномъ на обложеніи имуществъ и доходовъ.

Когда мысль о налогѣ этого типа была высказана въ самомъ началѣ войны, то имѣлось въ виду правительственному плану изысканія средствъ на военные расходы съ помощью повышенія всѣхъ налоговъ и сборовъ и обложенія перевозокъ противопоставить болѣе раціональный чрезвычайный налогъ поимущественно-подоходнаго характера, который далъ бы казнѣ крупную сумму единовременно, не затрагивая сложившихся экономическихъ отношеній, не ка-

саясь сферы производства и обмѣна продуктовъ, который падалъ бы на доходы, на результаты хозяйственнаго процесса. При этомъ одни считали болѣе правильнымъ привлечь къ несенію даннаго сбора только тѣ классы насесенія, которые имѣютъ извѣстный минимумъ дохода (напр., свыше 1000 р.) или имущества (3—5 тысячъ), а недостающую сумму взыскать съ малосостоятельныхъ классовъ, поскольку это окажется необходимымъ, съ помощью налоговъ на потребленіе. Другіе же находили возможнымъ поимущественное или подоходное обложеніе распространить на всѣхъ, при чемъ нѣкоторые способъ взиманія для малыхъ доходовъ оставляли такой же, какъ и для крупныхъ, а другіе предпочитали подушную подать или похозяйственный сборъ.

Въ послѣднее время на сторону защитниковъ единовременнаго сбора поимущественно-подоходнаго типа стали торгово-промышленные круги въ лицѣ совѣта съѣздовъ представителей промышленности и торговли, которые представляли себѣ этотъ налогъ, какъ всенародный, организованный по отношенію къ малымъ доходамъ на принципѣ подушной подати. Имъ казалось, что проектомъ этимъ они будутъ въ состояніи парализовать чрезвычайный желѣзнодорожный сборъ, который особенно тяжелъ для народнаго хозяйства, и повышеніе ряда прямыхъ налоговъ реальнаго характера. Намѣчаемый сборъ долженъ былъ дать казнѣ около 700 милл. р. и ставки его доходили до 50% (доходы свыше 100 т. р., основанные на имуществѣ). Хотя прямые налоги и желѣзнодорожный сборъ стали уже законами, интересъ къ чрезвычайному поимущественно-подоходному налогу у промышленниковъ не исчезъ. Они предлагаютъ замѣнить этимъ сборомъ повышеніе реальныхъ налоговъ и думаютъ привлеченіемъ къ податному бремени всѣхъ классовъ населенія избѣжать односторонняго использованія при дальнѣйшемъ увеличеніи налоговъ платежеспособности торгово-промышленныхъ слоевъ.

Но разсуждая по существу о чрезвычайномъ сборѣ въ новыхъ условіяхъ, когда, кромѣ военныхъ расходовъ, должны быть покрыты хроническіе недоборы по обыкновенному бюджету и когда для этого неизбѣжны постоянные

налоги, мы считаемъ его все-таки желательнымъ. Дѣло въ томъ, что собрать 5—6 милліардовъ, которые потребуются на войну, съ помощью займовъ и кредитныхъ билетовъ, окажется очень труднымъ, какъ будетъ видно изъ дальнѣйшаго изложенія. Ради защиты и охраны будущаго экономическаго развитія Россіи и въ интересахъ самихъ капиталистовъ крайне важно, чтобы денежное обращеніе пострадало отъ войны возможно меньше. А въ такомъ случаѣ нѣтъ иного выхода, кромѣ покрытія части военныхъ расходовъ налоговыми источниками. Поэтому, рядомъ съ осуществленными и находящимися наканунѣ осуществленія обыкновенными налогами, придется ввести и чрезвычайный единовременный сборъ подоходнаго характера, который долженъ дать казнѣ значительныя суммы.

Мы опредѣленно указываемъ теперь на подоходный сборъ, а не на поимущественный, потому что у насъ не привыкли къ этому послѣднему типу обложенія и врядъ ли отдаютъ себѣ правильный отчетъ въ его свойствахъ. Подоходный же сборъ достаточно извѣстенъ и даже пожалуй чрезмѣрно идеализируется. Это одно. Далѣе. Очень трудно и почти невозможно оцѣнить по продажной стоимости имущества разнаго типа: это требовало бы большихъ и дорогихъ оцѣночныхъ работъ. А если опредѣлять сперва доходъ, а затѣмъ капитализировать его, то, въ сущности, теряется весь смыслъ поимущественнаго сбора, ибо въ дѣйствительности критеріемъ берется въ такомъ случаѣ доходъ. Кромѣ того, очень хитро капитализировать такіе источники дохода, которые получаются отъ промышленности и торговли, гдѣ доходы лишь частью (а какой—неизвѣстно) основаны на капиталѣ,—остальное же есть доходъ не фундированный, то-есть проистекающій изъ заработка. Выходъ изъ положенія можно найти, установивъ подоходный налогъ съ чрезвычайными на время войны ставками и съ различной высотой ставокъ въ зависимости отъ того, идетъ ли рѣчь о доходѣ, основанномъ на имуществѣ (земля, домъ, процентныя бумаги), или на заработкѣ (доходы врачей, писателей, адвокатовъ, служащихъ въ предпріятіяхъ, чиновниковъ), или же имѣется въ виду такой смѣшанный и двойственный доходъ какъ торгово-промышленный. Принявъ за

единицу ставку налога съ дохода отъ заработка, можно повысить вдвое или втрое ставку сбора съ фундированныхъ доходовъ, а торгово-промышленный доходъ обложить средней ставкой, соотвѣтственно, въ полтора или два раза выше, чѣмъ доходы отъ личнаго заработка *).

Доходы менѣе тысячи рублей обложенію чрезвычайнымъ сборомъ подвергать, собственно говоря, не слѣдовало бы и по техническимъ соображеніямъ и по соображеніямъ о податной справедливости. Правда, неимущія группы населенія получили „подарокъ“ почти въ милліардъ отъ прекращенія торговли водкой и платежеспособность ихъ возросла. Но съ другой стороны, именно они особенно тяжело почувствуютъ на себѣ послѣдствія войны: гдѣ тонко, тамъ и рвется, а здѣсь вѣдь слой благосостоянія очень тонокъ. Стоитъ семьѣ потерять работника или получить послѣ войны больного человѣка, вмѣсто здороваго, и приходится чуть не по міру идти. Экономическія невзгоды тяжко отразятся и на городскомъ недостаточномъ населеніи. Затѣмъ, вовсе не поголовно всѣ семьи и плательщики Россіи пили водку: одни пили много, а другіе мало или вовсе не пили. Соотвѣтственно отъ прекращенія торговли водкой выигрыши распредѣляются далеко не равномѣрно, а подушный сборъ вѣдь ложится, не считаясь съ тѣмъ, кто сколько водки пилъ и кто сколько выигралъ при новомъ порядкѣ. Вотъ почему косвенные налоги на предметы широкаго массоваго потребленія справедливѣе въ данномъ случаѣ, чѣмъ подушный сборъ. Сверхъ того, прямые налоги сопряжены съ принудительнымъ взысканіемъ, съ описью имущества, съ арестомъ за недоимки, а при косвенныхъ, если дѣло идетъ не о предметахъ первой необходимости и не о предметахъ порочной страсти и дурной привычки, потребляетъ и платитъ человѣкъ все-таки въ извѣстномъ соотвѣтствіи со своимъ достаткомъ и заработкомъ,—въ крайнемъ случаѣ отказывая себѣ въ потребленіи обложеннаго предмета.

Да и съ технической точки зрѣнія казнѣ невозможно

*) Та же задача могла бы быть осуществлена съ помощью установленія рядомъ съ подоходнымъ налогомъ поимущественнаго, ради усиленнаго обложенія фундированныхъ доходовъ.

вѣдаться съ десятками милліоновъ плательщиковъ, а круговую поруку ввести было бы возвращеніемъ къ печальному прошлому. Въ случаѣ необходимости легче и проще взыскать этотъ сборъ установленіемъ въ деревнѣ прибавки къ поземельному налогу, а въ городахъ тройной или пятерной ежедневной заработной платой по образцу соотвѣтствующаго личнаго налога во Франціи. Разумѣется, лучше было бы, если бы удалось обойтись безъ этихъ сборовъ, такъ какъ косвенные налоги уже достаточно повышены, при чемъ налогъ на перевозимые товары не щадитъ ни хлѣба, ни мяса, ни соли, ни топлива, ни одежды; повышается, кромѣ того, налогъ на керосинъ, спички, дрожжи, вводится высокій сборъ съ внутренняго хлопка и повышается пошлина на привозный. Словомъ, въ обложеніи предметовъ потребленія мы дошли уже до продуктовъ первой необходимости. Но съ другой стороны есть опасность, что дальнѣйшее повышеніе косвенныхъ налоговъ можетъ привести къ сокращенію потребленія и не дастъ желаемаго для казны эффекта. И это даетъ извѣстное оправданіе введенію прямыхъ сборовъ съ мало состоятельныхъ группъ населенія, которыя потерпятъ вѣдь и отъ переложенія на нихъ многихъ изъ такъ называемыхъ прямыхъ налоговъ.

Въ зависимости отъ ставокъ чрезвычайный подоходный сборъ можетъ дать болѣе или менѣе крупныя поступленія. А размѣръ ставокъ долженъ быть опредѣленъ въ соотвѣтствіи съ потребностями государства. При повышеніи реальныхъ налоговъ и цѣлаго ряда косвенныхъ, конечно, опасно было бы взять сверхъ того подоходнымъ налогомъ болѣе 400—500 милл. р. *). Но, съ другой стороны, какъ будетъ видно изъ послѣдующаго изложенія, финансовая нужда весьма велика.

IV.

Изъ того, что сказано, ясно одно: свыше 5 милліардовъ необходимо—при расчетѣ на годовую продолжитель-

*) Конечно, во время дѣйствія чрезвычайнаго подоходнаго налога тотъ обыкновенный сборъ, о которомъ сказано выше, не долженъ взиматься.

ность войны—изыскать съ помощью займовъ и кредитныхъ билетовъ. Посмотримъ, что по этой части сдѣлано, что возможно и придется сдѣлать.

Займы обыкновенно являются главнымъ источникомъ для покрытія военныхъ расходовъ. Страны съ большимъ количествомъ свободныхъ капиталовъ, снабжающія весь міръ деньгами, какъ Англія и Франція, легко находятъ рынокъ во время мира и во время войны у себя дома для размѣщенія своихъ государственныхъ бумагъ. Россія занимала, главнымъ образомъ, заграницей. Но наши кредиторы теперь сами вынуждены напрягать свой кредитъ: Франція заключаетъ крупнѣйшіе внутренніе займы, Англія прибѣгаетъ къ выпуску облигацій на нѣсколько милліардовъ для себя и для колоній, Соединенные Штаты Сѣверной Америки страдаютъ отъ экономическаго застоя и переживаютъ не только торговопромышленный, но и кредитный кризисъ. Очевидно, Россія предоставлена въ значительнѣйшей мѣрѣ собственнымъ силамъ, хотя, конечно, не исключены небольшіе займы и заграницей, по преимуществу, вѣроятно, валютнаго характера.

Какъ же велики эти силы? Иными словами: сколько средствъ можетъ дать намъ внутренній рынокъ для размѣщенія займовъ? Рѣшающую роль въ данномъ случаѣ имѣютъ два обстоятельства: какова сама по себѣ емкость рынка капиталовъ въ Россіи, во-первыхъ, и въ какой мѣрѣ капиталисты готовы будутъ помѣстить имѣющіяся средства въ бумаги государства—во-вторыхъ. Относительно послѣдняго пункта можно быть спокойнымъ. Успѣхи русскаго оружія таковы, что нѣтъ никакихъ основаній сомнѣваться въ конечной побѣдѣ Россіи, при чемъ побѣда эта должна привести къ улучшенію условій экономическаго развитія страны отчасти тѣмъ, что освобожденъ будетъ выходъ для нашихъ товаровъ черноморскимъ путемъ, отчасти тѣмъ, что уничтожены будутъ невыгодные для страны торговые договоры съ Германіей. Съ помощью предоставленія надлежащихъ условій—при наличности основательной надежды на улучшеніе кредита Россіи послѣ войны и на подъемъ дешево купленныхъ бумагъ—не трудно привлечь и заинтересовать въ займѣ людей, имѣющихъ свободныя средства.

Гораздо серьезнѣе другая задача: опредѣлить, на какую сумму можно добыть займами внутри страны. Косвенныя указанія имѣются въ томъ, что хотя и не сразу, но на веденіе русско-японской войны было получено все-таки отъ внутреннихъ займовъ около 600 милл., и въ томъ, что съ тѣхъ поръ нашъ денежный рынокъ колоссально расширился. Стоитъ напомнить, что къ 1 января 1904 года числилось размѣщенныхъ въ Россіи процентныхъ бумагъ, закладныхъ и денежныхъ суммъ на 11 милліардовъ, а къ 1913 году на 19 милліардовъ рублей, при чемъ обращеніе процентныхъ бумагъ выросло съ 8 до 13 милліардовъ. Вкладовъ и текущихъ счетовъ въ русскихъ кредитныхъ учрежденіяхъ и въ сберегательныхъ кассахъ было на 1 января 1904 г. около 2,5 милліардовъ, а къ 1 октября 1913 года около 6 милліардовъ. При этомъ вклады въ обществахъ взаимнаго кредита выросли на 155%, въ учрежденіяхъ мелкаго кредита на 600%, въ сберегательныхъ кассахъ вдвое (съ 1 до 2 милліардовъ руб.).

Конечно, во время войны, когда цѣлый рядъ предпріятій стоитъ безъ дѣла, когда и торговля и сельское хозяйство терпятъ ущербы, накопленіе капиталовъ не можетъ идти столь быстро, какъ въ нормальное время. Но, съ другой стороны, надо имѣть въ виду и то обстоятельство, что бумаги, которыя выпускались на русскомъ рынкѣ, шли въ послѣдніе годы почти исключительно на торгово-промышленныя нужды и на ипотечные займы, такъ какъ государственныхъ займовъ почти не заключалось въ 1909—1913 годахъ. Теперь, разумѣется, о расширеніи заводовъ и фабрикъ и объ эмиссіяхъ частно-хозяйственнаго характера въ сколько-нибудь широкихъ размѣрахъ думать не приходится. Затѣмъ сокращается кредитъ со стороны предпріятій и банковъ, реализуется цѣлый рядъ обязательствъ. Все это освобождаетъ весьма крупные капиталы,—тѣмъ болѣе, что прежнія бумаги неохотно покупаются. Наконецъ—и это обстоятельство имѣетъ особо существенное значеніе—вѣдь тѣ громадныя суммы, которыя правительство должно будетъ затратить на войну, останутся почти цѣликомъ внутри страны, поступятъ поставщикамъ провіанта, фуража, обмундированія, снарядовъ, орудій и т. д.,

а отъ нихъ разойдутся по многимъ другимъ отраслямъ народнаго хозяйства. Эти деньги, поступившія въ оборотъ, будутъ искать примѣненія и должны приливать въ кассы банковъ и сберегательныхъ учрежденій. Отсюда ихъ можно взять съ помощью государственнаго займа или ряда такихъ займовъ, которые дадутъ выгодное помѣщеніе праздно лежащимъ капиталамъ. Данныя о движеніи вкладовъ за время войны свидѣтельствуютъ, что послѣ кратковременнаго отлива вкладовъ въ первые дни, въ кассы банковъ и сберегательныхъ учрежденій стали вновь притекать значительныя суммы.

Нѣкоторыя кредитныя операціи уже имѣли мѣсто въ Россіи во время войны. Такъ, было выпущено билетовъ государственнаго казначейства (серій) на 300 милл. и обязательствъ государственнаго казначейства на сумму въ 400 милл. р. въ русской валютѣ. Сверхъ того, министру финансовъ разрѣшено выпустить еще на 400 милл. такихъ же обязательствъ въ русской или иностранной валютѣ, смотря по обстоятельствамъ, и на 12 милл. фунтовъ въ англійской валютѣ. Затѣмъ въ концѣ октября состоялся долгосрочный заемъ на сумму въ 500 милл. р.

Эти операціи далеко не однородны по своему характеру. Серіи, въ сущности говоря, суть процентныя деньги: хотя онѣ и необязательны для пріема въ частные платежи, но въ казначействахъ и въ государственномъ банкѣ онѣ принимаются по номинальной цѣнѣ, наравнѣ съ кредитными билетами. Это нѣчто среднее между облигаціями и кредитными билетами.

Обязательства государственнаго казначейства суть не что иное, какъ полугодовые векселя казначейства; они учитываются либо государственнымъ банкомъ, который взялъ ихъ (стоимостью по 100 тысячъ, полмилліона и милліонъ каждое) на сумму 473 милл. къ 1 декабря текущаго года и выпустилъ подъ нихъ кредитные билеты, либо другими отечественными иностранными банками.

Такимъ образомъ, рынокъ капиталовъ этими двумя произведенными операціями не затронутъ: онѣ представляютъ собою использованіе права государственнаго банка

на выпускъ кредитныхъ билетовъ и права казначейства на снабженіе оборота суррогатами бумажныхъ денегъ. Настоящій заемъ долгосрочнаго типа на внутреннемъ денежномъ рынкѣ страны былъ впервые осуществленъ въ формѣ 5% займа 1914 года, выпущеннаго, по указу отъ 3 октября, купюрами отъ 50 до 5000 р., навсегда освобожденнаго отъ сбора съ доходовъ отъ денежныхъ капиталовъ, погашаемаго въ теченіе 49 лѣтъ, при чемъ государство обѣщаетъ не приступать ни къ конверсіи, ни къ досрочному выкупу его до 1 марта 1925 года.

Заемъ этотъ былъ размѣщенъ частью въ государственномъ банкѣ и сберегательныхъ кассахъ (около 200 милл.), частью въ частныхъ банкахъ (300 милл.). Повидимому, блестящаго успѣха въ публичной подпискѣ эта операція не имѣла, несмотря на то, что были допущены мелкія купюры и, такимъ образомъ, открытъ доступъ мелкимъ капиталистамъ. Къ сожалѣнію, съ подписчиковъ на малыя суммы потребовали немедленныхъ взносовъ, и это затруднило ихъ участіе. Съ другой стороны, крупные капиталисты какъ будто недостаточно охотно покупали новыя бумаги, находя условія займа мало выгодными для себя и смущенные настойчивыми слухами и агитаціей извѣстныхъ круговъ въ пользу выигрышныхъ займовъ,—спекулятивной бумаги излюбленнаго типа. Наконецъ, сказалось и отсутствіе биржи. При условіяхъ даннаго времени, вѣроятно, осторожнѣй и цѣлесообразнѣе было бы выпустить не одинъ заемъ въ полмилліарда, а нѣсколько, по 200 милл. каждый, съ нѣкоторыми промежутками, хотя бы и небольшими. Во всякомъ случаѣ, теперь придется выждать порядочное время, пока обстановка окажется благопріятной для новой кредитной операціи,—на пріемлемыхъ для государства условіяхъ, разумѣется.

Всего пока государство отъ займовъ получило на веденіе войны, въ сущности, лишь около 900 милл. (300+500 милл.+12 милл. ф. ст., учтенныхъ англійскимъ банкомъ обязательствъ госуд. казн.). Казначейство имѣетъ, кромѣ того, полномочія размѣстить краткосрочныя обязательства еще на 325 милл. р. Министръ финансовъ въ объяснительной запискѣ къ росписи на 1915 годъ выражаетъ „твердую

увѣренность въ томъ, что заключеніе новыхъ военныхъ займовъ, какъ внутри страны, такъ и при первой возможности заграницей, не представитъ особыхъ затрудненій". Къ сожалѣнію, трудно раздѣлить этотъ оптимизмъ полностью. Мы полагаемъ, что самое большее, на что можно разсчитывать до окончанія войны—это довести сумму занятыхъ средствъ до 2 милліардовъ рублей *).

V.

Въ качествѣ единственнаго средства добыть остальныя громадныя деньги (свыше 3 милліардовъ) придется использовать эмиссіонную операцію государственнаго банка, то-есть, попросту говоря, прибѣгнуть къ помощи печатнаго станка для изготовленія кредитныхъ билетовъ. Мѣра эта—старинная и повсюду теперь примѣняемая. Дѣло только въ томъ, сколько можно выпустить кредитныхъ билетовъ, не разрушивъ денежнаго аппарата и не ввергнувъ страну въ пучину бумажно-денежнаго хозяйства.

Какъ видно изъ послѣдняго передъ войной баланса государственнаго банка, война застала наше денежное обращеніе въ чрезвычайно благопріятномъ состояніи: къ 16 іюля золота въ монетѣ, слиткахъ и ассигновкахъ имѣлось въ Россіи и заграницей на 1.745 милл. р., а кредитныхъ билетовъ было выпущено въ народное обращеніе на 1.633 милл. По закону, дѣйствовавшему въ то время, банкъ имѣлъ право выпустить кредитныхъ билетовъ на 300 милл. больше, чѣмъ имѣлъ золота, а въ дѣйствительности, какъ оказывается, онъ не находилъ нужнымъ даже соблюдать равенства между этими статьями. Поэтому неиспользованное эмиссіонное право банка равнялось тогда 400 милл. р. съ небольшимъ. Чтобы дать банку свободу дѣйствій по выпуску билетовъ и чтобы охранить золото его отъ отлива въ руки частныхъ лицъ, были изданы законы, которыми, во-первыхъ, пріостанавливался размѣнъ, а во-вторыхъ, расширялось эмиссіонное право государственнаго банка пре-

*) Обязательства государственнаго казначейства, поскольку они учитываются въ государственномъ банкѣ, нельзя, разумѣется, относить къ займамъ. Вѣдь подъ нихъ выпускаются кредитные билеты.

доставленіемъ ему выпускать, сверхъ разрѣшенной ранѣе суммы, еще на 1.200 милл. кредитныхъ билетовъ. Всего, стало быть, банкъ можетъ выпустить на $1^1/_2$ милліарда кредитокъ больше, нежели у него имѣется золота. Что же использовано изъ этого права до сихъ поръ? Отвѣтъ на это даетъ намъ балансъ на 1 декабря.

Оказывается, за время съ 16 іюля по 1 декабря выпущено кредитныхъ билетовъ на 1.213 милл. р., такъ что теперь ихъ находится въ народномъ обращеніи на 2.846 милл., при золотомъ обезпеченіи въ кассахъ банка въ 1.553 милл. и заграницей въ 215 милл. Заграничное „золото“ однако является недосягаемымъ въ настоящее время. Оно вѣдь представляетъ изъ себя помѣщенныя на текущій счетъ въ банкахъ дружественныхъ державъ деньги, которыя могли быть легко превращены въ золото, пока существовалъ размѣнъ. Теперь же во Франціи не только нельзя эти суммы превратить въ золото въ виду прекращенія размѣна, но даже совсѣмъ невозможно ихъ получить пока, такъ какъ объявленный здѣсь мораторіумъ на вклады распространяется и на вклады русскаго правительства во французскіе банки. Разумѣется, надо надѣяться, что такъ или иначе министерству финансовъ удастся высвободить свои деньги въ скоромъ времени. Во всякомъ случаѣ, по прекращенію срока мораторіума, получить ихъ можно будетъ.

Если не считать эти заграничныя суммы золотомъ, то государственный банкъ имѣетъ право выпустить всего на 207 милл. р. кредитныхъ билетовъ, а если прибавить къ золоту въ Россіи указанныя суммы заграницей,—эмиссіонное право соотвѣтственно расширится до 422 милл. Но этотъ вопросъ о правѣ выпуска имѣетъ второстепенное значеніе: вѣдь эмиссіонное право можетъ быть въ случаѣ надобности еще расширено закономъ, если къ тому окажется экономическая возможность и финансовая нужда. Дѣйствующій же законъ, по наиболѣе широкому истолкованію его, предоставляетъ на военные расходы всего около 1600 милл. кредитныхъ билетовъ.

Если, вмѣсто этой суммы, потребуется почти вдвое больше, устоитъ ли наша золотая валюта? Мы не будемъ гадать объ этомъ. Но ясно каждому, что трудности, кото-

рыя станутъ на этомъ пути, будутъ велики. Въ самомъ дѣлѣ, вмѣсто 1.600 милл. кредитныхъ билетовъ (іюль 1914) въ обращеніи окажется 4.600 милл., то-есть, почти втрое больше, и это при обезпеченіи золотомъ въ 1.800 милл. (1.770 милл.), то-есть, въ 38—40%. Столь рѣзкій скачекъ во время войны долженъ будетъ совпасть съ экономическимъ застоемъ, при которомъ естественно потребность въ деньгахъ не увеличивается, а уменьшается. Когда же война окончится, задержанный внѣшній товарообмѣнъ станетъ особенно оживленнымъ, будутъ усиленно искать золото для расплаты, и напоръ на банкъ окажется столь великъ, что о размѣнѣ нельзя будетъ думать до тѣхъ поръ, пока удастся заключить большой заемъ, который или привлечетъ значительное количество золота извнѣ или сниметъ съ внутренняго рынка, если будетъ заключенъ въ Россіи, большое количество кредитныхъ билетовъ.

Словомъ, не будучи пессимистомъ, нельзя не видѣть грозной опасности того, что золотое обращеніе смѣнится бумажнымъ, и соотвѣтственно паденію курса бумажныхъ денегъ, начнется переоцѣнка всѣхъ цѣнностей: подъемъ цѣнъ на всѣ товары, обезцѣненіе денегъ и капиталовъ, пертурбація въ области кредитныхъ отношеній и появленіе неустойчивости курса,—трудно преодолимой преграды для прилива иностранныхъ капиталовъ, которые нужны Россіи для подъема промышленности и для обновленія экономической жизни.

VI.

Въ широкихъ кругахъ общества распространено мнѣніе, что мы можемъ заставить расплачиваться за военные расходы Германію — разумѣется, послѣ побѣды. Сейчасъ трудно, да и врядъ ли цѣлесообразно дѣлить шкуру неубитаго медвѣдя. Но даже въ случаѣ полной удачи, предполагая, что Германія будетъ вынуждена отдаться на волю побѣдителя—и тогда отъ контрибуціи намъ ждать очень значительныхъ поступленій не приходится. Прежде всего, если война продлится долго, экономическая мощь Германіи будетъ сломлена, хотя бы на время, и странѣ этой просто

нечѣмъ будетъ покрыть даже часть тѣхъ колоссальныхъ расходовъ, которые требуетъ теперь война отъ ея участниковъ. По наиболѣе правдоподобнымъ исчисленіямъ, воюющія страны тратятъ въ день около 100 милл. въ мѣсяцъ, значитъ, около 3 милліардовъ, а въ годъ онѣ израсходуютъ 36 милліардовъ рублей. Развѣ могутъ Германія и Австрія какимъ бы то ни было способомъ достать столь громадныя суммы въ сравнительно короткій срокъ? Конечно, нѣтъ. Во-вторыхъ, то, что можно будетъ взять въ видѣ контрибуціи съ раззоренныхъ войной Германіи и Австріи, даже при разсрочкѣ на нѣсколько лѣтъ,—надо будетъ обратить—на возстановленіе опустошенныхъ земель: Бельгіи, Польши, нѣкоторыхъ частей Франціи, Сербіи и т. д. Остатокъ врядъ ли будетъ великъ, особенно при необходимости раздѣлить его съ союзниками.

Поэтому разсчитывать на контрибуцію, какъ на солидный источникъ для покрытія государственныхъ военныхъ расходовъ, Россіи не приходится.

Намъ остается еще сказать нѣсколько словъ о выдвинутыхъ на очередь проектахъ введенія ряда государственныхъ монополій. Для покрытія дефицита предлагаютъ ввести разнообразныя монополіи: табачную, чайную, сахарную, спичечную, нефтяную, страховую, даже банковую и хлѣбной торговли и т. д. Но забываютъ, что всѣ эти источники дохода не могутъ быть открыты во время войны, такъ какъ введеніе той или иной монополіи требуетъ подготовки, времени для ея осуществленія и денегъ для выкупа частныхъ предпріятій. При такихъ условіяхъ время вводить монополіи наступитъ лишь послѣ войны, и поступленія отъ нихъ могли бы только замѣнить впослѣдствіи нѣкоторые изъ налоговъ, вводимые теперь на время, вмѣсто дохода отъ винной монополіи. Надо однако имѣть въ виду, что съ фискальной точки зрѣнія преимущества монополіи предъ высокимъ налогомъ не всегда достаточно велики, чтобы оправдать переводъ частно-хозяйственныхъ организацій въ руки государства: только въ томъ случаѣ, когда рѣчь идетъ объ отрасли, находящейся въ рукахъ или немногихъ лицъ или синдиката, когда притомъ частные монополисты извлекаютъ очень большую торговую или промысловую прибыль и когда

есть увѣренность, что государство сумѣетъ безъ ущерба для населенія получать весьма солидный доходъ отъ новаго дѣла своего,—только тогда стоитъ вводить казенную монополію. Часто, однако, прибыли синдиката, значительныя съ частно-хозяйственной точки зрѣнія (нѣсколько милліоновъ), по масштабу государственнаго хозяйства представляютъ пустую сумму, изъ-за которой не стоитъ хлопотать и прибѣгать къ стѣсненію частной предпріимчивости. Конечно, монополіи зачастую вызываются не фискальными или не только фискальными соображеніями; но объ этомъ мы сейчасъ не говоримъ: насъ интересуютъ въ данное время только выгоды казначейства.

Повидимому, такія монополіи, какъ табачная, спичечная,—весьма вѣроятно также чайная и сахарная (рафинадное дѣло и торговля) осуществимы безъ особаго труда и могли бы дать доходъ казнѣ въ 250—300 милл. р. Гораздо труднѣе, хотя быть можетъ и возможно, осуществленіе нефтяной и страховой монополій. Во всякомъ случаѣ на веденіе войны отъ указанныхъ реформъ ничего не можетъ очиститься.

Говоря о войнѣ и финансахъ, нельзя обойти молчаніемъ надежды, которыя высказываются относительно возможности, желательности и даже неизбѣжности въ настоящее время финансовыхъ реформъ. На эту тему идетъ споръ: одни думаютъ, что война самое удобное и едва ли не единственно возможное время для осуществленія этихъ реформъ; другіе, наоборотъ, утверждаютъ, что до окончанія войны нечего и думать о серьезныхъ измѣненіяхъ въ нашемъ финансовомъ строѣ.

Чтобы разобраться въ этомъ вопросѣ, надо прежде всего условиться, о чемъ идетъ рѣчь. Вѣдь, если реформой считать всякое серьезное измѣненіе въ государственномъ хозяйствѣ, то не можетъ быть ни малѣйшаго сомнѣнія, что подъ вліяніемъ потребности въ нѣсколькихъ милліардахъ на военные расходы и отмѣны винной монополіи, придется существеннымъ образомъ реформировать, то-есть, передѣлать и доходную и расходную часть нашего бюджета. Если же реформой называть улучшеніе и упорядоченіе государственнаго хозяйства: упроченіе баланса доходовъ и

расходовъ, то-есть равновѣсія въ бюджетѣ, болѣе справедливое распредѣленіе налоговъ, облегченіе бремени несостоятельныхъ классовъ, поощреніе развивающихся отраслей народнаго хозяйства и накопленія капитала,—въ такомъ случаѣ ясно, что война никакъ не можетъ привести къ реформѣ, къ столь благотворнымъ результатамъ. Скорѣе и вѣроятнѣе ждать обратныхъ послѣдствій: въ поискахъ за средствами, когда они настоятельно необходимы, не приходится быть черезчуръ разборчивымъ ни къ нуждамъ бѣдноты, ни къ народно-хозяйственнымъ потребностямъ. Острый періодъ финансовыхъ и кредитныхъ затрудненій, если онъ не будетъ сопровождаться разстройствомъ нашего денежнаго обращенія, вѣроятно, скоро пройдетъ, но все-таки война врядъ ли можетъ способствовать украшенію нашего бюджета и нашей финансовой системы. Развѣ только въ томъ смыслѣ, въ которомъ пожаръ способствовалъ въ свое время украшенію Москвы.

Вообще говоря, излѣченіе тѣхъ ранъ, которыя будутъ нанесены нашему государственному хозяйству, можетъ быть достигнуто не путемъ перераспредѣленія налоговаго бремени и финансовыхъ реформъ, а главнымъ образомъ съ помощью развитія производительныхъ силъ страны и при посредствѣ коренныхъ реформъ въ области народнаго хозяйства: развитія внутренняго крестьянскаго рынка и расширенія своего производства готовыхъ издѣлій изъ сырья своей же добычи. Надо Россію сдѣлать богатой, тогда и только тогда ей легкимъ станетъ и податное бремя. Подъемъ народнаго благосостоянія—великая задача сама по себѣ. Но въ разрѣшеніи ея ключъ и къ финансовому благополучію, и къ финансовымъ реформамъ.

Январь 1915 года.

М. И. Фридманъ.

ТЕРРИТОРІАЛЬНЫЯ ПРІОБРѢТЕНІЯ РОССІИ

П. Н. Милюкова.

Настоящая война начата не Россіей и уже поэтому въ своемъ источникѣ не могла заключать опредѣленныхъ намѣреній относительно расширенія территоріи россійскаго государства. Русская мобилизація имѣла цѣлью, въ первой своей стадіи, поддержку славянскаго государства, отъ которой Россія не могла отказаться безъ умаленія своего авторитета среди славянства вообще и на Балканахъ въ частности. Во второй стадіи, вызвавшей рѣшительный шагъ Германіи, наша мобилизація имѣла цѣлью поддержаніе значенія Россіи, какъ великой державы.

Но когда Россія вынуждена была объявленіемъ ей войны начать военныя дѣйствія, ея стратегическій планъ совпалъ съ задачей объединенія русскихъ народностей, къ одной изъ которыхъ принадлежитъ большинство населенія Галиціи. Къ возсоединенію Восточной Галиціи давно уже стремилась одна изъ русскихъ политическихъ партій, находившая себѣ поддержку въ одной изъ политическихъ партій Галиціи, такъ наз. „москвофилахъ“. Такимъ образомъ, мысль руководящихъ сферъ была подготовлена, и военная оккупація Галиціи сопровождалась многочисленными заявленіями, указывающими на намѣреніе присоединить восточную Галицію къ Россіи „на русскихъ началахъ“, которыя, однако, „будутъ вводиться въ жизнь съ должной постепенностью“. Эти слова, сказанныя генералъ-губернаторомъ прикарпатскихъ земель, гр. Г. А. Бобринскимъ при пріемѣ польской депутаціи, 10 сентября 1914 г., во Львовѣ, подробнѣе развили мысль, уже заключавшуюся въ воззваніи

Верховнаго Главнокомандующаго „русскому народу“ отъ 5 августа 1914 г. „Достояніе Владиміра Святого, земля Ярослава Осмомысла, князей Даніила и Романа, сбросивъ иго, да водрузитъ стягъ единой, великой, нераздѣльной Россіи“, говорилось въ этомъ воззваніи.

Историческія имена, приведенныя въ воззваніи, косвенно указываютъ, что вмѣстѣ съ королевствомъ Галиціей, принадлежащимъ къ числу австрійскихъ имперскихъ земель, предполагается присоединить и т. наз. „Угорскую Русь“, т.-е. часть того же малорусскаго населенія, сохранившуюся за Карпатами, въ предѣлахъ Венгріи. Три четверти всѣхъ венгерскихъ русинъ (283.032) по переписи 1890 г. жили въ четырехъ сѣверо-восточныхъ комитатахъ Венгріи (Maramaros, Bereg, Ugocsa и Ung), составляя здѣсь относительное большинство 43% населенія. Остальная четверть (83.573) жила въ перемежку со словаками въ комитатахъ Sáros, Szepes и Zemplen. Мадьяры составляютъ во всѣхъ этихъ мѣстахъ только 27% населенія. Такимъ образомъ, нѣтъ сомнѣнія, что и для этихъ мѣстъ русская оккупація явится началомъ присоединенія къ Россіи.

Таково единственное непосредственное территоріальное присоединеніе, которое могло имѣться въ виду при самомъ началѣ войны и которое прямо вытекало изъ общаго начала освобожденія и объединенія народностей, представлялось „завершеніемъ дѣла великаго князя Ивана Калиты“, т.-е. объединенія русскихъ народностей въ ихъ этнографическихъ границахъ.

Дальнѣйшимъ примѣненіемъ того же общаго начала, положеннаго въ основу настоящей войны нами и нашими союзниками, а у насъ осложнившагося идеей освобожденія славянства, была мысль объ объединеніи и освобожденіи Польши. Воззваніе Верховнаго Главнокомандующаго отъ 1 августа 1914 г. поставило эту задачу прямо и рѣшительно. „Пусть сотрутся границы, разрѣзавшія на части польскій народъ. Да возсоединится онъ во-едино подъ скипетромъ Русскаго Царя. Подъ скипетромъ этимъ возродится Польша, свободная въ своей вѣрѣ, въ языкѣ, въ самоуправленіи“. Гр. Бобринскій, въ той же своей отвѣтной рѣчи полякамъ, 10 сентября, провелъ рѣзкое различі

между „искони русскими землями“ восточной Галиціи и западной Галиціи, въ которой „историческое прошлое иное, составъ населенія польскій“. Послѣ оккупаціи западной Галиціи онъ обѣщалъ примѣнить къ ней «начала, объявленныя въ воззваніи Главнокомандующаго».

Итакъ, гранью между двумя частями Галиціи, одна изъ которыхъ будетъ присоединена непосредственно къ Россіи, а другая войдетъ въ составъ Польши, объединенной „подъ скипетромъ Русскаго Царя“, будетъ сдѣлана этнографическая граница между польскимъ и украинскимъ населеніемъ Галиціи. Такъ какъ точной и рѣзкой границы здѣсь провести нельзя, ибо пограничное населеніе живетъ смѣшанно, то, естественно, что уже теперь возникаютъ разногласія относительно того, гдѣ должна быть проведена разграничительная черта. Въ польскихъ заявленіяхъ граница эта проводится или по Сану или нѣсколько восточнѣе Сана [1]). Этнографическая карта проф. Т. Д. Флоринскаго (Кіевъ, 1911) даетъ извилистую черту, согласно которой поляки переходятъ на правый берегъ Сана только противъ Ярослава, тогда какъ сѣвернѣе его украинское населеніе занимаетъ узкую полосу на лѣвомъ берегу Сана, а южнѣе вдается довольно широкимъ языкомъ отъ Перемышля почти до Стараго и Новаго Сандеца, а на югъ до Карпатъ и за Карпаты. Карта, приложенная къ «обозрѣнію современнаго славянства» Любора Нидерле (Вып. II „Энциклопедіи славянской филологіи „Ягича“ ср. приложенную здѣсь карту), сохраняетъ южный языкъ и даже удлиняетъ его нѣсколько на западъ, но зато сѣвернѣе Ярослава она показываетъ восточный берегъ польскимъ. Подробная польская карта Хорошевскаго [2]) проводитъ линію **большинства** населенія (по языку и по религіи) болѣе выгодно для поляковъ относительно южнаго языка, показывая западнѣе Lisko и Bukowsko лишь сильное украинское **меньшинство** (35—50%) и подчеркивая такое же польское меньшинство въ полосѣ на востокѣ отъ Сана (Сенява, Любачовъ, Ра-

[1]) Докладъ г. Курнатовскаго въ московскомъ обществѣ славянской культуры.

[2]) Wincenty Choroszewski; Mapa Jezykowa i wyznaniowa Galicji, Lwow, 1911. Въ основу положена перепись 1900 года.

дымко, Мощискъ и Самборъ). Очевидно, при проведеніи окончательной границы здѣсь понадобятся новыя статистическія изысканія, но, въ общемъ, тутъ нельзя ожидать сколько-нибудь серьезныхъ разногласій.

Гораздо менѣе выясненъ вопросъ о западной границѣ будущей территоріи объединенной Польши. Соблюдая общій принципъ, и здѣсь слѣдовало бы исходить не отъ старыхъ историческихъ и провинціальныхъ, а отъ современныхъ этнографическихъ границъ. Однако, тамъ, гдѣ идетъ еще борьба за такую границу, гдѣ сама этнографическая граница колеблется въ виду незакончившейся національной борьбы и происходящихъ съ перемѣнной удачей ассимиляціонныхъ процессовъ, мы, естественно, встрѣтимся съ непримиримыми противоположными притязаніями. Дѣло не упрощается тѣмъ, что одинъ изъ претендентовъ — нашъ врагъ, а другой—нашъ братъ-славянинъ. Тутъ мы должны особенно помнить, что начало справедливости должно совпадать съ правильно-понятымъ началомъ національнаго интереса. Отдать той или другой сторонѣ чужое населеніе, въ надеждѣ на его будущую ассимиляцію, значитъ, большею частью, не положить конецъ борьбѣ, а ее продолжить и обострить. Вотъ почему интересъ прочнаго мира вполнѣ совпадаетъ съ соблюденіемъ справедливости, т.-е. съ проведеніемъ этнографической границы, наиболѣе близкой къ современному «стану посяданія» (Besitzstand [1]).

Польское населеніе австрійскаго герцогства Силезіи почти совпадаетъ съ территоріей трехъ восточныхъ уѣздовъ его (Тешенъ, Бѣлицъ и Фрейштадтъ), немного не доходя до р. Островицъ, гдѣ уже живетъ моравское населеніе. Здѣсь границу провести тѣмъ легче, что она идетъ между славянами. Далѣе, вступая въ область прусской Силезіи, мы встрѣчаемся съ значительнымъ польскимъ большинствомъ населенія въ регенціи Oppeln (Ополье). Поляковъ и говорящихъ на польскомъ и нѣмецкомъ языкѣ здѣсь 57% (1.258.879) противъ 40% (884.045) нѣмецкаго населенія. Притомъ, поляки живутъ компактной массой, такъ

[1]) См. подобныя же соображенія у Янковскаго въ брошюрѣ: Polska Etnograficzna. Warszawa, 1914, стр. 5—6.

что по отдѣльнымъ уѣздамъ (Kreise) большинство польскаго населенія еще значительнѣе. Такъ, процентъ польскаго населенія въ уѣздахъ:

1. Plesz	86%	7. Oppeln II	75
2. Rosenberg	80	8. Kosel	75
3. Gross-Strelitz	79	9. Tarnowitz	66
4. Lublinitz	79	10. Kattowitz II	64
5. Rybnik	77	11. Beuthen II	72
6. Tost-Gleiwitz	76	12. Zabrze	51

Къ этимъ уѣздамъ примыкаютъ еще:

13. Kreuzburg	47	15. Neustadt	44
14. Ratibor II	47		

Къ числу нѣмецкихъ уѣздовъ относятся слѣдующіе (показанъ, какъ и въ предыдущихъ, % поляковъ):

16. Königshütte	33	22. Falkenberg	10
17. Beuthen I	33	23. Leobschütz	6
18. Ratibor I	29	24. Neisse I.	3
19. Oppeln I	15	25. Grottkau	2
20. Gleiwitz	14	26. Neisse II	1
21. Kattowitz	13		

Если ознакомимся съ положеніемъ чисто-нѣмецкихъ уѣздовъ на картѣ, то увидимъ, что, за исключеніемъ городского и промышленнаго населенія (16, 17, 20, 21), они составляютъ узкую полосу по западной границѣ Верхней Силезіи съ Чехіей, при чемъ и въ предѣлы Чехіи проникаетъ оазисъ сплошного нѣмецкаго населенія. Очевидно, эти уѣзды должны слѣдовать судьбѣ этого оазиса. Если онъ былъ бы присоединенъ при общей перекройкѣ карты Европы къ Германіи, то и западную нѣмецкую полосу верхней Силезіи слѣдовало бы передать туда же. Если же нѣмецкій оазисъ въ сѣверо-восточномъ углу Чехіи будетъ оставленъ въ предѣлахъ послѣдней, тогда та же географія помѣшаетъ выдѣленію узкой полосы—силезскаго нѣмецкаго населенія отъ остальной Верхней Силезіи.

Въ Regierungsbezirk'ѣ Бреслау только небольшая восточная окраина населена сплошь поляками. Янковскій пред-

лагаетъ провести здѣсь границу съ Кротошина на Брегъ (Brieg). Но Нидерле обозначаетъ границу точнѣе, въ видѣ дуги, выгибающейся нѣсколько восточнѣе, отъ Шаргоща (Schurgast) на Намысловъ (Namslau), Меджиборъ и Миличъ. Различіе здѣсь, во всякомъ случаѣ, незначительно.

Провинцію Познань, состоящую изъ двухъ регенцій, Познани и Бромберга, поляки хотятъ получить всю, что объясняется безусловнымъ численнымъ преобладаніемъ ихъ въ этой провинціи, а также и тѣмъ, что нѣмецкое населеніе здѣсь они разсматриваютъ какъ продуктъ германизаціи. Въ регенціи Познань полякамъ принадлежитъ болѣе двухъ третей населенія (67% или 907.035 изъ 1.334.287), а въ регенціи Бромбергъ (Быдгошъ) болѣе половины (383.818 изъ 379.488). Справка съ этнографической картой показываетъ, что этнографическая граница здѣсь почти совпадаетъ съ границей провинціи и, слѣдовательно, нѣмецкое населеніе разсѣяно среди польскаго. Пограничныя исправленія, которыя могли бы быть сдѣланы, очень незначительны. Вопросъ о возможныхъ исправленіяхъ на сѣверной границѣ Бромбергской регенціи прежде всего зависитъ отъ того, будетъ ли или не будетъ эта граница закрыта территоріей Западной Пруссіи.

Здѣсь мы подходимъ къ вопросу, который, болѣе по политическимъ, чѣмъ по этнографическимъ соображеніямъ, можетъ сдѣлаться спорнымъ: къ вопросу о присоединеніи къ Польшѣ устьевъ Вислы. Нѣтъ надобности говорить, какое огромное значеніе имѣетъ этотъ вопросъ для всего экономическаго будущаго Польши, которую только этотъ выходъ къ морю можетъ окончательно сдѣлать единымъ органическимъ тѣломъ. Но сравнительно мало извѣстно, что для такого рѣшенія имѣется весьма твердое этнографическое основаніе. За исключеніемъ трехъ западныхъ уѣздовъ Западной Пруссіи, Deutsch-Krone, гдѣ только 1% польскаго населенія Schlochau, гдѣ 15%, и Flatow, гдѣ 35%, дальше начинается полоса наиболѣе густого польскаго населенія, на которую обратилъ вниманіе еще Людвигъ Бернгардъ въ своей интересной книгѣ Die Polenfrage (Leipzig, 1907, существуетъ русскій переводъ). Слѣдуя этой „польской кривой“, огибающей, какъ кольцомъ, теченіе Вислы отъ Дан-

цига до Торна съ запада и идущей дальше на востокъ, мы имѣемъ такія пропорціи польскаго населенія:

Putzig	67%	Schwetz	55%
Neusltadt	52%	Kulm	53%
Karthaus	67%	Thorn	52%
Berent	55%	Briesen	60%
Konitz	55%	Strassburg	65%
Preus. Stargard	74%	Löbau	80%
Tuchel	66%		

Численность польскаго населенія падаетъ на правомъ берегу Вислы; но и тамъ встрѣчаемъ, въ уѣздахъ Западной Пруссіи, такія цифры:

Graudenz	42%	Rosenberg	52
Marienwerder	36	Stuhm	40%

И только самый городъ Данцигъ вмѣстѣ съ дельтой Вислы заселенъ почти исключительно нѣмецкимъ населеніемъ.

Переходя къ Восточной Пруссіи, мы и здѣсь встрѣчаемъ, во всей южной половинѣ провинціи, значительное преобладаніе польскаго населенія. Уѣзды слѣдуютъ, по пропорціи польскаго населенія, въ слѣдующемъ порядкѣ:

Ортельсбургъ	70%	Зенсбургъ	50
Іоганнисбургъ	68%	Остероде	42
Нейденбургъ	66	Летценъ	36
Алленштейнъ II	60	Рессель	14
Лыкъ	51	Алленштейнъ I	11

Такимъ образомъ, польская граница въ Восточной Пруссіи прошла бы довольно прямой чертой, нѣсколько сѣвернѣе линіи Остероде, Алленштейнъ, Зенсбургъ, Олецко. Число поляковъ во всѣхъ десяти перечисленныхъ уѣздахъ составляетъ 267.300 противъ 274.320 нѣмцевъ. При небольшихъ отрѣзкахъ на сѣверной окраинѣ большинство и здѣсь будетъ польское [1]).

[1]) Карта Бернгарда перепечатана мною въ „Рѣчи“ 23 августа 1910 г.

Отрицательная сторона присоединенія западной и южной части Восточной Пруссіи къ Польшѣ заключается въ томъ, что такимъ образомъ появляется нѣмецкая анклава въ сѣверной части Восточной Пруссіи съ Кенигсбергомъ, съ населеніемъ около $1^1/_2$ милліона. Оставить этотъ оазисъ въ черезполосномъ владѣніи Германіи невозможно, и Россіи придется создать изъ него новую Остзейскую губернію. Но съ этимъ придется помириться, если мы дѣйствительно хотимъ возстановить объединенную Польшу. Нѣкоторымъ возмѣщеніемъ несправедливости является здѣсь то обстоятельство, что такимъ образомъ мы завершаемъ также объединеніе литовскаго племени, небольшая часть котораго (около 150.000), уцѣлѣвшая отъ онѣмеченія, еще живетъ въ сѣверо-восточномъ углу Восточной Пруссіи.

Установленіе восточной границы Польши, при сохраненіи Польши „подъ скипетромъ Русскаго Царя", является въ извѣстной степени нашимъ внутреннимъ дѣломъ. Польская точка зрѣнія, если судить по заявленіямъ г.г. Янковскаго и Курнатовскаго, нѣсколько разнится отъ русской. Но, во всякомъ случаѣ, разногласіе это не такъ значительно, чтобы вызвать серьезныя тренія, разъ принятъ уже въ основу принципъ этнографической Польши. Карты Флоринскаго и Нидерле отрѣзаютъ въ согласіи съ поляками сѣверную часть Сувалкской губ., какъ литовскую. Но уѣздные города Соколка, Бѣлостокъ и Бѣльскъ на картахъ обоихъ остаются внѣ этнографической Польши, тогда какъ поляки вводятъ ихъ въ составъ послѣдней. Внѣ спора, во всякомъ случаѣ, стоитъ значительное преобладаніе польскаго населенія въ западныхъ частяхъ этихъ уѣздовъ, которыя и должны быть по справедливости присоединены къ этнографической Польшѣ. Точное опредѣленіе границы здѣсь не можетъ быть сдѣлано безъ предварительныхъ изслѣдованій.

Подобныя изслѣдованія сдѣланы были при выдѣленіи Холмской губерніи изъ состава Сѣдлецкой и Люблинской. Но достаточно взглянуть хотя бы на границу Холмской губерніи, предполагавшуюся министерскимъ законопроектомъ, и на окончательную границу, установленную комиссіей Государственной Думы, чтобы понять, почему состояв-

шееся законодательное рѣшеніе вопроса вызывало возраженія со стороны поляковъ [1]). Пересмотръ этой границы одновременно съ окончательнымъ установленіемъ предѣловъ Польши, объединяемой въ этнографическихъ границахъ, былъ бы дѣломъ справедливости и дѣломъ политическаго благоразумія.

При автономномъ устройствѣ Польши, территоріальныя пріобрѣтенія въ ея пользу не должны, конечно, считаться непосредственными пріобрѣтеніями Россіи. Такимъ образомъ, до объявленія войны Турціей нашимъ единственнымъ территоріальнымъ пріобрѣтеніемъ должна была остаться Галиція съ Угорской Русью и, въ случаѣ присоединенія къ Польшѣ польскихъ частей Западной и Восточной Пруссіи, сѣверная часть послѣдней.

Но вступленіе Турціи въ число нашихъ враговъ существенно измѣнило дѣло, давъ намъ возможность поставить на очередь окончательное разрѣшеніе вѣковыхъ задачъ нашей ближневосточной политики. Цѣлью ея въ настоящее время должно быть сдѣлано пріобрѣтеніе Босфора и Дарданеллъ въ полное обладаніе Россіи, вмѣстѣ съ Константинополемъ и достаточной частью прилегающихъ береговъ, чтобы обезпечить защиту проливовъ. Со стороны европейскаго берега границы Hinterland'a Константинополя опредѣленно установлены Лондонской конференціей и Константинопольскимъ договоромъ 1912 года. Въ случаѣ, если Болгарія поддержитъ насъ своимъ строгимъ нейтралитетомъ или активнымъ участіемъ въ дѣйствіяхъ противъ Константинополя, ей обезпечено возвращеніе къ линіи Мидія-Энось, установленной лондонской конференціей. Если же, сверхъ ожиданія, она будетъ намъ препятствовать въ достиженіи нашихъ задачъ, тогда возможно было бы возвращеніе къ вашему прежнему взгляду, оставленному только въ 1912 году, вслѣдствіе болгарскихъ побѣдъ,— именно, къ признанію Адріанополя частью константинопольскаго Hinterland'a.

---

[1]) См. Докладъ комиссіи по направленію законодательныхъ предположеній по законопроекту о выдѣленіи Холмской губерніи (докладчикъ Д. Н. Чихачевъ), № 440, III, 4, 1911 г. и матеріалы къ вопросу объ образованіи Холмской губерніи, два выпуска, Варшава, 1908 и 1911.

Труднѣе установить границы полосы, необходимой для защиты азіатскаго берега проливовъ. Опредѣленіе того, достаточно ли ограничиться лишь полосами территоріи, прилегающей къ самымъ проливамъ, или необходимо также присоединить и берегъ Мраморнаго моря, должно принадлежать военнымъ авторитетамъ.

Возможность пріобрѣтеній открывается также и со стороны Закавказья. Здѣсь, прежде всего, необходимо обратить вниманіе на узкую полосу отъ Зивина до Баязета, имѣющую главнымъ образомъ стратегическое значеніе и занятую нашими войсками въ первые же дни по объявленіи войны Турціей (см. прилагаемую карту). По Санъ-Стефанскому договору эта полоса, вмѣстѣ съ небольшимъ кускомъ по р. Тортумъ-су, входила въ составъ Россіи, одновременно съ Ардаганомъ, Карсомъ и Батумомъ [1]). Но по

---

[1]) Вотъ текстъ ст. 19-й, пунктъ 6, Санъ-Стефанскаго договора: „Ardahan, Kars, Batoum, Bayazet et le territoire jusqu'à Saganlough (входитъ въ составъ территоріальныхъ уступокъ взамѣнъ контрибуціи). En traits généraux la ligne frontière, en quittant la côté de la mer Noire, suivra la crête des montagnes qui separent les affluents de la rivière Hopa de ceux de la rivière Tcharokh et la chaine de montagnes au Sud de la ville d'Artvin jusqu'a la rivière Tcharokh près des villages Alat et Béchaget; puis la frontière se dirigera par les sommets des monts Dervénikgheki, Hortchezor et Bedjiguin-Dagh, par la crête qui sèpare les affluents des rivières Tortoum-Tchaï et Tcharokh, et par les hauteurs près de Yaily-Vihine pour aboutir au village Vihine-Kilissa, sur la rivière Tortoum-Tchaï; de là elle suivra la chaine Sivridagh, jusqu'au col de ce nom, en passant au Sud du village Noriman; elle tournera ensuite vers le Sud-est, ira à Zivine, d'où la frontière, passant à l'Ouest de la route qui mène de Zivine aux villages Ardost et Horassan, se dirigera au Sud par la chaine de Saganlough jusqu'au village Gilitchman; puis par la crête du Charian-Dagh, elle arrivera à dix verstes au Sud de Hamour au défilé de Mourad Tchaï; la frontière longera ensuite la crête de l'Alla-Dagh et les sommets du Hori et du Tandouret, et, passant au Sud de la ville de Bayaszet, ira rejoindre l'ancienne frontière turco-persane au Sud du lac de Kazli-Gueul. Строки, напечатанныя разрядкой, означаютъ часть границы, которая была измѣнена на Берлинскомъ конгрессѣ.

пріобрѣтавшейся такимъ образомъ долинѣ Алашкерта идетъ торговая дорога изъ Эрзерума въ Тавризъ, и Англія сочла нужнымъ воспротивиться присоединенію ея Россіей. По Лондонскому меморандуму 30 мая 1878 г. гр. Шуваловъ заявилъ, что „Россія уступаетъ Баязетъ Турціи по желанію Англіи". Статьей 1-й Кипрской конвенціи (4 іюня) Англія пошла дальше и обязалась даже, за право оккупировать Кипръ, помочь Турціи силой оружія, въ случаѣ, если бы Россія захотѣла удержать за собой Батумъ, Ардаганъ и Карсъ. Впрочемъ, въ прибавленіи къ этому договору объ „оборонительномъ союзѣ" Англія придала занятію Кипра характеръ компенсаціи, заявивъ (1 іюля), что „эвакуируетъ Кипръ, въ случаѣ если Россія вернетъ Турціи Карсъ и другія завоеванія, сдѣланныя ею въ Арменіи въ теченіе послѣдней войны". На засѣданіи Берлинскаго конгресса 11 іюля гр. Шуваловъ ограничился подтвержденіемъ уступки, сдѣланной въ Лондонѣ, и объявилъ, что граница въ Арменіи отодвигается „до пунктовъ на западъ отъ Караургана и Кесса-Дага". Такъ опредѣлилась теперешняя наша граница. Очевидно, теперь послѣ аннексіи Кипра Англіей, Россія имѣетъ полное основаніе потребовать возстановленія границы, намѣченной Санъ-Стефанскимъ договоромъ.

Вслѣдъ за вопросомъ о возвращеніи Россіи стратегической границы Санъ-Стефанскаго договора возникаетъ вопросъ о турецкой Арменіи. Какъ видно изъ полемики, возникшей въ печати, вопросъ этотъ допускаетъ различныя рѣшенія. И территорія турецкой Арменіи, подлежащей выдѣленію въ особую провинцію, и внутренняя организація этой провинціи въ связи съ ея международнымъ изложеніемъ, остаются вопросами спорными.

Первый вопросъ, подлежащій рѣшенію и, очевидно могущій быть разрѣшеннымъ лишь въ зависимости отъ хода военныхъ событій, есть вопросъ о дальнѣйшихъ отношеніяхъ Арменіи къ Турціи. Часть армянскихъ дѣятелей исходила изъ возможности такого исхода войны, при которой Турція сохранила бы не только свое положеніе независимаго государства, но и свои азіатскія владѣнія. Въ этомъ случаѣ, рѣшеніе армянскаго вопроса представлялось этимъ дѣятелямъ въ формѣ созданія автономной Арменіи

подъ суверенитетомъ султана и протекторатомъ Россіи. Какъ примѣръ подобнаго отношенія, выдвигались Дунайскія княжества до пріобрѣтенія ими независимости.

Этой возможности противополагалась другая: полное лишеніе Турціи ея верховныхъ правъ на азіатскія провинціи и установленіе надъ Арменіей суверенитета Россіи. Въ послѣднемъ случаѣ освобожденіе Арменіи отъ турецкой власти сопровождалась бы введеніемъ ея территоріи въ предѣлы Россійской Имперіи, не предрѣшая, разумѣется, юридическихъ формъ этой зависимости.

Что касается территоріи, подлежащей выдѣленію, то по этому вопросу также высказывались различныя мнѣнія. Прилагаемая карта изображаетъ границы шести армянскихъ вилайетовъ при теперешнемъ административномъ дѣленіи Турціи (двойная черта). На той же картѣ отмѣчены черной чертой болѣе тѣсные предѣлы, въ которыхъ значительное большинство населенія (около 45%)—армянское. Предѣлы вилайетовъ намѣренно нѣсколько расширены сравнительно съ предѣлами этнографической Арменіи, съ цѣлью создать повсюду безспорное мусульманское большинство. Очевидно, при созданіи отдѣльной армянской области эти искусственныя прирѣзки на окраинахъ должны быть отрѣзаны: только такимъ образомъ армянское населеніе можетъ получить желанный перевѣсъ въ будущей области. На это соглашаются и армянскіе дѣятели и самая карта, перепечатываемая здѣсь, принадлежитъ одному изъ нихъ [1]).

Но этимъ вопросъ еще не исчерпывается. Внѣ этнографической Арменіи шести вилайетовъ остается, во-первыхъ, узкая полоса Черноморскаго побережья, населенная въ большинствѣ мусульманами, но составляющая естественный выходъ Арменіи къ морю. По общему принципу, по которому этнографическія анклавы и географически зависимыя области слѣдуютъ судьбѣ территорій, съ которыми онѣ связаны, этотъ седьмой вилайетъ, трапезундскій, долженъ быть приданъ Арменіи. Онъ, собственно, и введенъ въ ея составъ по русско-турецкому договору 26 января 1914 г., по которому турецкая Арменія получала нѣкоторыя автономныя права.

---

[1]) См. брошюру Marcel Léart (псевдонимъ).

Во-вторыхъ, кромѣ такъ наз. „Великой Арменіи“ шести вилайетовъ, есть еще „Малая Арменія“. Такъ называются заселенныя армянами мѣстности Киликіи. Армянское населеніе здѣсь довольно значительно (418 тыс.), хотя и не составляетъ большинства. Такимъ образомъ, этническая связь съ Великой Арменіей имѣется на-лицо. Но географической связи нѣтъ. Внутренняя Арменія составляетъ высокое плоскогоріе, тогда какъ малая Арменія расположена на скатѣ этого плоскогорія къ берегу Средиземнаго моря, по которому проходитъ одинъ изъ торговыхъ міровыхъ путей, Багдадскій, и гдѣ имѣется гавань Александретта, привлекающая къ себѣ вниманіе главнѣйшихъ торговыхъ націй міра. Географически, политически и экономически—это иной міръ, съ новыми законами жизни, иными связями и отношеніями.

Многіе армянскіе дѣятели настаиваютъ на включеніи Малой Арменіи въ территорію будущей области, какъ съ цѣлью окончательнаго національнаго объединенія, такъ и въ видахъ будущаго торговаго развитія Арменіи. Обѣ эти цѣли, конечно, весьма почтенны сами по себѣ, но съ русской точки зрѣнія вопросъ рѣшается не ими одними. Расширеніе территоріи Арменіи Киликіей (вольнымъ вилайетомъ Адана, и частями девятаго вилайета) широко открываетъ Арменію международному соперничеству, какъ экономическому, такъ и политическому. При этомъ условіи связь съ Россіей неизбѣжно становится менѣе тѣсной. Въ то же время обязанность защищать расширенную Арменію дѣлается болѣе тяжелой. И, наконецъ, появленіе Россіи на Средиземномъ морѣ ставитъ новыя задачи русскому военному флоту, не оправдываемая современнымъ состояніемъ русской внѣшней торговли. Все это не можетъ не отражаться на отягощеніи русскаго плательщика совершенно непропорціонально выгодамъ, которыя Россія можетъ непосредственно извлечь изъ такого расширенія своей сферы вліянія.

Таковы тѣ соображенія, которыя заставили пишущаго эти строки высказать предпочтеніе болѣе узкому рѣшенію армянскаго вопроса, въ смыслѣ объединенія этнографической Арменіи шести вилайетовъ съ присоединеніемъ

Трапезундскаго и при болѣе тѣсной связи съ Россіей.

Въ заключеніе этой статьи необходимо напомнить, что большая часть приводимыхъ въ ней соображеній основана на предположеніи рѣшительной побѣды надъ внѣшнимъ врагомъ. Но авторъ исходилъ изъ предположенія, что такая побѣда необходима не для однихъ только территоріальныхъ пріобрѣтеній, а также и для достиженія идеальныхъ цѣлей войны, поставленныхъ нами и нашими союзниками для устраненія тѣхъ стремленій Германіи ко всемірной гегемоніи, которыя угрожали европейскому миру въ теченіе десятилѣтій и заставляли народы нести тяжесть непомѣрныхъ расходовъ на вооруженія, и для обезпеченія спокойнаго существованія малыхъ народностей, которыя притомъ должны закончить процессъ своего національнаго объединенія.

П. Милюковъ.

ВОЙНА И ПРОГРЕССЪ НАУКИ

В. И. Вернадскаго.

Время, переживаемое человѣчествомъ на грани XX столѣтія, едва-ли имѣетъ себѣ аналогію во всю предшествовавшую его исторію. И едва-ли когда приходилось такъ быстро испытывать столь великія измѣненія въ теченіи немногихъ лѣтъ, какія суждено было пройти нашему поколѣнію. Несомнѣнно, величайшая война, трагедія которой передъ нами развертывается, подготовлялась десятилѣтіями, если не столѣтіями, въ нѣкоторыхъ своихъ частяхъ; будущій и даже современный историкъ можетъ и сейчасъ указать нѣкоторыя стороны такой ея связи съ прошлымъ. Едва-ли можно сомнѣваться и въ томъ, что происшедшее кровавое столкновеніе явилось слѣдствіемъ того, что одновременно разнородные историческіе процессы дошли до своего довершенія и эта война, такъ или иначе давъ выходъ силамъ прошлаго, начнетъ новое будущее. Ясно для всѣхъ, что послѣ пережитаго человѣчествомъ величайшаго въ исторіи потрясенія не могутъ продолжаться неизмѣнными тѣ злобы дня и тѣ перспективы, какія, казалось намъ, еще на-дняхъ могли бы идти безъ яркаго измѣненія года и десятилѣтія.

Послѣ этой войны неизбѣжно въ жизнь войдетъ такъ много новаго, что нельзя будетъ безнаказанно и спокойно тянуть старое—какъ будто бы ничѣмъ не прерванное. То, что сейчасъ переживается человѣчествомъ, есть явленіе болѣе широкое по своимъ послѣдствіямъ, чѣмъ то, что внесено было въ человѣческую жизнь 1789 годомъ и его грозными отголосками.

Страннымъ образомъ есть одна сторона человѣческой жизни, гдѣ историческій переломъ, носящій катастрофиче-

скій характеръ, грандіозный по своимъ размахамъ и поразительный по своимъ перспективамъ, начался много раньше и едва-ли достигъ и сейчасъ своего апогея. Конецъ XIX и особенно начало XX вѣка въ исторіи естествознанія является поразительной и небывалой эпохой катастрофическаго измѣненія, эпохой величайшей научной революціи. Несомнѣнно подготовленный прошлымъ, этотъ переломъ все же охватилъ насъ, какъ вихрь и заставилъ, исключительно быстро и спѣшно, измѣнить и измѣнять наши взгляды и воззрѣнія въ самыхъ, казалось, прочныхъ и законченныхъ областяхъ мышленія. Нѣтъ возможности, конечно, входить здѣсь въ какія бы то ни было разсужденія о характерѣ или содержаніи тѣхъ измѣненій, какія внесены въ нашу научную мысль и въ наше точное знаніе ходомъ математическихъ и физическихъ наукъ за немногіе истекшіе года XX столѣтія. Важно лишь остановиться на полученномъ, въ связи съ этимъ измѣненіемъ, любопытномъ психологическомъ результатѣ, который во многомъ аналогиченъ тому, что сейчасъ переживается въ міровой политической жизни. Мы научились за послѣдніе годы въ наукѣ ничему не удивляться, считать невозможное возможнымъ, смѣло и спокойно научно подходить къ такимъ вопросамъ, до которыхъ еще недавно добѣгала—и то очень рѣдко—лишь вышедшая изъ рамокъ научная фантазія или философская спекуляція. Въ психологіи натуралиста произошло за эти года огромное измѣненіе, вліяніе котораго еще далеко не учтено и только только начинаетъ сказываться въ научномъ творчествѣ и въ задачахъ, которыя дерзновенно—начинаютъ ставиться изслѣдователями и ихъ организаціями. Несомнѣннымъ отсюда становится для всякаго знакомаго съ исторіей идей, что вслѣдъ за такимъ измѣненіемъ психологіи научной среды должно было послѣдовать новое творческое теченіе въ религіозной и философской областяхъ человѣческаго мышленія.

И въ этотъ моментъ великая міровая война вноситъ въ политическую среду и въ широкія народныя массы, творящія современную исторію, элементы тѣхъ же самыхъ настроеній, какія переживаются уже годы въ научной средѣ и черезъ нее медленно проникаютъ въ растущую молодежь.

Понятно поэтому то чувство глубокаго вниманія, какое вызываетъ происходящая война у всякаго человѣка, привыкшаго вдумываться въ научную жизнь, помимо даже тѣхъ настроеній и чувствъ, какія вызываетъ она въ немъ, какъ въ гражданинѣ своей страны.

Но помимо этого, великая война 1914 года отражается на научномъ міровомъ движеніи и другими своими сторонами. Прежде всего, въ этой войнѣ мы больше, чѣмъ когда-либо, видимъ примѣненіе научной тактики къ рѣшенію задачъ военнаго характера. Безстрастный характеръ точнаго знанія сказывается въ его помощи военному разрушенію. Новое, что внесено въ эту войну, заключается не только въ особенностяхъ организаціи, позволившей привести въ движеніе милліонныя, никогда раньше небывалыя, арміи, но и въ невиданномъ раньше примѣненіи научныхъ знаній. Война въ воздухѣ съ аэропланами, цеппелинами, гидропланами, новыя артиллерійскія орудія неслыханной силы или точности, разнообразныя примѣненія электрическихъ волнъ или электрическаго тока, новыя взрывчатыя вещества творятъ здѣсь впервые свою губительную работу. Несомнѣнно—несмотря на кровавыя, полныя страданій послѣдствія—все это возбуждаетъ научное творчество, направляетъ силы и мысль изслѣдователей въ новыя области научныхъ исканій. И вмѣстѣ съ тѣмъ нельзя отрицать, что—сравнивая полученные результаты съ тѣмъ развитіемъ военной разрушительной или защитительной дѣятельности, какія рисуются, какъ возможныя научному изслѣдователю — мы находимся еще въ самомъ началѣ достижимыхъ научныхъ приложеній къ военному искусству. Тѣ природныя силы, какихъ сейчасъ уже касается научная мысль, завоеваніе которыхъ нами начато и несомнѣнно не остановится, а будетъ идти дальше до конца, едва начинаютъ проявляться въ этой войнѣ и сулятъ въ будущемъ еще большими бѣдствіями—если не будутъ ограничены силами человѣческаго духа и болѣе совершенной общественной организаціей. Едва-ли, однако, можно сомнѣваться, что какъ бы ни кончилась эта война, и побѣдители и побѣжденные вынуждены будутъ направить свою мысль на дальнѣйшее развитіе научныхъ

примѣненій къ военному и морскому дѣлу. И тѣхъ и другихъ будетъ къ этому толкать и духъ приподнятаго патріотизма и правильно или неправильно понятое сознаніе государственной необходимости. Едва-ли можно сомнѣваться, что и сейчасъ все больше подымается въ средѣ человѣчества индивидуальная творческая и изобрѣтательская работа въ этомъ направленіи; все, что выясняется на войнѣ, учитывается, какъ урокъ или задача ближайшаго будущаго. На аренѣ борьбы столкнулись какъ разъ тѣ человѣческія общества, въ средѣ которыхъ куется сейчасъ научная работа человѣчества и, какое бы изъ нихъ ни было побѣждено, въ его средѣ невольно подымется приподнятая творческая работа въ этомъ направленіи и ей наперекоръ изъ чувства самосохраненія должна будетъ идти и работа другой стороны.

Научное развитіе не остановитъ войну, являющуюся слѣдствіемъ разнообразныхъ причинъ, недоступныхъ вліянію научныхъ работниковъ. Нельзя дѣлать иллюзій. Война, нынѣ поднятая, не явится послѣдней: она возбудитъ человѣческое творчество для дальнѣйшаго усовершенствованія въ этомъ направленіи. А такъ какъ это творчество совпадаетъ съ эпохой небывалаго въ исторіи человѣчества разцвѣта точнаго знанія и все подымающагося высокаго подъема научной дерзновенности, сознанія силы, вѣры въ достижимость почти невозможнаго — то надо думать, что область приложенія точнаго знанія къ военному искусству будетъ расширяться въ ближайшіе послѣ войны года, и новая война встрѣтится съ такими орудіями и способами разрушенія, которыя оставятъ далеко за собою бѣдствія военной жизни 1914—1915 годовъ. Ибо сейчасъ, несмотря на исключительное значеніе научной техники въ военномъ дѣлѣ по сравненію съ прошлымъ, мы видимъ здѣсь меньшее измѣненіе, чѣмъ какое совершилось, напр., за тотъ же періодъ времени въ научномъ мышленіи или научныхъ приборахъ.

Трудно, конечно, и невозможно сказать, будетъ-ли въ состояніи человѣчество избѣжать новаго опыта такого кроваваго примѣненія научныхъ завоеваній: это зависитъ въ значительной мѣрѣ отъ политическихъ результатовъ войны,

отъ доведенія ея до конца, до значительнаго ослабленія имперіалистическихъ стремленій Германіи и отъ силы того чувства этическаго протеста, какой вызываетъ въ сознаніи человѣчества дикій способъ веденія войны, свойственный эпохѣ переселенія народовъ, перенесенный германской государственной организаціей въ XX вѣкъ. Но есть одна сторона этой войны, которая носитъ болѣе гуманный характеръ и также тѣснѣйшимъ образомъ связана съ ростомъ научнаго знанія и научныхъ исканій. Научная техника примѣнима къ войнѣ не только въ ея разрушительной части: она также необходима и столь же выдвигается на первый планъ и въ ея части защитительной или въ залечивающей ужасы войны. Несомнѣнно, по мѣрѣ дальнѣйшаго роста разрушительной научной техники охранительная и защитительная сила научнаго творчества должна быть выдвинута на первое мѣсто для того, чтобы не довести человѣчество до самоистребленія. Трудно сказать, возможно ли довести силу и мощь такой охранительной работы научной мысли до такихъ предѣловъ, которые превысили бы разрушительную силу военной научной техники или физической военной силы. Однако, нельзя отрицать, что надежда на такую возможность не болѣе утопична, чѣмъ надежда на другія, изыскиваемыя человѣчествомъ средства прекращенія войнъ. Человѣчество пыталось выдвигать для этого и религіозное или нравственное воспитаніе, и лучшую общественно-государственную организацію, и непосильность матеріальной стоимости военныхъ начинаній или страхъ самоистребленія. Всѣ эти средства оказались далекими отъ жизни, исчезли какъ дымъ при рѣшеніи — съ какой-нибудь стороны — начать войну. На ряду съ ними и одновременно съ ними — должна быть выдвинута и защитительная сила научной техники. Вѣдь, въ принципѣ не является утопіей противупоставить разрушительнымъ созданіямъ человѣческой воли и мысли такія техническія средства защиты, которыя были бы неуязвимы для орудій разрушенія или которыя дѣлали бы ничтожными и малочувствительными результаты разрушительной военной техники. До сихъ поръ вниманіе изслѣдователей и изобрѣтателей направлялось въ сторону разрушенія. Мечты соз-

дателей военныхъ цеппелиновъ, новыхъ пушекъ, сверхдредноутовъ несомнѣнно будутъ только усилены послѣ этой войны—имъ должно быть противупоставлено научное творчество, направленное на защиту отъ разрушенія.

Несомнѣнно, сейчасъ человѣчество сильнѣйшимъ образомъ затронуто въ этой войнѣ въ самой глуби своей психики. Ужасъ войны между культурными народами, варварскій способъ ея веденія по отношенію къ мирному населенію и къ кульурной работѣ человѣчества, возведенный въ систему германцами, переносъ войны на весь земной шаръ, несомнѣнно всколыхнулъ сердца и умы всѣхъ мыслящихъ людей во всѣхъ странахъ міра. Мечты объ ограниченіи милитаризма, какъ государственной системы, приближаются къ жизни, и такъ или иначе въ ближайшемъ будущемъ будутъ сдѣланы попытки къ его ослабленію и ограниченію. Но на ряду съ мѣрами политическаго характера или попытками междугосударственныхъ ассоціацій, на ряду съ работой мысли людей въ этомъ направленіи должна быть усилена дѣятельность научныхъ организацій и отдѣльныхъ ученыхъ, направленная къ защитительной технической работѣ противъ разрушительныхъ силъ войны.

До сихъ поръ творческая работа въ этой области мало требовалась государственными организаціями и не вызывалась идейными стремленіями. Она отстала отъ научной работы въ области военнаго разрушенія. Не всколыхнетъ ли сейчасъ ужасъ войны между культурными народами утопическія стремленія положить предѣлъ будущимъ войнамъ путемъ усиленія силъ защиты отъ разрушенія и не подвинетъ ли онъ на это научное творчество? Ибо ясно, что оно можетъ на этомъ пути создать не менѣе дѣйствительныя средства обороны, чѣмъ созданныя имъ же средства разрушенія. Къ тому же, именно эта война выдвигаетъ средства обороны на такое мѣсто, какое раньше едва ли они имѣли въ военныхъ дѣйствіяхъ и вызываетъ къ нимъ вниманіе государственныхъ дѣятелей. Нельзя забывать, что здѣсь область научнаго творчества представляетъ почти непочатое поле.

На ряду съ возбужденіемъ научной мысли и научнаго творчества война 1914—5 годовъ наложила свою тяжелую руку и на развитіе науки. Она отвлекла средства, шедшія на мирную культурную научную работу, на долгіе мѣсяцы отбила отъ научной работы ея работниковъ. Тысячи талантливыхъ людей пали на поляхъ битвъ и въ лазаретахъ, среди нихъ были и тѣ, которые при обычномъ ходѣ жизни явились бы крупными учеными. Должно быть, есть среди нихъ и такіе, которые рождаются разъ въ поколѣніе.

Но вѣроятно наиболѣе тяжелымъ ударомъ, наносимымъ войною наукѣ, является перерывъ научныхъ сношеній. Наука, подобно искусству и религіи, и даже больше чѣмъ искусство и большинство религіозныхъ системъ, является культурной организаціей, малозависимой отъ государственныхъ или племенныхъ рамокъ. Наука едина. Ея цѣль исканіе истины ради истины, а та истина, которая получается усиліемъ вѣковой научной работы, далека отъ исторической обстановки момента, обща и едина всѣмъ безъ различія.

Поистинѣ, въ наукѣ, какъ и въ міровыхъ религіяхъ, нѣсть эллина и нѣсть іудея.

За послѣднія десятилѣтія этотъ идеалъ научнаго единства начиналъ получать широкія рамки, ставъ выливаться въ подобіе міровой организаціи. Начиная съ XVI вѣка—а пожалуй и ранѣе—со временъ единой науки западнаго средневѣковья, въ научной средѣ существовало общеніе внѣ рамокъ государственныхъ союзовъ. Передъ интересами науки, казалось, умолкали мелкія распри политическихъ интересовъ дня. Въ научной средѣ человѣкъ, казалось, хотя бы одной стороной своей культуры жилъ въ идеальномъ будущемъ строѣ единаго человѣчества. Со второй половины XIX вѣка къ этому вѣковому навыку научной среды и къ привычкѣ ея дружно идти въ разныхъ странахъ и среди разныхъ племенъ и народовъ къ одной, общей всему человѣчеству, цѣли, присоединилась международная организація научной работы, вылившаяся въ разнообразныя, все растущія формы. Трудно сейчасъ даже исчислить международныя начинанія, касавшіяся самыхъ разнообразныхъ вопросовъ и питавшія постепенно болѣе тѣсное

идейное, личное и рабочее сближеніе научныхъ работниковъ по всему міру.

Все это оборвалось сразу и внезапно съ началомъ войны. Сейчасъ уже много мѣсяцевъ научная жизнь идетъ почти независимо въ различныхъ научныхъ центрахъ; мы ничего не знаемъ о томъ, что дѣлается въ Германіи или Австріи. До насъ не доходятъ ни научныя изданія, тамъ выходящія, ни результаты работъ единичныхъ ученыхъ или лабораторій. Наша связь съ союзниками лучше, но все же далека отъ нормальности обычныхъ сношеній. Научная работа всюду идетъ сейчасъ сама по себѣ и, въ общемъ, едва ли замѣтно дрогнула отъ войны. Какъ мы знаемъ, у насъ научная работа идетъ прежнимъ темпомъ, развиваясь и увеличиваясь сейчасъ, какъ развивалась раньше; мы знаемъ, что она не прервалась и не уменьшалась и въ годы другихъ нашихъ народныхъ потрясеній—ни въ годы Японской войны, ни въ годы революціи.

Едва ли можно говорить о научной работѣ на территоріи Бельгіи или въ областяхъ Польской народности; сильно отразилась одно время война и на французской научной работѣ, но тамъ жизнь уже въ значительной мѣрѣ вошла въ колею въ этомъ отношеніи.

Несомнѣнно научная работа совершенно не измѣнила своего темпа въ нейтральныхъ государствахъ или въ Англіи. Для Германіи и Австріи мы имѣемъ очень неясныя свѣдѣнія, но, повидимому, внѣшнія рамки работы (научные журналы) остались пока, въ общемъ, не затронутыми войной.

Но во всякомъ случаѣ уже внѣшній перерывъ международныхъ сношеній отразился на научной работѣ сильнѣе, чѣмъ на какой-либо другой сторонѣ человѣческой жизни, кромѣ, можетъ быть, товарообмѣна. Еще болѣе отразится онъ въ дальнѣйшемъ, благодаря тѣмъ глубокимъ измѣненіямъ, какія произойдутъ въ психикѣ ученой среды. Научная работа сейчасъ при быстротѣ международныхъ сношеній все время шла при интенсивномъ обмѣнѣ полученныхъ результатовъ. Въ этомъ обмѣнѣ нѣмецкіе ученые и нѣмецкая научная литература играли огромную роль. Съ помощью ученыхъ спеціальныхъ журналовъ, организаціи обзоровъ и рефератовъ, кропотливаго труда справочни-

ковъ и сводокъ нѣмецкая научная литература являлась до послѣдняго времени связующимъ международнымъ цементомъ и съ ней приходилось считаться въ текущей работѣ больше, чѣмъ съ какой-либо другой научной литературой. На континентѣ Европы ни одна страна не могла въ этомъ отношеніи состязаться съ нѣмцами, которые создали традицію такой связи, и съ середины XVIII вѣка, по крайней мѣрѣ, неуклонно работали въ этомъ направленіи. Несомнѣнно, что со времени достиженія національнаго единства, за послѣднія 40 лѣтъ эта форма научной дѣятельности нѣмецкихъ ученыхъ—при огромномъ содѣйствіи чуждыхъ имъ по языку ученыхъ, пользовавшихся нѣмецкимъ языкомъ—достигла высокаго развитія и явилась важнымъ элементомъ научнаго прогресса. М. б., именно этой организаціонной работой нѣмцы сдѣлали для науки больше, чѣмъ какой-нибудь другой стороной своего научнаго творчества. Война разорвала эту вѣковую работу и едва ли ее удастся возсоединить вновь въ прежнихъ формахъ. Ибо не скоро залечиваются внесенныя войной ненависти. Еще теперь—послѣ 40 лѣтъ—живы были воспоминанія 1870—1871 г.г. о взаимныхъ сношеніяхъ нѣмецкихъ и французскихъ ученыхъ и мы ихъ постоянно чувствовали на международныхъ конгрессахъ и въ международныхъ предпріятіяхъ. То, что происходитъ сейчасъ, есть событіе гораздо болѣе крупное и гораздо глубже проникающее въ жизнь, чѣмъ франкопрусская война, все еще столь живая. Безтактныя выступленія нѣмецкихъ ученыхъ, ихъ попытки оправдать и извинить ничѣмъ неоправдываемыя варварства, ихъ дерзкое, пренебрежительное отношеніе къ научной работѣ другихъ народовъ, грубо смѣшное преувеличеніе своего значенія въ общей міровой научной работѣ человѣчества едва ли скоро могутъ быть забыты и заглажены. Къ сожалѣнію, война внесла въ ученую среду человѣчества тяжелыя созданія духовъ злобы и ненависти. Сейчасъ и въ ближайшіе годы, по крайней мѣрѣ, едва ли нѣмецкіе ученые смогутъ возстановить утерянное, созданное дружной, упорной работой прежнихъ своихъ поколѣній, свое высокое въ наукѣ положеніе.

Къ тому же ждать нельзя. Конецъ войны еще не ви-

день. Общій обмѣнъ міровой научной работы долженъ быть созданъ въ нейтральной средѣ, далекой и въ будущемъ отъ прямыхъ переживаній отголосковъ войны 1914—5 годовъ.

Невольно взоръ обращается къ той работѣ, которую за послѣдніе годы дѣлаютъ заморскіе англосаксы, гл. обр. въ Соединенныхъ Штатахъ Сѣверной Америки. Здѣсь, особенно за послѣдніе 10 лѣтъ, наблюдается колоссальный ростъ научной работы и вмѣстѣ съ тѣмъ американцы, при помощи ученыхъ англійскаго языка, за послѣднее время создали—для своихъ надобностей—аналогичные нѣмецкимъ, отъ нихъ независимые, журналы, справочники, сводки. Эти изданія за послѣдніе годы начали безкровное состязаніе съ аналогичной работой нѣмецкаго языка. И сейчасъ мы должны воспользоваться ими, тѣмъ болѣе, что они полнѣе даютъ намъ картину того, что дѣлается въ Новомъ Свѣтѣ, гдѣ какъ разъ теперь идетъ могучій ростъ организованной работы въ области естествознанія и математики. Несомнѣнно, старая Европа теряетъ этимъ путемъ извѣстную долю своего значенія—міровой узелъ научной организаціи переносится въ Новый свѣтъ. М. б. этого бы не было, если бы не было міровой войны, хотя и раньше ростъ научной литературы на англійскомъ языкѣ былъ замѣтно болѣе быстръ, чѣмъ ростъ научной литературы на языкѣ нѣмецкомъ. А въ этомъ ростѣ на первое мѣсто выдвигалась работа гражданъ штатовъ Америки.

Гораздо большій ущербъ Европѣ будетъ принесенъ войной на полѣ экономической жизни. Сейчасъ трудно учесть величину этого ущерба, оцѣниваемаго съ міровой точки зрѣнія.

Едва ли вѣрны опасенія и ожиданія, связываемыя съ вѣроятнымъ паденіемъ въ результатѣ войны 1914—5 годовъ міровой гегемоніи Европы, и исключительнымъ ростомъ значенія Новаго Свѣта или древней Азіи. Но во всякомъ случаѣ несомнѣнно, что война потребуетъ отъ Европы для излеченія нанесенныхъ ею ранъ величайшаго напряженія. Если даже не считать огромныхъ тратъ на чисто военныя дѣйствія, которыя ложатся тяжелымъ бременемъ на будущія по-

колѣнія, и не обращать вниманія на временное сокращеніе производительнаго труда—одна гибель до конца капитала, живаго и мертваго инвентаря, живой человѣческой силы является не возстановляемымъ обычнымъ путемъ ослабленіемъ экономической мощи Европы и каждаго изъ участниковъ міровой трагедіи, въ частности.

Для борьбы съ этимъ бѣдствіемъ единственнымъ средствомъ является увеличеніе производительности труда, усиленіе человѣческой мощи въ борьбѣ съ природой. Это можетъ быть достигнуто главнымъ образомъ путемъ роста научной техники.

Несомнѣнно, область приложеній естествознанія, точнаго знанія вообще, далека по своей сути отъ вопросовъ этики. Какъ всякая техника, она можетъ быть обращена на дурное и хорошее, на доброе и злое. Что такое доброе и злое и что такое дурное и хорошее, рѣшается человѣкомъ внѣ вѣдѣнія безстрастной науки о природѣ. Однако, страннымъ образомъ ученый, въ своей дѣятельности ищущій истину, стремящійся къ пониманію окружающаго, въ тоже самое время является опредѣленнымъ факторомъ этическаго характера въ жизни. Стремясь проникнуть въ природу, онъ стремится овладѣть ея силами и тѣмъ самымъ всегда подымаетъ производительныя силы человѣчества. Въ борьбѣ съ бѣдствіями и несчастіями, болѣзнями и нуждой, трудностью удовлетворенія потребностей, сила научнаго творчества съ каждымъ поколѣніемъ все болѣе и болѣе выдвигается на первый планъ.

И когда—послѣ окончанія войны 1914—5 годовъ—передъ старой Европой станетъ вопросъ о поднятіи ея ослабленнаго самоистребленіемъ благосостоянія—передъ ней тѣмъ самымъ станетъ вопросъ объ увеличеніи ея производительныхъ силъ путемъ лучшаго использованія находящагося въ ея распоряженіи природнаго капитала и нахожденія новыхъ источниковъ, поддерживающихъ жизнь, которые могутъ быть введены въ пользованіе человѣкомъ. И въ томъ и въ другомъ случаѣ явится необходимость усиленія научной творческой работы, которая только и можетъ дать ей желаемую помощь.

Едва ли можно сомнѣваться, что этотъ путь болѣе

открытъ Европѣ, чѣмъ другимъ странамъ свѣта, т. к. сейчасъ 7—8 десятыхъ всей творческой научной работы человѣчества совершаются пока еще въ Европейскихъ государствахъ и въ ихъ колоніяхъ, ея расами.

Всѣ эти соображенія касаются науки, какъ міровой культурной силы, внѣ всякаго отношенія къ отдѣльной странѣ. Но, очевидно, все это можно цѣликомъ перенести и на нашу страну, въ то общество, въ какомъ идетъ наша научная работа.

Всякій изъ насъ ясно сознаетъ, что со всѣхъ указанныхъ выше точекъ зрѣнія ростъ научнаго знанія, увеличеніе усилій на поддержаніе и разцвѣтъ научнаго творчества, увеличеніе для этого матеріальныхъ средствъ является одной изъ важныхъ задачъ, которая станетъ послѣ войны въ русской жизни.

Увеличеніе и расширеніе нашей научной организаціи, ея болѣе интенсивная работа и ея большая матеріальная сила есть одно изъ самыхъ дѣйствительныхъ средствъ для борьбы съ тяжелыми послѣдствіями великой войны, выпавшей на долю нашей родины.

Но для Россіи задачи такой работы могутъ быть поставлены и болѣе конкретнымъ образомъ. Для насъ выяснилось многое во время войны и прежде всего стало ясно всѣмъ то, что раньше было ясно немногимъ—наша экономическая зависимость отъ Германіи, носящая совершенно недопустимый характеръ при правильномъ государственномъ управленіи. То, что это сдѣлалось яснымъ для русскаго общества, очевидно, является фактомъ величайшей важности, ибо послѣдствіемъ такого сознанія неизбѣжно будетъ измѣненіе положенія дѣлъ.

Однимъ изъ главнѣйшихъ факторовъ такого освобожденія является использованіе своими силами своего достоянія. Но для этого необходимо рѣшить чисто научную задачу, произвести учетъ производительныхъ силъ нашей страны. Мы должны знать, что имѣется въ нѣдрахъ и на поверхности нашей страны, должны умѣть ихъ технически использовать. И то и другое невозможно безъ самаго ши-

рокаго научнаго изслѣдованія и безъ большой, частію предварительной, изслѣдовательной работы.

До сихъ поръ Россія тратила исключительно мало для изученія своего богатства, для овладѣнія силами своей природы. Другія большія государства дѣйствовали иначе. Сейчасъ передъ нами живой примѣръ другой страны, по размѣрамъ сравнимой съ нами—Соединенныхъ Штатовъ Сѣверной Америки. Стыдно становится, когда мы сравнимъ ихъ знаніе и наше знаніе о богатствахъ и средствахъ использованія своей страны. А между тѣмъ мы начали свою работу въ этомъ направленіи чуть не столѣтіемъ раньше. Дѣло объясняется просто. У насъ работа шла на гроши, въ значительной мѣрѣ добровольными усиліями частныхъ обществъ и лицъ, дѣлавшихъ такія изслѣдованія въ свободное время. Все это было и въ Америкѣ, м. б. не больше, чѣмъ у насъ. Но тамъ было другое—колоссальная помощь такой работѣ какъ всего союза, такъ и отдѣльныхъ государствъ-штатовъ — особенно за послѣднія 40 лѣтъ. Средства, которыя тамъ были истрачены на эту работу государствомъ, никогда не были въ схожемъ размѣрѣ въ распоряженіи русскихъ натуралистовъ. Я оставлю въ сторонѣ даже тѣ средства, которыя давались богатыми частными лицами, несравнимыя въ Америкѣ и у насъ, а говорю только о средствахъ государственныхъ.

И такая затрата была правильнымъ употребленіемъ государственныхъ средствъ. Она давно окупилась, т. к. она привела производительныя силы Америки, природой данныя, въ активное состояніе. У насъ эти производительныя силы, вѣроятно большія, чѣмъ тѣ, какія выпали въ удѣлъ Штатамъ, лежатъ мертвымъ капиталомъ, въ значительной мѣрѣ невѣдомымъ ихъ обладателю.

Этотъ примѣръ поучителенъ и онъ долженъ быть использованъ. И у насъ должна быть сдѣлана работа изслѣдованій производительныхъ силъ, какъ она была сдѣлана Америкой послѣ гражданской войны.

Послѣ войны 1914—1915 годовъ мы должны привести въ извѣстность и въ учетъ естественныя производительныя силы нашей страны, т.-е. первымъ дѣломъ должны найти средства для широкой организаціи научныхъ изслѣдованій

нашей природы и для созданія сѣти хорошо обставленныхъ изслѣдовательныхъ лабораторій, музеевъ и институтовъ, которые дадутъ опору росту нашей творческой силы въ области техническаго использованія даннаго намъ природой богатства. Это не менѣе необходимо, чѣмъ улучшеніе условій нашей гражданской и политической жизни, столь ясно сознаваемаго всей страной.

В. И. Вернадскій.

МЫСЛИ О РУССКОЙ НАУКѢ ПО ПОВОДУ ТЕПЕРЕШНЕЙ ВОЙНЫ.

Н. И. Карѣева.

I.

Я позволю себѣ перевернуть вопросъ и говорить не о томъ, чего ждетъ Россія отъ войны, а что ждетъ Россію послѣ войны, и ограничу притомъ свою тему областью науки. Вѣроятно, этотъ вопросъ наименѣе, сравнительно съ другими вопросами, представляется уму у громаднаго большинства русскихъ, такъ или иначе стремящихся отдернуть завѣсу, за которою скрывается будущее, и едва ли въ этомъ отношеніи у этого большинства есть какія-либо ожиданія. Другое дѣло—то незначительное по своему количеству меньшинство дѣятелей науки, къ которому я имѣю честь принадлежать, тѣмъ болѣе, что мы уже кое-что чувствуемъ и кое-что даже сами проявляемъ въ этомъ отношеніи

Когда въ учебные мѣсяца раза по два, по три въ недѣлю, бывало, входишь въ профессорскую лекторію Университета, всегда подходишь къ тому или другому концу двухъ столовъ, на которыхъ раскладываются научные журналы—большею частью иностранные. Теперь, къ концу перваго семестра этого учебнаго года, мы уже не видимъ никакихъ научныхъ новинокъ. Германскіе и австрійскіе журналы къ намъ не приходятъ по понятной причинѣ, но, равнымъ образомъ, не приходятъ и научныя періодическія изданія на языкахъ французскомъ, англійскомъ, итальянскомъ, журналы союзныхъ съ нами и нейтральныхъ націй. Послѣднее объясняется тѣмъ, что посредниками въ снаб-

женіи Россіи иностранными книгами и журналами давно сдѣлались нѣмецкіе книгопродавцы, которые теперь и прекратили всякую присылку. Слухи ходятъ, кромѣ того, что нѣкоторыя изданія, особенно французскія, на время войны прекратились, и это не невѣроятно. Когда я въ августѣ этого года видѣлся въ Берлинѣ съ извѣстнымъ историкомъ Т. Шиманомъ, то узналъ отъ него, что по случаю войны прекратилось изданіе „Zeitschrift fur Osteuropäische Geschichte“, въ которомъ онъ принималъ близкое участіе, а, пріѣхавъ въ концѣ того же августа домой, я услышалъ, что и только-что предпринятый мною „Научный Историческій Журналъ“ издателемъ его по случаю войны прекращается. Inter arma silent Musae! Научныя сношенія разстраиваются, научная продуктивность падаетъ.

Пойду далѣе. Очень многіе изъ преподавателей высшей школы, особенно приватъ-доценты, работающіе надъ магистерскими и докторскими диссертаціями, которыхъ нельзя написать въ Россіи, пользуются продолжительнымъ лѣтнимъ вакаціоннымъ временемъ или частью его для того, чтобы работать за-границей. Въ настоящемъ году научныя занятія успѣвшихъ ихъ начать прервались съ объявленіемъ войны и не могли даже начаться для тѣхъ, кто думалъ посвятить этому вторую половину лѣта, съ середины іюля до конца августа. Рѣже для той же цѣли пользовались мы зимнимъ вакатомъ, но и тутъ произошло то же самое: наприм., уже нѣсколько лѣтъ сряду я ѣздилъ недѣли на три—четыре въ Парижъ для архивныхъ занятій: когда мнѣ теперь удастся окончить начатую работу, Богъ вѣсть. Довольно многочисленная категорія молодыхъ ученыхъ, командированныхъ за-границу для приготовленія къ профессорскому званію, попала еще въ худшее положеніе, если ихъ война застала въ Германіи или въ Австріи: находясь въ возрастѣ отбыванія воинской повинности, они были объявлены плѣнниками, но вмѣстѣ съ тѣмъ всѣ лабораторіи, кабинеты, музеи, библіотеки, архивы были для нихъ закрыты, такъ что использованіе невольнаго пребыванія за границей сдѣлалось для нихъ въ цѣляхъ научной работы немыслимымъ. Въ такое же положеніе попали и многочисленные студенты изъ Россіи, застрявшіе въ Германіи и от-

части въ Австріи въ моментъ объявленія войны. Для многихъ изъ нихъ, передъ которыми закрыты двери и нашей высшей школы, занятія въ заграничныхъ университетахъ и высшихъ техническихъ школахъ были единственнымъ способомъ получить высшее образованіе.

Очень печальную сторону условій, въ какія поставила научную дѣятельность война, представляетъ собою поведеніе довольно значительнаго количества представителей германской науки, которые тоже вмѣшались въ международную распрю съ заявленіями, въ которыхъ менѣе всего научнаго духа, но много шовинистическаго задора и высокомѣрія, отожествленія только своей національной культуры съ высшею цивилизаціей и готовности принципіальной защиты прусскаго милитаризма. Наука по существу своему интернаціональна, представляя собою общечеловѣческое достояніе, и если кто призванъ сдерживать страсти и устранять изъ жизни все то, что не требуется интересами національной обороны, такъ это именно ученые, писатели, художники. Опираясь на представленіе о нейтральности научной сферы, дѣлающей, по моему мнѣнію, вполнѣ возможнымъ сохраненіе и во время войны товарищества по наукѣ, какъ своего рода „братства во Христѣ“, я и позволилъ себѣ, будучи застигнутъ войною въ Германіи, вступить въ письменныя сношенія съ однимъ профессоромъ, Т. Шиманомъ, близкимъ къ самому Вильгельму II, съ цѣлью убѣдить этого ученаго, чтобы онъ употребилъ все свое вліяніе въ интересахъ многочисленныхъ русскихъ, задержанныхъ въ Германіи. Аргументація моя была такая: война кончится же когда-нибудь, и обѣимъ націямъ придется возстановлять добрососѣдскія отношенія, для чего теперь же можетъ быть подготовляема почва устраненіемъ всего лишняго, ненужнаго, и въ этомъ смыслѣ наиболѣе могли бы сдѣлать представители науки. Проф. Шиманъ не остался глухъ къ этому голосу и, дѣйствительно, пустилъ въ ходъ свои связи, чтобы уладить вопросъ о нашемъ освобожденіи изъ плѣна.

Къ сожалѣнію, очень многіе германскіе ученые, часто съ первоклассными именами, стали на другую точку зрѣнія и бросили перчатку ученымъ воюющихъ странъ своими

индивидуальными и коллективными выступленіями, вызвавшими со стороны послѣднихъ отвѣтную полемику. Лично я думаю, что дурному примѣру, поданному нѣмцами, слѣдовать не стоило, и во всякомъ случаѣ, благодаря выступленіямъ нѣмецкихъ ученыхъ, создалось далеко не то настроеніе, на почвѣ котораго можно было бы налаживать возстановленіе добрососѣдскихъ отношеній. Между нами и нѣмецкими учеными возникла непріязнь, которая долго будетъ мѣшать научнымъ сношеніямъ: примѣръ того, какъ цѣлыя десятилѣтія послѣ 1870—1871 г.г. между нѣмецкими и французскими учеными не могли наладиться настоящія товарищескія отношенія, еще слишкомъ свѣжъ, чтобы о немъ стоило распространяться.

Въ первый же моментъ послѣ объявленія войны среди другихъ думъ, вызванныхъ этимъ фактомъ, одно изъ непослѣднихъ мѣстъ заняла у меня мысль о международномъ историческомъ конгрессѣ, который долженъ былъ собраться въ Петроградѣ въ 1918 году. Мы, русскіе историки, стали исподволь къ нему готовиться еще осенью 1913 года, желая организовать съѣздъ наилучшимъ образомъ, чтобы не ударить въ грязь лицомъ передъ иностранцами и вмѣстѣ съ тѣмъ показать гостямъ, что сдѣлано у насъ по части исторической науки, изученія прошлаго не только нашего отечества, но и другихъ странъ древняго и новаго міра. Состоится ли этотъ ученый съѣздъ, вотъ одинъ изъ вопросовъ, который пришелъ мнѣ въ голову въ первыя же минуты послѣ того, какъ я узналъ объ объявленіи войны. И теперь это для всѣхъ насъ, взявшихъ на себя организацію конгресса и возможныхъ его участниковъ, большой вопросъ. Конечно, относительно предстоящаго съѣзда историковъ и раньше у насъ были кое-какія сомнѣнія, связанныя съ нѣкоторыми національными отношеніями, но никому въ голову не могло придти, что черезъ полгода послѣ предварительнаго совѣщанія русскихъ историковъ въ декабрѣ 1913 г. возникнетъ вопросъ о русско-нѣмецкихъ отношеніяхъ.

Война, нужно желать и надѣяться, кончится раньше срока, назначеннаго для нашего съѣзда, кончитъ свои занятія и другой конгрессъ, дипломатическій, который подведетъ итоги войнѣ, но какія будутъ въ то время царить

отношенія между учеными странъ, воевавшихъ между собою? Вслѣдъ за объявленіемъ войны Германской имперіей, какъ враждебная сторона, выступила, какъ я отмѣтилъ выше, и нѣмецкая наука въ лицѣ многихъ очень видныхъ своихъ представителей, и это выступленіе не осталось безъ отвѣта, съ другой стороны. Борьба перенесена въ мирную сферу науки, которой, казалось бы, нужно было остаться нейтральной.

Нѣмцы подали дурной примѣръ, которому, во имя достоинства науки, повторяю, не стоило бы подражать. Современная лѣтопись отмѣтитъ всѣ тѣ полемическія стрѣлы, которыя полетѣли уже не въ нѣмецкихъ ученыхъ, поддавшихся шовинистическому угару, а въ самую суть нѣмецкой науки и философіи. Однимъ изъ наиболѣе курьезныхъ проявленій воинствующей идеологіи было позабавившее многихъ заявленіе одного молодого ученаго, сдѣланное въ научномъ обществѣ одной нашей столицы и повторенное на публичной лекціи въ другой—о прямомъ происхожденіи прусскаго милитаризма изъ германской философіи, Круппа отъ Канта.

Если и этотъ примѣръ найдетъ подражателей, сколько, къ несчастью, намъ придется видѣть симптомовъ научнаго регресса. Будемъ надѣяться, что здравый смыслъ, присущій русскому человѣку, выйдетъ побѣдителемъ изъ этого великаго испытанія. Будемъ надѣяться также, что чисто анекдотическій характеръ имѣютъ и слухи объ отказахъ гдѣ-то школьной молодежи отъ ученія нѣмецкому языку или исторіи Германіи.

Когда я читалъ нѣкоторыя заявленія нѣмецкихъ ученыхъ, мнѣ дѣлалось стыдно за нихъ самихъ, какъ представителей науки, и мнѣ казалось, что потомъ и сами они устыдятся. Обидно также, очень обидно, но уже прямо за русскихъ, когда изъ нашей среды начинаютъ раздаваться человѣконенавистническіе голоса.

II.

Что война не можетъ не навести ущерба нашей наукѣ, объ этомъ больше не стоитъ говорить. Вѣдь и на

другихъ сторонахъ нашего національнаго существованія тяжело скажутся послѣдствія вооруженной борьбы, которую намъ навязали нѣмцы.

Однимъ изъ послѣдствій войны съ ними, я думаю, будетъ ослабленіе вліянія у насъ германской науки, которое было всегда очень сильно. Здѣсь сдѣлаютъ свое дѣло и уже обнаружившаяся реакція „канто-крупповскаго пошиба“ противъ германизма, и возможное прекращеніе на долгое время научныхъ сношеній съ Германіей и Австріей, и то, что наша молодежь также, думать нужно, очень продолжительное время не будетъ учиться въ нѣмецкихъ университетахъ и другихъ высшихъ школахъ Германіи и Австріи. Боже, сохрани и избавь насъ отъ всякаго человѣконенавистничества, но даже и при полномъ у насъ его отсутствіи очень будетъ трудно наладить прежнія научныя сношенія. Во время севастопольской войны русскіе и французы, ожесточенно дравшіеся между собою, во время перемирій сходились безъ всякой вражды: война шла своимъ чередомъ, не ожесточая душъ, не поселяя въ нихъ вѣчной вражды, чисто національной ненависти, какая потомъ, послѣ 1870—1871 г., возникла же между тѣми же французами и нѣмцами.

Что наша молодежь перестанетъ ѣздить учиться въ Германію, гдѣ, къ тому же, уже за-долго до войны стали съ нею обращаться дурно, въ этомъ тоже очень большой бѣды нѣтъ, во-первыхъ, потому, что земля не клиномъ же сошлась, а затѣмъ и потому, что пора было бы устроить такъ, чтобы молодежь не была вынуждаема искать науки на чужбинѣ. Это и дороже стоитъ, да и едва ли полезно, чтобы молодые люди, въ то время, когда создается ихъ міросозерцаніе, надолго отрывались отъ родины. Поѣздки заграницу съ научными цѣлями необходимы, но не для обученія же тому, чему и дома можно не хуже выучиться: необходимы на время, съ очень спеціальными цѣлями, для ознакомленія съ чужою жизнью и притомъ не въ одной какой-либо странѣ, хотя бы ею была и ученая Германія. Теперь, во время войны, сказалось, что многаго нужнаго мы не умѣемъ дѣлать дома: быть можетъ, и этого недостатка не было бы, если бы мы вообще стали въ болѣе-

правильныя отношенія къ заграницѣ, не посылали туда учиться массу молодежи, которая могла учиться дома, и не выписывали оттуда того, что нужно было бы пріучиться дѣлать дома.

Не будучи пророкомъ, отказываюсь сказать, что ждетъ Россію въ этомъ отношеніи, но хочу думать, что опытъ не пропадетъ для насъ даромъ. Вспомнимъ недалекое сравнительно время, когда молодымъ женщинамъ, ищущимъ высшаго образованія, двери къ нему дома были закрыты. А теперь что?

Кому извѣстно, что пишущаго эти строки менѣе всего можно заподозрить въ націонализмѣ, того нѣтъ надобности убѣждать въ полной неприкосновенности развиваемыхъ здѣсь мыслей къ какой бы то ни было національной исключительности. Я хочу во время этихъ разсужденій стоять и все время удерживаться на общечеловѣческой точкѣ зрѣнія, враждебной узкому націонализму. Если я предпочитаю, чтобы русская молодежь училась въ Россіи, то по мотивамъ, далекимъ отъ какой бы то ни было вражды къ иностранному. Дурную сторону устремленія массы нашего юношества въ заграничныя высшія школы представляетъ собою вынужденность этого устремленія: она не является дѣломъ свободы выбора, которая, конечно, не должна быть стѣсняема и въ противоположную сторону какими-либо запретительными мѣрами. Это разъ, а во-вторыхъ, ненормальный наплывъ студентовъ изъ Россіи въ заграничныя учебныя заведенія, какъ извѣстно, сталъ вызывать кое-гдѣ, особенно какъ-разъ въ Германіи, реакцію среди мѣстной молодежи,—реакцію, которая, въ свою очередь, стала вызывать соотвѣтственныя чувства въ гостяхъ противъ хозяевъ, едва ли желательныя для того, кто въ международной непріязни видитъ одно изъ золъ, удручающихъ человѣчество. Наконецъ, я думаю, ѣхать за-границу полезнѣе всего не для того, чтобы тамъ проходить весь курсъ ученія въ высшей школѣ, а для того, кто хочетъ доучиваться, совершенствоваться въ наукѣ, особенно же производить такія научныя работы, которыя въ Россіи невозможны или не такъ удобны.

Большимъ благомъ для русской науки нельзя не счи-

тать поэтому научныя командировки за-границу для работы надъ диссертаціями, между прочимъ, и потому, что года на два молодымъ ученымъ обезпечивается досугъ, обезпечивается возможность работать только для науки, хотя, конечно, напр., для лицъ, занимающихся русскою исторіей, достаточно бываетъ въ такихъ случаяхъ временнаго перемѣщенія мѣста своего жительства, положимъ, изъ Казани въ Москву и т. п. Другое совсѣмъ дѣло—ѣхать за-границу начинать учиться, что было бы весьма понятно, если бы у себя, на родинѣ абсолютно было невозможно обучиться тому или другому, какъ, наприм., сербамъ или болгарамъ медицинѣ при отсутствіи въ Бѣлградѣ и Софіи медицинскихъ факультетовъ (ненормальность чего тоже чувствуется въ обѣихъ странахъ).

Молодые люди, отрывающіеся на четыре-пять лѣтъ отъ родной почвы, дышащіе все это время чужимъ воздухомъ, притомъ въ такомъ возрастѣ, когда завершается формированіе духовной личности, часто,—я знаю массу примѣровъ,—черезъ-чуръ проникаются иностранными умонастроеніями и притомъ не въ томъ, что въ послѣднихъ есть общечеловѣческаго и, слѣдовательно, пригоднаго для родины, а въ томъ, что имѣетъ слишкомъ мѣстный, исключительно національный характеръ.

Главная масса нашей молодежи направлялась въ Германію, которую познавать болѣе или менѣе и научалась, слушая нѣмецкія лекціи, читая нѣмецкія книжки и газеты, присматриваясь къ нѣмецкой общественной жизни, словомъ, съ головою погружаясь въ нѣметчину и соотвѣтственно отставая отъ родной стихіи, но извѣстно, что какъ-разъ за послѣднія десятилѣтія нѣмецкая культура пропитывалась все болѣе и болѣе самомнѣніемъ, самолюбованіемъ, духомъ высокомѣрія и пренебрежительнаго отношенія къ культурѣ другихъ народовъ. Германская жизнь, въ которой, дѣйствительно, есть такія черты, которымъ можно позавидовать и слѣдовало бы подражать, но въ которой есть и отрицательныя стороны, выросшія на почвѣ побѣдъ 1870—1871 г. и стремленія къ міровой гегемоніи въ послѣднія десятилѣтія, на многихъ россійскихъ молодыхъ людей производила своего рода гипнотизирующее вліяніе, такъ ска

зать. догматизировала ихъ мышленіе и дѣлала ихъ по духу въ нѣкоторомъ родѣ нѣмцами. Элементы этого проявлялись съ особою силою въ томъ по истинѣ фанатическомъ натискѣ, который въ послѣднемъ десятилѣтіи прошлаго вѣка германскіе выученики сдѣлали на лучшія традиціи русской прогрессивной мысли. Всякій догматизмъ—сила отрицательная, и критика нужна вездѣ, но русскіе „ученики“ явились не съ критикою, которая предполагаетъ хорошее знаніе критикуемаго, а съ огульнымъ отрицаніемъ всего, что создано было самостоятельнымъ развитіемъ русской мысли, особенно заслуживавшимъ вниманія потому, что въ свой синтезъ она захватывала результаты не одной только нѣмецкой, но и французской, но и англійской мысли. Нѣмцы сами когда-то славились широтою своего культурнаго захвата, когда еще не были націей побѣдителей, предназначенныхъ къ всемірному господству, но за послѣднее время они замѣтно съузились, что и наложило печать на разныхъ германскихъ выучениковъ въ Россіи.

Представимъ себѣ юношу, съ гимназической скамьи попадающаго подъ исключительное вліяніе германской культуры. Своя передовая мысль ему остается болѣе или менѣе чуждою и неизвѣстною, и потомъ онъ обращается къ ней съ догматическою предпосылкою, что вся истина, весь законъ и пророки, послѣднее слово науки—въ нѣмецкой культурѣ. Конечно, наша наука и количественно, и качественно отстала отъ германской, но у насъ есть одно преимущество: мы, за исключеніемъ всего умственно отсталаго, общечеловѣческое ставимъ выше національнаго, принципіально признавая, что общечеловѣческое и не можетъ быть цѣликомъ включено во что-либо національное, тогда какъ у нѣмцевъ стало развиваться противоположное настроеніе и не у какихъ-либо невѣжественныхъ самобытниковъ, а у корифеевъ философіи и науки. За послѣдніе годы выучка у нѣмцевъ не расширяла, а съуживала умственный горизонтъ, и съ этой стороны мнѣ всегда было жаль тѣхъ, которые нигдѣ не искали увидѣть свѣтъ, какъ только въ нѣмецкомъ окошкѣ.

Нѣмецкіе выученики, бурно вторгшіеся въ русскую умственную жизнь подъ знаменіемъ экономическаго мате-

ріализма, съ фанатизмомъ прозелитовъ набросившіеся на суевѣрія, съ ихъ точки зрѣнія, „народничества“, „субъективной соціологіи“, „роли личности къ исторіи“ и пр. и пр., совершенно не поняли духа нашей передовой общественности и въ дальнѣйшихъ своихъ путяхъ тоже явились чуждыми традиціямъ русской прогрессивной мысли. Она, эта мысль, реалистична, а экономическіе матеріалисты очень скоро ударились въ мистику и метафизику, стали переходить «отъ марксизма къ идеализму», наиболѣе же пропитавшіеся изъ нихъ нѣмецкимъ духомъ стали перелицовывать на русскій ладъ нѣмецкое «Deutschland, Deutschlann über Alles». Недаромъ въ своей историко-философской идеологіи и наши славянофилы въ наименѣе пріемлемыхъ сторонахъ своего ученія были только послѣдователями того, что на счетъ народнаго духа насочинили германскіе философы первой трети XIX в.

Вотъ съ какой точки зрѣнія я считаю нежелательнымъ, чтобы большія массы нашей молодежи получали свое воспитаніе подъ чужеземными вліяніями и особенно такого пошиба, каковымъ было германское за послѣднее время. Конечно, Германія теперь надолго для насъ закрыта, но я думаю, что чрезмѣрный наплывъ русской молодежи и въ университеты другихъ странъ,—явленіе тоже ненормальное, разъ онъ имѣетъ характеръ вынужденности. Не прекращеніе научнаго общенія съ Западомъ имѣю я въ виду, но его нормировку, и нормировку притомъ не принудительными мѣрами, а созданіемъ въ самой Россіи такихъ условій, при которыхъ всѣ ищущіе высшаго образованія могли бы находить его прежде всего дома. Эту необходимость, которая должна быть удовлетворена, но которую послѣ страшныхъ расходовъ, вызванныхъ войною, конечно, удовлетворить будетъ нелегко, если понадобится открытіе новыхъ учебныхъ заведеній. Впрочемъ, если двери старыхъ не будутъ запираться передъ многими, желающими въ нихъ учиться, не нужно будетъ и лишнихъ расходовъ.

И нужно будетъ еще, чтобы русская наука не отставала отъ западной, чтобы въ нашихъ высшихъ школахъ молодежь находила все то, что даютъ заграничныя учебныя заведенія. «На поприщѣ ума нельзя намъ отставать»,

сказалъ еще Пушкинъ, и мы должны это помнить. Въ особенности слѣдуетъ стремиться къ тому, чтобы ничто важное изъ дѣлающагося на Западѣ не игнорировалось у насъ, а дѣлалось извѣстнымъ и входило послѣ надлежащаго критическаго испытанія въ нашъ національный синтезъ общечеловѣческихъ истинъ.

III.

Я невольно возвращаюсь къ тѣмъ мыслямъ, которыя особенно сильно занимали меня ровно тридцать лѣтъ тому назадъ. Я былъ тогда профессоромъ Варшавскаго университета, относительно „миссіи“ котораго я сильно расходился съ нѣкоторыми коллегами. Они говорили, что мы должны русскою наукою вытѣснить вліяніе науки польской, а для этого особенно проводить и подчеркивать начала русскія. Мое мнѣніе было совсѣмъ другое: лекціи русскихъ профессоровъ должны были быть органомъ науки, какъ таковой, науки общечеловѣческой, и что если въ наукѣ польской есть что-либо націоналистическое, то наше дѣло не вышибать его націоналистически-русскимъ клиномъ, а проповѣдовать научную истину, которая враждебна всякому націонализму, откуда бы онъ ни шелъ. Уже будучи совсѣмъ на отлетѣ изъ Варшавы, я прочиталъ для русской публики лекцію о духѣ русской науки [1]),—тема, которую я тогда же изложилъ въ болѣе обширной статьѣ, подъ заглавіемъ „Мечта и правда о русской наукѣ“ [2]). Мечтою здѣсь было желаніе, чтобы русская наука была наименѣе національно-исключительной, наиболѣе общечеловѣческой, будучи, однако, не только воспринимающею по отношенію къ истинамъ, добытымъ другими, но и творческою, вносящею свое оригинальное въ общую сокровищницу человѣческаго знанія. Это была „мечта“, „правдою“ же я называлъ въ этой статьѣ тѣ условія, которыя дѣлали это для русской науки возможнымъ, тѣ признаки, которые указывали на то, что русская наука вступила на такой путь. Условія для осу-

[1]) Подъ этимъ заглавіемъ она и была издана отдѣльной брошюрой (1885).

[2]) Была напечатана въ „Русск. Мысли“ за 1884 г.

ществленія подобной мечты,—думалъ я и продолжаю думать теперь,—въ молодости нашей науки, заставляющей насъ гораздо больше присматриваться къ тому, что дѣлается у нѣмцевъ, у французовъ, у англичанъ и т. п., нерѣдко довольствующихся только своимъ. Признаки того, что мы вообще будемъ идти по пути широкаго общенія съ наукою западныхъ странъ, я усматривалъ въ нѣкоторыхъ явленіяхъ нашей научной жизни. Черезъ тридцать лѣтъ послѣ изложенія такой profession de foi я остаюсь при прежней вѣрѣ въ плодотворность широкаго общенія съ наукою другихъ народовъ, которому противорѣчатъ фантастическія представленія о мнимой самобытности русскаго духа, какъ носителя самой подлинной истины, но также противорѣчитъ и образовавшаяся у насъ привычка идти на помочахъ одной германской науки, какъ будто бы это была наука par excellence, вся наука: „нѣтъ Бога, кромѣ Бога, и Магометъ его пророкъ“. Въ своемъ самомнѣніи многіе нѣмецкіе ученые готовы, какъ извѣстно, сами это утверждать, но намъ то можно было бы на этотъ счетъ быть другого мнѣнія и не думать, что только въ нѣмецкихъ ученыхъ теоріяхъ „и законъ, и пророки“.

Я глубоко цѣню заслуги Германіи передъ наукою, самъ многимъ обязанъ нѣмецкимъ книжкамъ, по которымъ учился, но вмѣстѣ съ тѣмъ вижу, что наукѣ оказали великія услуги и ученые другихъ странъ, что многое ими сдѣлано было лучше, чѣмъ нѣмцами, что въ нѣмецкой наукѣ есть и свои недостатки, какъ, впрочемъ, и во всякой другой,—что именно эти недостатки оказывали иногда вредное вліяніе и что во всякомъ случаѣ поэтому нѣмецкая наука не есть вся наука, и значенія единоспасающей церкви никоимъ образомъ ей приписывать не слѣдуетъ. Между тѣмъ, если ужъ говорить объ эмансипаціи русской науки отъ догматическаго подчиненія иностраннымъ шаблонамъ, то приходится это говорить какъ разъ по отношенію къ наукѣ нѣмецкой, и, понятное дѣло, не потому, что съ нѣмцами мы теперь воюемъ, а потому, что наукѣ вообще не годится быть въ плѣну у кого-либо, и что больше всего русская академическая наука плѣнялась нѣмцами.

Причины этого извѣстны. Во-первыхъ, нѣмцы были

призваны насаждать у насъ науку и въ Академіи, и въ университетахъ, вскорѣ по ихъ учрежденіи. Естественно, что и русскихъ выучениковъ тянуло въ Германію, благо— она и ближайшая сосѣдка. Во-вторыхъ, какъ-никакъ, нигдѣ университетская наука и академическое преподаваніе очень долгое время не достигали такого процвѣтанія, какъ въ Германіи, что сдѣлало ее образцомъ, которому въ этомъ отношеніи стали слѣдовать не одни мы. Къ тому же нѣмцы—великіе мастера въ дѣлѣ научной систематизаціи, и ихъ всевозможные Handbuch'и какъ-бы сами собою сдѣлались настольными книгами и для нашихъ ученыхъ. Вмѣстѣ съ этимъ наука у нѣмцевъ была и простымъ гелертерствомъ, и философскимъ порывомъ, а по части философіи, какъ-никакъ, нѣмцамъ долго принадлежала пальма первенства, хотя далеко не всегда это шло на пользу наукѣ вообще и отдѣльнымъ націямъ, учившимся у нѣмцевъ, въ частности.

Наконецъ, у насъ были еще времена то большого довѣрія къ нѣмецкой мысли за ея благонамѣренность, то наоборотъ, особаго увлеченія ея продуктами вслѣдствіе ихъ радикализма, какъ то было въ періоды матеріалистической вѣры по Бюхнеру и Молешотту, а позднѣе распространенія у насъ другой подобной же вѣры, только не на метафизической, а на экономической основѣ.

Сначала вообще въ Россіи господствовала нѣмецкая наука, отъ плѣна у которой насъ больше всего освобождала наука нашихъ теперешнихъ политическихъ союзниковъ—французовъ и англичанъ, оказывавшая также немалое вліяніе и на самихъ нѣмцевъ. Достаточно указать для примѣра на Канта или на Маркса, ученія которыхъ представляютъ собою синтетическія построенія, въ основѣ которыхъ лежали не только нѣмецкія, но и французскія, и англійскія вліянія. Общая основа науки у насъ была все-таки нѣмецкаго происхожденія, хотя, несомнѣнно, мы очень многимъ были обязаны французскому и англійскому вліяніямъ.

Съ этой точки зрѣнія было бы весьма любопытно пересмотрѣть исторію большаго или меньшаго, а иногда и исключительнаго вліянія мыслителей и ученыхъ отдѣльныхъ странъ на русскую науку,—тема весьма обширная,

но и очень благодарная, если собрать весь относящійся къ этому вопросу матеріалъ. Несомнѣнно, въ нашемъ научномъ прошломъ пришлось бы отмѣтить нѣкоторые періоды особаго вліянія нѣмецкой философіи и науки. Недавно опубликованныя письма Мих. Бакунина рисуютъ намъ очень рельефно, какую роль въ представленіи многихъ русскихъ интеллигентовъ игралъ Берлинъ: по тому страстному стремленію въ Берлинъ, которое проявляется въ этихъ письмахъ Бакунина, можно судить, что для многихъ это было то же самое, что для вѣрующихъ мусульманъ Мекка и Медина. Въ исторіи нашей высшей школы немалое значеніе для нѣкоторыхъ отраслей знанія имѣли въ началѣ шестидесятыхъ годовъ большія отправки-молодыхъ людей, между прочимъ, нѣкоторыхъ будущихъ преподавателей исторіи за-границу для приготовленія къ профессорскому званію: они ѣхали преимущественно въ Германію и привозили оттуда нѣмецкую науку, останавливаясь для своихъ диссертацій особенно охотно на нѣмецкихъ сюжетахъ, въ родѣ „Крестоваго похода Фридриха II“ и „Поповскаго короля Генриха IV Распе“ (объ диссертаціи Бильбасова), „Титмара Мерлебургскаго“ и „Вендскихъ городовъ и Ганзейскаго союза“ (объ диссертаціи Фортинскаго) и т. п. Особенно нѣмецкой была у насъ философія, которая, впрочемъ, и сама особенно процвѣтала въ Германіи. Юридическія науки тоже были проникнуты нѣмецкимъ духомъ, и чуть ли не въ первый разъ въ государствовѣдѣніи зашла рѣчь о Контѣ, Миллѣ и Льюисѣ, когда проф. Сергѣевичъ подвергъ критикѣ германскую школу въ своей докторской диссертаціи. (Любопытно было бы справиться въ біографіяхъ нашихъ профессоровъ историко-филологическаго и юридическаго факультетовъ, гдѣ и у кого они учились во время своихъ ученыхъ командировокъ). Только постепенно и мало-по-малу нѣмецкое вліяніе стало уступать мѣсто другимъ вліяніямъ. Поѣздки для приготовленія къ профессорскому званію,—между прочимъ, для написанія диссертацій,—во Францію, въ Англію, въ Италію, даже въ Испанію относятся къ болѣе позднему времени, когда иностранная научная мысль стала проникать къ намъ и иными путями—черезъ переводы и журналы, благодаря которымъ на смѣну

нѣмецкаго матеріализма Бюхнера и Молешотта пришли изъ Франціи и Англіи позитивизмъ Конта и эволюціонизмъ Спенсера, а съ ними и соціологія, столь враждебная нѣмецкой метафизикѣ, царившей въ юриспруденціи и государствовѣдѣніи. Можно даже сказать, что то, что было наиболѣе оригинальнымъ въ такъ называемой „русской соціологической школѣ" семидесятыхъ-восьмидесятыхъ годовъ, развивавшейся, впрочемъ, внѣ университетовъ, выросло на основѣ сочетанія германскихъ и особенно французскихъ и англійскихъ воззрѣній. На рубежѣ двухъ послѣднихъ десятилѣтій XIX в. французское и англійское вліяніе въ области соціологіи стало видимо падать, и съ русскою соціологическою школою, какъ-никакъ, критически принимавшею иностранныя ученія, въ борьбу вступили сторонники экономическаго матеріализма, догматически усваивавшіе новое ученіе, какъ будто заражавшіеся нѣмецкимъ самомнѣніемъ относительно универсальности германской науки. Опять Франція и Англія стали какъ будто отходить на задній планъ.

Отнюдь не будучи врагомъ нѣмецкой науки, пишущій эти строки не разъ имѣлъ основанія огорчаться, когда болѣе молодыя поколѣнія для новыхъ боговъ забывали, игнорировали старыхъ, — огорчаться не тѣмъ, что новые боги были нѣмецкіе, а тѣмъ, что научный Олимпъ съуживался и отвергалось все, что не имѣло марки „made in Germany". Здѣсь особенно досадно было то, что именно съуживался горизонтъ границами одной націи съ вытѣсненіемъ изъ поля зрѣнія всего, что дѣлалось другими націями. Въ этомъ направленіи сказывался какой-то гипнозъ, догматизмъ, и мысль развивалась не на старыхъ здоровыхъ основахъ, а какими-то скачками, что особенно сказалось на эволюціи отъ марксизма къ идеализму и къ націонализму, на которыхъ опять очень замѣтна чисто нѣмецкая марка.

Сама по себѣ, конечно, эта марка еще не указываетъ на непригодность того или другого направленія, ею отмѣченнаго, и разбирать дѣло нужно по существу, насколько оно основывается на фактахъ и на логикѣ, да и не противорѣчитъ этикѣ, запрещающей возводить на степень общечеловѣческихъ цѣнностей то, что является таковыми только

съ точки зрѣнія извѣстной національности. Какъ-разъ нѣмецкіе ученые за послѣднія десятилѣтія особенно грѣшили, какъ сказано выше, національнымъ самомнѣніемъ, вносившимъ чисто нѣмецкія точки зрѣнія въ исторію и другія общественныя науки, что придавало нѣкоторымъ ихъ заявленіямъ и построеніямъ, по крайней мѣрѣ, односторонній характеръ. Германскія побѣды 1864—71 гг., создавшія теперешнюю имперію Гогенцоллерновъ, были главною причиною тѣхъ проявленій съуженія нѣмецкой научной мысли, которыя бросаются въ глаза въ нѣмецкихъ трудахъ, касающихся исторіи, политики, культуры. Будущимъ побѣдителямъ въ ведущейся нынѣ войнѣ нужно будетъ особенно остерегаться того, чтобы и съ ними этого не случилось. Въ наукѣ нужна критика и прежде всего критика къ себѣ, дабы „насъ возвышающій обманъ“ не занялъ мѣсто научной истины. Есть и другая еще опасность.

Что пріемлемо и что не пріемлемо въ научныхъ методахъ, построеніяхъ и направленіяхъ, господствующихъ у чужихъ народовъ, это должно рѣшаться исключительно на основаніи научныхъ же соображеній. Политикѣ здѣсь нѣтъ мѣста. Конечно, теперешняя война во многихъ отношеніяхъ ослабитъ у насъ нѣмецкое вліяніе, но такое ослабленіе будетъ благотворно лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда указанное вліяніе было намъ скорѣе во вредъ, а не въ пользу. Было бы, однако, очень печально, если бы политическая ненависть сдѣлалась основаніемъ для полнаго осужденія всего, что идетъ отъ нѣмцевъ. Я готовъ согласиться съ тѣмъ, что старая Германія Канта, Гёте и Шиллера выше новой Германіи Бисмарка, Мольтке и Гинденбурга, но со многимъ, что отсюда выводится, рѣшительно нельзя согласиться. Не является ли, напр., со стороны нѣкоторыхъ нашихъ публицистовъ тоже высокомѣріемъ утвержденіе, по которому мы, русскіе, ведемъ войну съ нѣмцами для того, чтобы ихъ же самихъ освободить отъ овладѣвшихъ ими грѣховъ и вернуть ихъ къ ихъ прежней, болѣе человѣчной культурѣ? Нѣтъ, намъ о себѣ только нужно заботиться, дабы не впасть во искушеніе и избавиться отъ зла, отъ искушенія считать себя лучше другихъ и на этомъ основаніи признавать себя въ правѣ ихъ исправлять отъ того

самаго зла, въ которое мы рискуемъ впасть сами: вспомнимъ евангельское изреченіе о соломинкѣ въ глазу ближняго и о бревнѣ въ своемъ собственномъ. Забвеніе урока, заключающагося въ этихъ словахъ, ставитъ на наклонную плоскость, по которой очень легко докатиться до худшихъ проявленій нездороваго національнзма. Можно и должно быть патріотомъ и по отношенію къ наукѣ своей родины, желать ей процвѣтанія и дальнѣйшаго развитія, цѣнить ея усилія и даже гордиться ея успѣхами, пожалуй еще и печалиться по поводу того, что за предѣлами родины ею мало интересуются, видѣть въ этомъ обидную несправедливость, но въ то же время отдавать себѣ ясный отчетъ во всѣхъ ея изъянахъ и сознавать безъ зависти, а иногда и съ прямымъ чувствомъ научнаго удовлетворенія превосходство чужой науки съ упованіемъ, что „можетъ собственныхъ Платоновъ и быстрыхъ разумомъ Невтоновъ Россійская земля рождать“.

Когда живешь съ тревогою въ сердцѣ за будущее, но и съ надеждою на благополучный исходъ, среди другихъ предметовъ, вызывающихъ упованія или опасенія, находится и наша наука. Какъ и наука другихъ странъ, она уже пострадала отъ войны, и намъ, какъ и другимъ, придется наверстывать утраченное время, которое „смерти подобно“, но рано или поздно война кончится, и вотъ тогда намъ предстоитъ большая работа не только по этому наверстыванію, но и по опредѣленію своихъ научныхъ отношеній съ нашими ближайшими сосѣдями на Западѣ. Нѣмецкое вліяніе, несомнѣнно, въ этой области ослабѣетъ и кое въ чемъ не безъ пользы для насъ, но было бы очень печально, если бы мы, когда побѣдимъ, не стали остерегаться впасть въ тѣ же прегрѣшенія національнзма и оффиціозности, въ каковыхъ не безъ основанія упрекаютъ современныхъ германскихъ ученыхъ.

Н. Карѣевъ.

ВОЙНА, ЛИТЕРАТУРА, ТЕАТРЪ.

З. Н. Гиппіусъ.

Моя тема кажется почти безсмысленной; а преждевременна она—во всякомъ случаѣ. Не странно-ли видѣть рядомъ: „искусство“ — и „война“, „литература“ — и „война“, „театръ“ — и „война“? Искусство и война — два дѣла; оба слишкомъ важны, оба всепоглощающи, поэтому несовмѣстимы. Да и по существу они столь различны, что не могутъ не исключать другъ друга.

Война—дѣйствіе внутри-жизненное; искусство, будучи тоже дѣйствіемъ, и отнюдь не вне-жизненнымъ—дѣйствіе непремѣнно надъ-жизненное. Война — вся въ настоящемъ, только въ настоящемъ; искусство стремится соединить три времени во-едино: прошлое, настоящее и будущее. (Я говорю объ истинномъ искусствѣ, о томъ, которое такъ или иначе касается вѣчности).

Писатель, художникъ,—все-таки сначала человѣкъ, а потомъ ужъ писатель. Какъ человѣкъ—онъ живетъ въ настоящемъ; и когда настоящее дѣлается грознымъ и требовательнымъ,—человѣкъ отдается ему, отрывая отъ себя непригодную, ненужную, мѣшающую часть души—ту, которая жила искусствомъ. Этотъ разрывъ, или, если душа слишкомъ срослась съ искусствомъ, надрывъ,—неизбѣженъ.

Письма Флобера къ Жоржъ Зандъ лѣтомъ 1870 года ярко показываютъ намъ, чѣмъ живетъ истинный писатель, большой художникъ, во время войны.

— „Какъ! дорогой учитель, вы тоже въ отчаяніи, опечалены? Я такъ подавленъ, что самъ удивляюсь. Я погружаюсь въ безконечную меланхолію, несмотря на работу, несмотря на добраго „Святого Антонія“, который долженъ-бы развлечь меня...“

Письмо это написано въ самомъ началѣ войны, Флоберъ еще пытается работать...

— „Вотъ онъ человѣкъ въ естественномъ состояніи. Стройте послѣ этого теоріи... Что бы ни случилось, мы надолго отошли вспять. Войны расъ, можетъ быть, возникнутъ снова. Не пройдетъ и вѣка, какъ увидятъ, что милліоны людей будутъ избивать другъ друга“... „Бѣдные мы, образованные люди! Какъ далеко человѣчество отъ нашего идеала, и наше величайшее заблужденіе въ томъ, что мы равняемъ человѣчество съ собой и обращаемся съ нимъ соотвѣтственно этому...“

— „Я умираю отъ печали... Я считаю себя человѣкомъ конченнымъ. Я хочу одного—издохнуть, чтобы быть спокойнымъ“.

— „Я поступилъ санитаромъ въ руанскую больницу... Меня влечетъ, меня зудитъ драться. Что это, воскресаетъ-ли кровь моихъ предковъ, начесовъ“?

— „Я вновь принялся вчера за моего „Святого Антонія“. Что-же, надо себя настроить. Надо себя пріучить къ естественному состоянію человѣка, т.-е. къ злу“.

— „Нѣсколько разъ мнѣ казалось, что я схожу съума. Меня изводитъ бездѣлье—и сѣтованія! и болтовня!.. Ужасно въ войнѣ то, что дѣлаешься злымъ. Мое сердце сейчасъ сухо, какъ камень и, что бы ни случилось, въ сущности останешься дуракомъ... Такіе удары по головѣ не остаются безъ послѣдствій. Они потрясаютъ умственныя способности. На себя я смотрю, какъ на человѣка конченаго, опустошеннаго. Отъ меня осталась только оболочка, только тѣнь человѣка“.

— „Полагаю, что никого война не привела въ такое отчаяніе, какъ меня. Какъ только я не умеръ отъ ярости и горя! Я уподобился Рахили, я не хотѣлъ утѣшиться. Я проводилъ ночи, сидя въ постели, я стоналъ, какъ умирающій. Я виню нашъ вѣкъ въ томъ, что онъ заставилъ меня испытать чувства какого-нибудь дикаря XII вѣка. Какое варварство! Какой шагъ назадъ!“

— „Литература кажется мнѣ ненужной и безполезной. Буду-ли я въ состояніи когда-либо заняться ею? Ахъ, еслибъ я могъ бѣжать въ страну, гдѣ не встрѣчались-бы военные мундиры, гдѣ не было бы слышно барабаннаго боя, гдѣ не говорилось бы объ избіеніяхъ, гдѣ не требовалось бы быть

гражданиномъ. Но для бѣдныхъ „мандариновъ“ нѣтъ болѣе мѣста на землѣ!“

Во Флоберѣ большой человѣкъ боролся со слишкомъ большимъ художникомъ. Разрыва не произошло, только надрывъ; художникъ былъ раненъ, но не убитъ. Вотъ выдержка изъ послѣдняго письма.

„...Горечь обуяла меня. Ахъ, все потому, что я такъ страдалъ за эти десять мѣсяцевъ, ужасно страдалъ—до безумія, готовъ былъ лишить себя жизни! Между тѣмъ я вернулся къ работѣ; я стараюсь опьяниться чернилами, какъ иные опьяняются водкой...“

Если мы обратимся къ письмамъ Э. Гонкура, того-же періода,—мы найдемъ ихъ подобными. Не столь значительными и сильными, можетъ быть, но вѣдь Гонкуръ, и какъ человѣкъ, и какъ писатель,—меньше, слабѣе Флобера.

Да, „бѣднымъ мандаринамъ“,—бѣднымъ служителямъ искусства,—„нѣтъ мѣста на землѣ“, когда земля горитъ огнемъ войны. Они „умираютъ отъ печали“, „отъ бездѣлья“, чувствуютъ себя „опустошенными“, переживаютъ смертельныя муки внутренняго разлада,—если, конечно, художникъ не успѣлъ обезчеловѣчиться. Но дѣло въ томъ, что такой „обезчеловѣченный“ художникъ—уже вовсе и не художникъ. Палка о двухъ концахъ...

Писатель, который *можетъ*, на время войны, спокойно уйти въ свою норку, „въ себя“, съ намѣреніемъ „переждать“ и затѣмъ спокойно начать „творить“ съ того же мѣста, гдѣ его прервали,—врядъ-ли способенъ вообще дать что-нибудь цѣнное въ области искусства.

Муки Флобера, его надрывъ—я считаю самымъ законнымъ и нормальнымъ состояніемъ писателя во время войны. Самымъ естественнымъ. Случается, однако, что „человѣческое“ побѣждаетъ художника. Писатель безболѣзненно исчезъ, подъ грознымъ натискомъ настоящаго остался только „человѣкъ“. И это тоже естественно, тоже благо. Мы знаемъ многихъ писателей, такъ или иначе отдавшихъ себя войнѣ. И поглощенныхъ ею всецѣло. Умеръ-ли въ нихъ талантъ, или спитъ—не намъ рѣшать. Во всякомъ случаѣ, сейчасъ — они только люди, а не писатели. Когда жизнь дѣлается сама громаднымъ и тяжкимъ дѣломъ, выключаю-

щимъ личное, особенно художественное, творчество (а такою она дѣлается во время войны)—можно только жить, или можно мучиться, какъ Флоберъ; страданьемъ искупать грѣхъ своего пребыванія въ пустотѣ, между жизнью и творчествомъ,—ни тамъ, ни здѣсь.

Анатоль Франсъ, это блестящій художникъ, тонкій скептикъ нашего времени—тоже почувствовалъ необходимость выбора; вспомнимъ его недавнее письмо:—„Мои писанія безполезны... сдѣлайте меня солдатомъ". Старика солдатомъ не сдѣлали,—не по его винѣ, во всякомъ случаѣ. Но онъ совершенно такъ-же ничего не пишетъ сейчасъ, какъ не писалъ бы, если бы надѣлъ мундиръ и отправился сторожить какой-нибудь обозъ.

Я понимаю, что Флоберъ, не будучи въ силахъ отказаться отъ искусства, мечась между жизнью и творчествомъ,—отъ жизни бросался именно къ „Святому Антонію"; онъ искалъ забвенья въ искусствѣ; онъ не старался какъ-нибудь слѣпить вмѣстѣ два раздѣленныхъ во времени дѣла.

Можно-ли себѣ представить, что тотъ же Флоберъ сталъ писать во время войны романъ изъ военной жизни или вздумалъ ставить батальную пьесу (будь онъ драматургомъ, и останься Парижъ цѣлъ)? Какъ-то странно даже подумать это. „Святой Антоній"—да, въ тѣ мгновенья, когда онъ слишкомъ уставалъ отъ безплодныхъ страданій, когда онъ долженъ былъ „опьяняться чернилами, какъ водкой". Но для него дѣйствительность и ея ужасъ,—война,—были слишкомъ велики, и слишкомъ цѣльно и велико искусство съ другой стороны, чтобы онъ помыслилъ самовольно и механически сцѣпить—разъединенное ударомъ жизни.

Каждый разъ, когда мы, современные писатели, пишемъ стихотворенье, „художественный" очеркъ или пьесу „на тему дня"—мы только даемъ лишнюю росписку, что мы не Флоберы. И даже не Гонкуры. И даже не Анатоли Франсы. Это не искусство, потому что не можетъ быть искусствомъ, (кромѣ таланта художественному произведенію нужны еще многія условія, чтобы родиться)—но это и не жизнь, ибо это претензія на искусство. Это что-то среднее, механическое, не имѣющее бытія. Въ самомъ дѣлѣ: развѣ не меркнетъ любой „современный" разсказъ любого, самаго

талантливаго, современнаго автора—передъ безграмотнымъ солдатскимъ письмомъ? Нельзя выдумывать „подъ жизнь“ въ тѣ дни, когда сама жизнь говоритъ, кричитъ оглушающе громко.

Не сѣрая обывательская толпа, конечно, но настоящій человѣкъ-читатель (а такихъ читателей все больше)—очень чутокъ. Онъ жадно слушаетъ голосъ жизни, ея непосредственныя, простыя слова, ихъ понимаетъ, ихъ воспринимаетъ... А если явилась усталость, физическая жажда отдыха,—онъ, на это краткое мгновенье, разрѣшитъ себѣ открыть томикъ Пушкина, возьметъ того-же „Святого Антонія“ Флобера, но наши „военные“ разсказы онъ читать не будетъ, и въ театръ на батальную пьесу не отправится.

Я говорю только объ искусствѣ, только о художественномъ творчествѣ,—красочномъ, звуковомъ или словесномъ; работа мысли, слова разума, трезвость убѣжденій—литература въ широкомъ понятіи—нужна всегда, и теперь даже больше, чѣмъ всегда. А что положеніе чистаго, образнаго искусства и художниковъ (этихъ „бѣдныхъ мандариновъ“) во время войны именно таково, какимъ я его опредѣляю,—это кажется мнѣ истиной безспорной, слишкомъ извѣстной, почти не нуждающейся въ доказательствахъ.

Не можетъ солдатъ (будь онъ хоть самъ Достоевскій), идя въ атаку,—описывать психологію солдата, идущаго въ атаку. А сейчасъ мы всѣ—солдаты, какимъ-то образомъ, идемъ въ атаку. Солдаты—или мученики; но и въ послѣднемъ случаѣ мы не пишемъ, а „просиживаемъ ночи на постели и стонемъ отъ горя“.

Вотъ потому-то я и думаю, что говорить о литературѣ дня, о томъ, что наши художники „творятъ“ для печати и для сцены во время войны, въ связи съ войной,—по меньшей мѣрѣ безполезно. Вѣдь это-же не искусство, а лишь матеріалъ, недостаточно сырой—и недостаточно обработанный. Нечего себя обманывать: громадное большинство изъ сегодняшнихъ „произведеній искусства“ очень скоро канетъ въ Лету. Для искусства есть свои законы; когда оно ихъ не исполняетъ, то перестаетъ быть искусствомъ. И подчиняясь настоящему, только настоящему,—искусство какъ разъ нарушаетъ одинъ изъ своихъ вѣчныхъ законовъ.

Еще труднѣе говорить о томъ, что будетъ съ литературой послѣ войны, какъ и въ какую сторону можетъ война ее направить. Мы и вообще-то ничего не знаемъ о путяхъ искусства; раціональныхъ основаній для суда нѣтъ, пророчества всегда оказывались ложными. Гадать же, каково будетъ вліяніе войны на литературу—особенно безплодно. До сихъ поръ мы видѣли одно: никакая война никакъ не вліяла на искусство. Это очень объяснимо. Въ войнѣ, именно въ войнѣ, уже нѣтъ и не можетъ быть для современнаго европейскаго человѣчества, а тѣмъ болѣе для верховъ его, никакой новой идеи. Война, сама по себѣ, уже разсматривается нами и воспринимается, какъ возвращеніе къ историческому прошлому. Можно бы сказать, что война уже не можетъ „ростить душу“, хотя и способна вскрывать ея древнія, стихійныя глубины.

Это характерное свойство современной войны отличаетъ ее отъ другихъ катастрофическихъ міровыхъ явленій. Но конечно война, потрясая и разрушая жизнь—мѣняетъ ее; и если мѣняются глубоко всѣ формы и условія жизни—мѣняется и душа человѣческая. Изъ нея, измѣненной, можетъ вырости и новое искусство. Какое? Мы не знаемъ и не беремся опредѣлять. Вѣдь мы не знаемъ, какія измѣненія формъ и условій жизни насъ ждутъ послѣ войны. Пока—мы знаемъ только войну.

Однако, учитывая возможность этихъ общихъ перемѣнъ, то-есть, косвеннаго вліянія войны на искусство и литературу въ частности,—скажу, что движеніе литературы, прерванное войной, можетъ возобновиться вовсе не съ того мѣста, гдѣ было прервано. Надо, вѣдь, признать, что пути и ростъ общеевропейской литературы за послѣдніе годы не были особенно ярки и ясны. Не говорю объ отдѣльныхъ вспыхивающихъ талантахъ и о поднятіи средняго культурнаго уровня; но въ ростѣ, въ движеніи, чувствовалась какая-то заминка, топтанье на мѣстѣ, или же частные отклоны, приводящіе къ срыву. Интересно отмѣтить „футуризмъ“,—европейскій, конечно,—хотя это движеніе и не можетъ назваться чисто-литературнымъ.

Въ нѣкоторомъ родѣ футуристы были, дѣйствительно, провозвѣстниками будущаго, и даже очень близкаго буду-

щаго: а именно—времени, которое уже стало настоящимъ. „Футуристовъ“ больше нѣтъ не потому, что они куда-то спрятались, а потому, что они—„исполнились“, какъ исполняются „времена и сроки“. Лозунги ихъ воплотились. И одно меня удивляетъ: зародились футуристы въ Италіи, а „исполнились“—въ Германіи. Да, въ Германіи. Три главные лозунга футуристовъ, по манифесту Маринетти, таковы: „будемъ разрушать всѣ древніе памятники искусства“ (напримѣръ, венеціанскіе дворцы и храмы). „Будемъ насиловать женщинъ“ (любовь—сантиментальность) и, наконецъ,—„да здравствуетъ война!“ Не странно ли читать это теперь, присутствуя при столь совершенномъ и быстромъ воплощеніи „идеаловъ“, хотя эти идеалы воплотились и не тамъ, гдѣ были впервые указаны, и не тѣ ихъ воплотили, кто провозгласилъ? Вѣроятно, Германіи просто не нужны были слова: въ ней назрѣвали соотвѣтственныя дѣла. А тамъ, гдѣ, къ счастью, не оказалось благопріятной почвы,—слова остались словами.

Когда въ прошломъ году явился Маринетти съ этими самыми лозунгами завоевывать Россію,—наши добрые, домашніе „футуристы“, да и вообще добрые люди, побѣжали слушать его съ открытыми ртами; но главнаго они просто не замѣтили. Добрые люди благодушно посмѣивались, а доморощенные футуристы наши, тоже не замѣтивъ главнаго (какъ слишкомъ несроднаго намъ)—остались на своихъ, уже выбранныхъ, путяхъ. Путей этихъ было два, оба кончающіе собственно искусство; но таково ужъ свойство русской души—все доводить до предѣла, до конца, „до самаго послѣдняго кончика“. Эти два пути очень ярко и доказательно были подчеркнуты, опредѣлены въ свое время К. Чуковскимъ (см. его послѣднюю книгу литературныхъ очерковъ). Одна половина футуристовъ стала украшать и умножать свою конфектную изломанность, очень невинную, другая, перескочивъ черезъ слова, дошла до нечленораздѣльныхъ звуковъ, стала на четвереньки и устремилась... Куда? неизвѣстно, но кажется, чуть-ли не въ „лѣса“, чуть ли не „спасаться“. Странно,—однако, логично; и, главное, ужасно по-русски, и тоже невинно.

Футуризмъ нашъ, такимъ образомъ, былъ просто

однимъ изъ литературныхъ срывовъ. Врядъ-ли далъ бы онъ изъ себя живые побѣги, даже не случись войны. Но и главная рѣка нашей литературы въ послѣднее время стала мелѣть. Это бываетъ, когда заминается сама жизнь, деревенѣютъ ея формы. Свѣжее, свободное дыханіе жизни необходимо для искусства. Въ медленно остывающей атмосферѣ потихоньку гаснетъ и огонь искусства. Какъ хороши заключительныя строки извѣстнаго восьмистишія Полонскаго:

Писатель, если только онъ
Есть нервъ великаго народа,—
Не можетъ быть не пораженъ,
Когда поражена—свобода!

Огонь все падалъ, все падалъ въ нашей русской литературѣ послѣднихъ лѣтъ. Были и таланты, была и прекрасная, дѣйствительно прекрасная „искусность“, но огонь падалъ, и очагъ русской литературы постепенно разрушался. Писатель превращался въ „описателя“, описывалъ—все равно что, все равно для кого, лишь бы тонко и красиво описать. И большинство достигало этой красоты и тонкости. Но ни у кого не было нитки, чтобы снизать жемчужины въ ожерелье, и онѣ, сверкнувъ, падали въ пыль, терялись.

Не ради упрека писателямъ говорю я это, разсказываю о бывшемъ, и отнюдь также не ради привѣтствія войнѣ, которая сразу прекратила бывшее, залила послѣдній огонь. Нѣтъ виноватыхъ,—всѣ виноваты; такова исторія. Война не могла не прервать теченія искусства, не могла не превратить „мандариновъ“, — писателей, однихъ — въ солдатъ, другихъ—въ мучениковъ. Безсильна она и родить изъ себя самой, непосредственно, какое бы то ни было новое искусство. Но война можетъ повести къ разрушенію прежнихъ окаменѣлыхъ формъ жизни, чтобы на свѣжеразрыхленной новой землѣ взошли новые, свѣжіе цвѣты.

Къ этимъ цвѣтамъ, къ этимъ возможностямъ, мы и должны стремиться.

З. Гиппіусъ.

ВОЙНА И НАЦІОНАЛЬНЫЙ ВОПРОСЪ

М. А. Славинскаго.

I.

Для Россіи національный вопросъ—не академическій, не предметъ для теоретическихъ дискуссій, а практическое заданіе государственнаго дня,—того близкаго и желаннаго дня, когда народы Россіи на поляхъ великихъ битвъ, освятившіе кровью свое государственное братство, возвратятся домой какъ побѣдители.

Даны уже и идеологическія предпосылки этого задания, возвѣщены и лозунги его. Слова—о „началахъ права и справедливости" въ отношеніяхъ между народами, о Польшѣ, „свободной въ своей вѣрѣ, въ языкѣ, въ самоуправленіи", о сохраненіи для всѣхъ другихъ народовъ „драгоцѣннаго достоянія отцовъ—языка и вѣры",—прозвучали громко и ясно. И шумъ битвъ не заглушилъ ихъ, а орудійные выстрѣлы и ружейные залпы казались торжественными салютами.

Что бы ни говорить о важности этихъ лозунговъ, переоцѣнить ихъ значеніе невозможно. Значеніе ихъ опредѣляется аналогіей, близкой нашему поколѣнію. Подобно тому, какъ Манифестъ 17 октября навсегда останется въ народной памяти исходнымъ моментомъ политическаго возрожденія нашей родины, такъ и іюльскія воззванія лягутъ въ основу національныхъ отношеній русскаго государства. Это—высокій государственный перевалъ, съ котораго ясно видна долина національнаго мира и согласія.

Второй разъ уже на протяженіи послѣдняго десятилѣтія народы Россіи демонстрируютъ свое лояльное,—болѣе того,—сверхлояльное отношеніе къ общей родинѣ ихъ.

И дѣйствуютъ они при этомъ безъ всякаго понужденія извнѣ, свободно утверждая свое бережно-любовное отношеніе къ русскому государству.

Въ первый разъ это было въ 1905 году, въ такъ называемый освободительный періодъ, когда «начальство ушло» и каждому гражданину предоставлена была ничѣмъ неограниченная свобода самоопредѣленія, проявленная и широко использованная тогда всѣми въ рѣчахъ, въ программныхъ заявленіяхъ, въ выступленіяхъ отдѣльныхъ лицъ, партійныхъ и національныхъ организацій. И во всемъ этомъ красочномъ разнообразіи національныхъ словъ и дѣйствій безполезно было бы искать сколько-нибудь замѣтнаго движенія въ направленіи отдѣленія отъ русскаго государства. Всѣ національности Россіи включили тогда въ программу своей дѣятельности пунктъ объ охранѣ государственнаго единства.

1914 годъ въ этомъ отношеніи явился прямымъ продолженіемъ 1905 года. Разница лишь въ томъ, что то, что тогда было лишь словеснымъ изъявленіемъ, перешло въ наши дни въ тяжелое, отвѣтственное дѣло. И ни одинъ изъ народовъ Россіи не уклонился отъ выпавшей на его долю отвѣтственности; всѣ, какъ одинъ, стали на защиту единаго отечества.

Въ 1905 году на съѣздѣ недержавныхъ народностей представитель азербейджанскихъ турокъ говорилъ: «Наша страна должна составлять нераздѣльную часть русскаго государства». Въ 1914 году эти русскіе турки подтверждаютъ свои слова непререкаемымъ дѣломъ, защищая крайніе, южные рубежи Россіи отъ братьевъ по вѣрѣ и крови—турецкихъ солдатъ. „Мы хотимъ мирно трудиться въ обновляющейся Россіи“,—говорилъ тогда же представитель латышей, и въ наши дни латыши—первые встрѣтили грудью грознаго врага на западной границѣ, борясь за свое право на этотъ мирный трудъ въ русскомъ государствѣ, которое они свободно признали своимъ въ 1905 году. Полякамъ и украинцамъ выпала на долю та же трагическая судьба, что и азербейджанскимъ туркамъ, и это испытаніе преодолѣно ими. Евреи, судьба которыхъ въ Россіи не имѣетъ аналогій во всемъ мірѣ, приняли войну, какъ свое національное дѣло.

Русскіе мусульмане на константинопольскій призывъ къ «священной войнѣ» противъ Россіи отвѣтили воодушевленнымъ призывомъ стать на защиту русскаго государства.

Слова 1905 года претворились въ 1914 году въ дѣло, и «Россія этого не забудетъ».

II.

Конфигурація національнаго вопроса въ Россіи особенно трудна, сложна и запутана. Перепись 1897 года показываетъ, что населеніе Россійской имперіи говоритъ на ста языкахъ. Это не значитъ, конечно, что всѣ эти сто языковъ—языки національные. Національнымъ, — въ современномъ смыслѣ этого слова,—можетъ быть названъ лишь такой языкъ, на основѣ котораго создалась письменность и литература, сколько-нибудь достойная этого имени; образовалась интеллигенція, пользующаяся даннымъ языкомъ, съ одной стороны, какъ орудіемъ творчества культурныхъ цѣнностей, съ другой—какъ орудіемъ распредѣленія этихъ цѣнностей среди своего народа. Такихъ языковъ, а значитъ и національностей,—въ Россіи около двухъ десятковъ. Количество, котораго не знало въ Европѣ ни одно государство, даже самое пестрое изъ нихъ—Австро-Венгрія, въ составъ которой къ началу войны входило всего десять признаваемыхъ закономъ національностей.

Главная русская національность—великорусская—усиліями и трудами которой по преимуществу создалось русское государство и которая наложила на него свою неизгладимую, своеобразную національную печать, окружена съ сѣвера и востока, юга и запада, сплошнымъ кольцомъ самыхъ разнообразныхъ народностей русскаго, славянскаго, арійскаго, иранскаго, семитическаго, монгольскаго и иного происхожденія.

Народности эти стоятъ на самыхъ разнообразныхъ ступеняхъ развитія. Многія изъ нихъ не вышли изъ состоянія кочевого быта и являются не болѣе какъ этническимъ матеріаломъ, пластичность котораго почти безпредѣльна. Другія находятся на уровнѣ развитія европейскихъ народовъ, обладаютъ европейской литературой и наукой, насчиты-

ваютъ много вѣковъ національнаго и самостоятельнаго государственнаго существованія; поляки, напримѣръ, еще въ XVII вѣкѣ были великой европейской державой. Середина между этими двумя крайностями наполнена народностями, находящимися частью въ стадіи колеблющагося перехода изъ этнографическаго состоянія къ національному, частью въ сложномъ состояніи національнаго возрожденія и самоутвержденія.

Въ Россійской имперіи, какъ въ огромной лабораторіи, можно наблюдать всѣ формы и виды національнаго цвѣтенія, всѣ стадіи ея зарожденія и развитія: отъ первичной національной завязи до буйнаго расцвѣта ея. Роль хранителя этой лабораторіи лежитъ на великорусскомъ народѣ.

Трудность національной проблемы въ Россіи этимъ не исчерпывается. Особенность ея состоитъ въ томъ, что главные національные вопросы приходятся на западъ Имперіи, что, такъ называемыя, недержавныя народности Россіи размѣщены въ лучшихъ областяхъ государства, что эти народности и области развились экономически и культурно и утвердились національно не параллельно росту государства, а внѣ его, что онѣ входили ранѣе въ составъ другихъ государствъ. Благодаря этому факту, всѣ такъ называемыя западныя окраины наши обладаютъ весьма своеобразной національной и соціальной структурой. Почти на всемъ русскомъ сѣверо-и юго-западѣ національности живутъ смѣшанно, при чемъ это смѣшеніе, почти какъ правило, характеризуется тѣмъ, что каждая національность представляетъ собою въ то же время и опредѣленный соціальный классъ населенія въ данной области. Обычно крестьяне, горожане и крупные землевладѣльцы принадлежатъ къ тремъ разнымъ національностямъ края. Часто къ этому соціальному разслоенію, раздѣляющему національности, присоединяется еще и религія.

Отсюда необычайная обостренность національныхъ отношеній, усложняющаяся соціальными и религіозными мотивами. И если, съ одной стороны, можно считать правильнымъ вышеприведенное сравненіе Россіи съ лабораторіей, то, съ другой стороны, ее можно уподобить камерѣ мирового судьи, на обязанности котораго лежитъ разборъ не-

прекращающихся національныхъ тяжбъ. Роль такого мирового судьи исторически падаетъ опять таки на великорусское племя.

III.

Россія создалась усиліями и трудами главной народности государства—великорусской. Но въ эту работу втягивались постепенно и всѣ другія народности. Въ грубыхъ чертахъ можно сказать такъ: съ присоединеніемъ бѣлорусскихъ областей русское государство изъ великаго княжества стало царствомъ; объединившись съ украинскими землями, царство превратилось въ имперію. Силами трехъ русскихъ народностей утвердилось въ Европѣ за Россіей ея имперское значеніе. Отечественная война стала исходнымъ пунктомъ новой борьбы, на этотъ разъ уже борьбы за великодержавіе, за мѣсто русскаго государства въ составѣ міровыхъ державъ. Въ борьбу эту постепенно вовлекались силы всѣхъ народностей, и шла она съ перемѣннымъ успѣхомъ. Знала Россія въ ней и моментъ протектората надъ Турціей и Крымскія неудачи, Санъ-Стефанскій договоръ и Берлинскій трактатъ, познала и дальновосточное униженіе.

Борьба эта докатилась до нашихъ дней. Политическая катастрофа, разразившаяся надъ Европой, среди другихъ міровыхъ проблемъ, поставила ясно и отчетливо передъ народами Россіи безпощадный вопросъ: быть ли русскому государству міровой державой?

Мы знаемъ, какъ отвѣтили на этотъ вопросъ народы Россіи: они связали свою судьбу съ судьбами русскаго государства. Впервые въ исторіи Россіи русское государственное дѣло стало дѣломъ всѣхъ національностей, ее населяющихъ. И стало оно ихъ дѣломъ не только по обязанности подданства, но и по доброй волѣ, по свободному признанію и по свободному сознанію. Намъ дано было присутствовать при явленіи своего рода государственнаго плебисцита, который, вопреки практикѣ историческихъ плебисцитовъ, былъ плебисцитомъ свободнымъ и единогласнымъ.

Этимъ волеизъявленіемъ національностей утверждена Россія извнутри, спаяна наивысшимъ цементомъ народной воли, съ этого времени единство русскаго государства изъ механическаго стало органическимъ. Іюльскія воззванія не предшествовали этому событію, а явились во слѣдъ ему: въ нихъ констатируется то, что уже родилось въ народномъ сознаніи; ихъ содержаніе — государственный выводъ изъ непререкаемыхъ фактовъ реальной дѣйствительности.

Что можетъ дать національный моментъ въ титанической борьбѣ механическихъ могуществъ, именуемыхъ современными арміями? Онъ даетъ крѣпкую основу для воодушевленія и подъема, созидаетъ волю къ побѣдѣ, — этотъ неосязаемый привѣсокъ къ физической силѣ, то невѣсомое добавленіе, безъ котораго плохо стрѣляютъ ружья, не попадаютъ въ цѣль орудійные снаряды, сдаются въ плѣнъ войска,—безъ котораго нѣтъ успѣха на поляхъ сраженій.

Въ настоящей борьбѣ національный моментъ для успѣха русскаго государственнаго дѣла пріобрѣтаетъ исключительную важность. Особенность русской государственной границы состоитъ въ томъ, что на западѣ и югѣ она сплошь условна и проходитъ по національнымъ территоріямъ, оставляя части этихъ территорій въ составѣ враждебныхъ намъ государствъ. И тотъ фактъ, что въ Россіи воля къ побѣдѣ охватила всѣ національности, а у нашихъ противниковъ это единство воодушевленія отсутствуетъ, является широкимъ потокомъ „воды“ на русскую „мельницу“, является залогомъ нашего успѣха.

Многочисленные факты, наблюдаемые на театрѣ военныхъ дѣйствій и внѣ его, блестяще иллюстрируютъ это положеніе. Позволю себѣ привести два изъ нихъ.

Русскія войска вступили во Львовъ съ украинскими пѣснями, и лояльнѣйшій до войны австрійскій подданый, галицкій украинецъ признается русскому корреспонденту: „Як вони заспівали, тут у мене під вікном, то мені аж до сердца дійшло... Так взяв би шаблю та й пішов би разом з ними бити німця та венгра“. Звуковъ національной пѣсни оказалось достаточно, чтобы опрокинуть вверхъ дномъ всѣ политическія устремленія сѣдого, стараго человѣка.

Другой примѣръ. Простой, полуграмотный, не гово-

рящій по-русски армянинъ—солдатъ изъ запасныхъ—заканчивалъ свое лѣченіе въ петроградскомъ лазаретѣ. Нѣмецкая пуля выбила ему глазъ, и онъ, признанный негоднымъ къ дальнѣйшей службѣ, извинялся: „Что-жъ, я свое сдѣлалъ: одинъ глазъ отдалъ“. Но когда ему сказали, что и на Кавказскомъ фронтѣ началась война, онъ долго и сосредоточенно думалъ и заявилъ: „Нѣтъ, туда надо итти и съ однимъ глазомъ“.

Сила Россіи въ томъ, что на ея рубежахъ оказались люди, готовые охранять свою родину и съ однимъ глазомъ.

IV.

Существуетъ довольно распространенное мнѣніе, что всякая національность, утверждая свою національную особенность, въ движеніи этого утвержденія неизбѣжно подходитъ къ стремленію образовать отдѣльное, независимое національное государство. Мнѣніе это довольно долго господствовало въ наукѣ государственнаго права, отголоски его и понынѣ рождаютъ печальную національную политику въ нѣкоторыхъ современныхъ государствахъ.

Наука государственнаго права отстаивала афоризмъ: государствъ должно быть столько, сколько національностей. Государственная практика выворачивала этотъ афоризмъ на изнанку, а именно: если въ государствѣ нѣсколько національностей, то ихъ необходимо денаціонализировать въ пользу главной національности, чтобы она была единой.

Молоху этого механическаго единства приносились неслыханныя жертвы. Не буду перечислять этихъ жертвъ. Укажу лишь на одинъ примѣръ. Германская имперская практика не признаетъ въ Германіи иныхъ національностей, кромѣ немѣцкой, хотя въ составъ ея населенія передъ войной входили отрѣзки литовцевъ, поляковъ, датчанъ и французовъ. Въ виду этого вся внутренняя національная политика Германіи сводилась къ стремленію искоренить всѣ не нѣмецкія народности. И эту политику вело не только имперское правительство, ее поощрялъ весь народъ, все германское общество. Даже германская соціалъ-демократія, которая по силѣ принциповъ своихъ выступала время отъ

времени противъ національнаго искорененія, дѣлала это такъ, что ея выступленія походили на своего рода канцелярскія отписки,—въ родѣ того, какъ она сдѣлала это, протестуя противъ задуманной Вильгельмомъ II всеевропейской войны.

Остріе германской національной политики направлено было на поляковъ, населяющихъ восточныя провинціи Пруссіи. Всякое національное оказательство полякамъ было запрещено подъ угрозой жестокихъ репрессій, польскій языкъ самымъ рѣшительнымъ образомъ былъ изгнанъ изъ публичной жизни народа, такъ что поляки должны были обратиться къ такъ называемымъ нѣмымъ собраніямъ: рѣчи писались ораторами на доскахъ, писанныя резолюціи принимались или отвергались соотвѣтственными жестами. Затрачены были милліарды марокъ на покупку государствомъ польскихъ земель и распредѣленіе ихъ между нѣмецкими колонистами, не остановились даже передъ изданіемъ такого одіознаго для европейской буржуазіи закона, какъ законъ о принудительномъ отчужденіи земельныхъ владѣній отъ лицъ польскаго происхожденія; всячески затрудняли этимъ лицамъ пріобрѣтеніе земли, воспрещая, напримѣръ, жилыя постройки на пріобрѣтенной землѣ, что послужило поводомъ къ тому, что польскіе крестьяне создали новый видъ жилыхъ домовъ—на колесахъ. Словомъ, методически проводилась система, которая нашла свое добросовѣстное выраженіе въ рѣчи одного изъ нѣмецкихъ пасторовъ, предлагавшаго оставить за поляками только три слѣдующихъ права: платить налоги, отбывать воинскую повинность и держать языкъ за зубами.

Результатъ этой системы національнаго угнетенія оказался прямо противоположенъ тому, который ожидался германскими государственными дѣятелями. Поляки не стали нѣмцами. Польское движеніе окрѣпло подъ ударами тяжелыхъ репрессій,—трудно найти болѣе сплоченное и внутренно мощное національное единство, чѣмъ то, которое наблюдается у поляковъ Пруссіи. Количество польскаго населенія увеличилось и абсолютно и относительно,—увеличилось даже пространство польскаго землевладѣнія. Національное движеніе началось и сдѣлало значительные успѣхи

даже въ такихъ провинціяхъ, которыя поляками утрачены были давно и, казалось, навѣки, какъ, напримѣръ, въ Силезіи.

Въ государственномъ смыслѣ это дало центробѣжное устремленіе не-нѣмецкихъ національностей Германіи, въ военномъ—отсутствіе воли къ побѣдѣ. Въ частности и это рѣзко сказалось на прусскихъ полякахъ. Мы не знаемъ, гдѣ находятся солдаты—уроженцы Эльзаса, солдаты—датчане, но свои польскіе полки Германія должна была отправить во Фландрію противъ бельгійцевъ, англичанъ и французовъ,—далекихъ и чуждыхъ полякамъ народовъ. На русской границѣ они могли бы встрѣтиться съ польскими полками Россіи,—что не безопасно.

Но и тамъ, во Фландріи, происходитъ иногда нѣчто, Германіей не предусмотрѣнное. Газеты передаютъ трогательный случай. Полякъ, французскій добровольцъ, подкрался къ германскимъ траншеямъ, гдѣ находились прусскіе солдаты-поляки. Приблизившись, онъ тихимъ голосомъ сталъ пѣть польскія народныя пѣсни. Услышали его поляки—прусскіе солдаты, вышли изъ траншей, окружили пѣвца, поговорили и ушли вмѣстѣ съ нимъ—къ французамъ.

Такъ мститъ за себя поруганное національное чувство.

V.

Примѣръ Германіи—отрицательный доводъ въ пользу того, какъ не слѣдуетъ вести національной политики внутри государства. Аналогичныхъ примѣровъ можно привести безъ конца, и всѣ они относятся къ той стадіи развитія государствъ, когда незрѣлая политическая мысль не могла или не умѣла отличить понятіе государства и національности, размежевать области ихъ вліяній, найти между ними сближенія, перекинуть золотой мостъ сложнаго, но гармоническаго единства. Всѣ государства знали эту стадію, но не всѣ жили подъ ея вліяніемъ такъ несвоевременно-долго, какъ Германія, не во всѣхъ государствахъ архаическая идея: cujus regio, ejus natio,—проводилась такъ неуклонно, такъ методически, такъ механически-сурово, безъ протестовъ всего народа или лучшей части его, какъ это было въ Германіи.

Поступательное движеніе европейскихъ государствъ за послѣднее столѣтіе шло подъ знакомъ расширенія правъ личности, а значитъ и національныхъ правъ, такъ какъ право на національность—такое же естественное право каждаго человѣка, какъ его право на жизнь, на трудъ, на свою индивидуальность. Болѣе того, и въ системѣ естественныхъ правъ личности право на національность занимаетъ особое мѣсто. Даже такое право личности, какъ право на жизнь не можетъ считаться неотъемлемымъ,—хотя бы до тѣхъ поръ, пока существуютъ на землѣ войны; но право на національность, подобно праву на индивидуальность, отнято быть не можетъ, хотя бы уже потому, что для этого нѣтъ никакихъ средствъ въ распоряженіи современнаго государства.

Признаніе этого положенія на практикѣ смягчило остроту конфликта между государствомъ и національностью, въ теоріи же повело къ полному упраздненію его. Status національнаго вопроса въ современныхъ государствахъ поэтому не однообразенъ, и политическая дѣйствительность Европы даетъ возможность наблюдать всѣ фазы его развитія.

Въ болѣе отсталыхъ государствахъ, какъ это мы видѣли на примѣрѣ Германіи, въ частности Пруссіи, къ которой можно было бы присоединить и Венгрію, движеніе этого вопроса не вышло изъ стадіи отрицанія борьбы и принужденія. И если на внутреннемъ положеніи Германіи это не отразилось сколько-нибудь замѣтно, то только потому, что не нѣмецкое ея населеніе не велико сравнительно съ нѣмецкимъ, въ общемъ не болѣе 7%. Въ Венгріи же, въ которой количество не-мадьяръ превышаетъ количество мадьяръ, ненормальное положеніе національнаго вопроса отразилось фатально на всемъ государственномъ укладѣ ея. Въ Венгріи оказались не возможны всѣ сколько-нибудь значительныя политическія и даже экономическія реформы, такъ какъ всякая такая реформа усиливала бы не-мадьярскія народности въ ущербъ мадьярской. И не только разразившаяся война угрожаетъ Венгріи расчлененіемъ ея на составныя части,—подъ знакомъ распада шла и до войны вся жизнь этого государства.

*

Въ другихъ государствахъ, гдѣ центральная власть слаба, а государственная національность относительно не велика, замѣчаются попытки согласовать интересы національностей и государства, для чего создавались компромиссныя рѣшенія, ни одну изъ сторонъ неудовлетворявшія. Типичнымъ образцомъ такого государства является Австрія передъ войной.

Теоретически Австрія нашла идеальный способъ рѣшенія національнаго вопроса: ея конституція утверждала за всѣми національностями право полнаго самоопредѣленія. Но это было jus nudum, реализація котораго встрѣчала на практикѣ чрезвычайныя, иногда непреодолимыя трудности. Правомъ этимъ пользовались фактически лишь тѣ національности, которыя могли поддержать свои требованія силой. Національности Австріи оказались подѣленными на національности перваго, второго и третьяго разряда, національная борьба проникла во всѣ поры государственнаго организма, часто и надолго пріостанавливая все движеніе государственной жизни. Послѣдствія мы видимъ. Австрійскія войска составлены изъ превосходнаго военнаго матеріала: изъ славянъ, венгерцевъ, нѣмцевъ; обучены они и снаряжены, по общимъ отзывамъ, отлично, а между тѣмъ они сражаются вяло и эпидемически сдаются въ плѣнъ: имъ не за что сражаться.

Существуютъ на европейскомъ континентѣ и государства, въ которыхъ найдена формула рѣшенія національнаго вопроса. Къ такимъ государствамъ принадлежатъ, съ одной стороны, Бельгія, съ другой—Швейцарія. Въ Бельгіи двѣ національности, въ Швейцаріи—четыре, но національнаго вопроса въ этихъ государствахъ не существуетъ. Каждая изъ національностей этихъ странъ обладаетъ всей полнотой національныхъ правъ, и это не только не повредило государственному единству, но самымъ мощнымъ образомъ укрѣпило его. Не валлоны и фламандцы ведутъ безсмертную, героическую борьбу противъ Германіи, а бельгійцы; не французы, нѣмцы, итальянцы и романцы стали какъ одинъ человѣкъ въ ряды швейцарскаго войска, когда передъ ними мелькнула одна возможность посягательства на ихъ суверенитетъ, а швейцарцы. Счастливый

симбіозъ національности и государства въ Бельгіи и Швейцаріи далъ жизнь новому спеціально-политическому образованію, имя которому—нація. Воспріемниками были—право и справедливость.

VI.

Государство, по природѣ своей, не національно. Національны, быть можетъ, только формы государственнаго управленія: монархія, республика, централизмъ, децентрализація. Содержаніе же понятія государства, его цѣли, структура, компетенція—не имѣютъ ничего общаго съ тѣмъ, что принято называть національностью. Это — явленія разнаго порядка.

Государство, если разсматривать его не генетически, а статически,—есть организація народа или народовъ для защиты интересовъ правовыхъ, экономическихъ и культурныхъ. Въ составъ послѣднихъ входятъ и интересы національностей.

Національность, по природѣ своей, нейтральна въ государственномъ, экономическомъ и правовомъ отношеніи. Въ генезисѣ своемъ она связана со всѣми этими элементами и еще съ нѣкоторыми иными, но статически національность принадлежитъ къ явленіямъ культурнаго порядка.

Мы говоримъ здѣсь не о культурѣ технической, связь которой съ національностью весьма отдаленная, а о культурѣ интеллектуальной. Роль національности въ этой области культуры всеобъемлющая и ничѣмъ инымъ не замѣнимая.

Національность — это та соціально-психологическая среда, въ которой—и только въ ней одной—зрѣютъ и рождаются высочайшія культурныя цѣнности общечеловѣческаго значенія,—кругъ идей религіозныхъ, философскихъ, научныхъ, художественныхъ и политическихъ, какія только имѣются въ общечеловѣческомъ оборотѣ. Это не значитъ, конечно, что кромѣ этой среды ничто не оказываетъ вліянія и мощнаго воздѣйствія на созданіе культурныхъ цѣнностей. Цѣнности эти — результаты весьма сложнаго

комплекса условій, но среди этихъ условій важнѣйшее, ни съ чѣмъ не сравнимое мѣсто занимаетъ психологическая среда, именуемая національностью.

Это одна сторона національности, которую можно было бы назвать творческимъ свойствомъ ея. Другая сторона ея состоитъ въ томъ, что психическая среда ея приспособлена также къ потребленію продуктовъ этого творчества. Національность—это кратчайшій путь передачи въ народъ, вплоть до самыхъ глубокихъ низовъ его, всей культуры, просвѣщенія, знанія, искусства, всего круга идей данной эпохи.

Не всякой національности дано творить культурныя цѣнности мірового значенія. Для этого мало одной національной среды, нужны еще, кромѣ всего прочаго, и великіе люди, геніи, отцы идей, матерями которыхъ являются національности. Явленіе генія—своего рода случайность, не поддающаяся учету, исчисленію, стоящая внѣ массы и количества, внѣ утонченности и качества данной среды. Наличность геніевъ въ составѣ данной національности — это ея счастье, но не обязанность и не заслуга. Для національности довольно, если она настолько соціально и психологически организована, чтобы воспринять въ свой оборотъ всю интеллектуальную культуру данной эпохи, чтобы „стоять съ вѣкомъ наравнѣ“, не отставать отъ передовыхъ національностей, по крайней мѣрѣ, стремиться къ этому. Это ея обязанность, и въ исполненіи обязанности этой заслуга ея.

Современная національность обнимаетъ собою весь данный народъ, отъ самыхъ верхнихъ и до самыхъ низшихъ основаній его. Это — соціально-психологическая скрѣпа, охватывающая данную человѣческую группу, независимо отъ ея подраздѣленій на классы, сословія, профессіи, независимо отъ принадлежности къ той или иной религіи, къ тому или иному государству. Представителями національности во внѣ и во внутрь является не тотъ или иной классъ, не та или иная организованная власть, а нѣчто, стоящее внѣ классовъ и иныхъ общественныхъ и государственныхъ подраздѣленій, — національная интеллигенція. Она—творецъ культурныхъ цѣнностей, она—сосудъ ихъ,

она—распредѣлитель. Орудіе для этого, находящееся всегда съ нею и всегда въ ея распоряженіи,—національный языкъ.

Національность нейтральна въ государственномъ отношеніи, но она не лишена государственной тяги. Національности, не обладавшія собственнымъ государственнымъ бытіемъ, или обладавшія имъ въ отдаленномъ прошломъ, легко примиряются съ любымъ государствомъ, если оно обезпечиваетъ имъ правильное и безболѣзненное развитіе. Въ этомъ случаѣ государственная тяга погашается легко и безъ остатка. Опытъ современныхъ государствъ указываетъ на то, что, при извѣстныхъ условіяхъ, погашается эта тяга и у національностей, бывшихъ нѣкогда государственными. Но ни одна національность не мирится съ государствомъ, которое игнорируетъ ея существованіе, ея нужду, ставитъ препятствіе къ развитію ея. Мѣра непримиримости въ этомъ отношеніи прямо пропорціональна мѣрѣ депрессіи.

Мѣру непримиримости мы дали на примѣрахъ Германіи, Венгріи, Австріи; мѣру обратнаго даютъ Щвейцарія и Бельгія. Послѣднія два государства во всемъ не схожи другъ съ другомъ. Швейцарія—республика, построенная федералистически, демократическая сверху до-низу, старое государство съ вѣковыми навыками управленія. Бельгія—молодая монархія, строго централистическая, клерикально-буржуазная въ навыкахъ государственнаго управленія своего. Но правильный принципъ, лежащій въ основѣ національной политики этихъ несхожихъ государствъ, далъ сходные результаты. Національности Бельгіи и Швейцаріи, не потерявъ ни одной черты изъ своихъ національныхъ особенностей, создали единство націи въ обоихъ государствахъ. Столкнувшись съ единствомъ Бельгійской націи, ущербился стальной таранъ германскаго милитаризма. Опытъ съ Бельгіей парализовалъ самую возможность подобнаго же опыта съ націей Швейцарской.

Замѣчательное зрѣлище творимой націи являетъ собою современная Англія. Не имѣя аналогичныхъ примѣровъ въ исторіи всѣхъ странъ и народовъ, не зная прецедентовъ и въ своемъ собственномъ историческомъ прошломъ которое, какъ и у всѣхъ другихъ великихъ державъ, полно всяческаго насилія надъ населеніемъ присоединяемыхъ об-

ластей и колоній, исходя изъ однѣхъ демократическихъ традицій своихъ и правильно понятыхъ интересовъ британскаго народа, Англія въ послѣднія десятилѣтія производитъ колоссальный опытъ превращенія всѣхъ своихъ безчисленныхъ колоній, въ которыхъ никогда не заходитъ солнце, въ единую имперію, опытъ образованія единой британской націи изъ огромнаго количества рѣзко различныхъ между собою національностей, при условіи сохраненія за каждой изъ нихъ всѣхъ ея національныхъ правъ и отличій.

Опытъ этотъ производится въ условіяхъ, смѣлость которыхъ способна превзойти всякое изумленіе. Въ дѣлѣ построенія новой великой Британіи англичане постепенно, но неуклонно погашаютъ принципъ принужденія, — т.-е. тотъ элементъ, безъ котораго, какъ это казалось прежде всѣмъ, какъ это кажется многимъ и нынѣ, невозможно самое существованіе государства. Принудительный принципъ британскіе практики государственнаго дѣла замѣняютъ принципомъ доброй воли гражданъ, основой для которой является свободное согласованіе интересовъ. По силѣ этой мысли, англичане — одну за другой—раскрѣпощаютъ свои колоніи отъ всякой принудительной связи съ метрополіей. Они предоставляютъ имъ постепенно не только права національнаго, но и чисто государственнаго самоопредѣленія. Нѣкоторыя изъ такъ называемыхъ англійскихъ колоній уже и теперь обладаютъ почти всѣми правами суверенаго государства: содержатъ армію и флотъ, имѣютъ право участвовать или не участвовать въ войнѣ, которую ведетъ метрополія, и т. д.

Опытъ этотъ далеко еще не законченъ; вѣрнѣе,—пройдены самыя первыя стадіи его. А между тѣмъ уже и теперь, во время войны, точно обозначилось, что Соединенное Королевство стоитъ на вѣрномъ пути и что британская нація—не иллюзія и заблужденіе, а реальная дѣйствительность, политическое образованіе, еще незаконченное во всѣхъ частяхъ своихъ, но ясное и опредѣленное въ общихъ контурахъ.

Когда передъ метрополіей встала грозная опасность вражескаго нападенія, заморскія владѣнія Англіи, безъ призыва и понужденія, по доброй волѣ своей и по своей ини-

ціативѣ, выслали въ Европу контингенты солдатъ, поставили свои флоты на стражѣ ея интересовъ. Константинопольская фетва, допущенная къ свободному обращенію въ мусульманской средѣ Индіи, насчитывающей десятки милліоновъ магометанъ, оказалась неспособной создать хоть тѣнь броженія, самую незначительную вспышку симпатіи къ враждующему съ Англіей духовному главѣ мусульманскаго міра. Сила калифата парализована силой начавшейся гражданственности.

Двѣнадцать лѣтъ назадъ покорены были Англіей Бурскія республики. Какъ и всѣ другія владѣнія ея, республики эти присоединены были военною силой, сопротивленіе народа было сломлено желѣзной рукой, безпощадными средствами. Можно было думать, что Англія создала этимъ незаживающую рану на африканскомъ тѣлѣ своего государства, что буры въ теченіе многихъ поколѣній не забудутъ сожженныхъ фермъ, разоренныхъ городовъ, знаменитыхъ концентраціонныхъ лагерей, въ которыхъ размѣщены были старики, женщины и дѣти.

Живы еще многіе изъ тѣхъ, кто боролся на жизнь и смерть съ англійскими войсками, но въ одно десятилѣтіе умерли ненависть и вражда, сопровождавшія эту борьбу: ихъ убила политическая свобода и широкая автономія, предоставленная покоренному народу. Южно-африканскіе буры добровольно несутъ свою посильную помощь метрополіи, а легкая повстанческая вспышка въ одной изъ захолустныхъ мѣстностей колоніи погашена не англійскими солдатами, а самими бурами.

И еще одинъ примѣръ. Всѣмъ извѣстна борьба Англіи съ Ирландіей. Неслыханныя жестокости сопровождали въ исторіи эту борьбу, непреоборимой казалась ирландская тяга къ государственному сепаратизму. И эта тяга оказалась погашенной къ нашему времени. Передъ самой войной на очереди политическаго дня стоялъ долгожданный ирландскій гомруль. Но когда началась война, глава ирландскихъ націоналистовъ, отъ имени ирландскаго народа и съ его одобренія, заявилъ въ англійскомъ парламентѣ, что теперь не время думать о гомрулѣ, а должно стать на защиту Англіи. И когда онъ это заявилъ, его политическій

противникъ, лидеръ англійской партіи, не останавливавшейся въ борьбѣ противъ гомруля передъ вооруженнымъ возстаніемъ и гражданской войной, отвѣтилъ ему: „Вы сами не знаете, какъ много въ эту минуту вы сдѣлали для Ирландіи“.

Обмѣнъ такими ощущеніями для гражданъ возможенъ лишь тамъ, гдѣ уже совершилось явленіе—націи. Или—можно сказать и такъ: нація рождается въ моменты такого обмѣна.

VII.

Россія, какъ и Англія,—творимая нація. Иную стадію этого процесса переживаемъ мы. Иная исторія у насъ иныя условія политической и гражданской дѣйствительности, иными рисуются грядущія формы государственнаго бытія нашего, но аналогія есть, не только внутренняя, но и внѣшняя.

У насъ есть своя Ирландія,—Польша, которая стихійно развила у себя такъ называемую русскую оріентацію раньше, чѣмъ появилось обращенное къ ней іюльское воззваніе. У насъ есть свои русскіе,—внутри русскаго племени родившіеся,—національные вопросы,—какъ у англичанъ есть свои, внутри-англійскіе, какъ шотландскій и валлійскій. Какъ и у англичанъ, на безграничномъ пространствѣ Россійской имперіи разлиты всѣ виды и роды національныхъ отношеній, которыя должны быть согласованы въ имперскомъ единствѣ.

И еще есть одна черта аналогіи, которую отмѣчаютъ всѣ англійскіе наблюдатели русской жизни и обратно. И Россія и Англія создали мощную, проникнутую высокими идеалами интеллигенцію, демократическую въ основѣ своей. Эта интеллигенція, въ исторіи обѣихъ странъ, была всегда голосомъ совѣсти народной,—съ одной стороны; съ другой—это была лабораторія, въ которой вырабатывались высокіе политическіе идеалы. Эти идеалы, выработанные интеллигенціей главной національности государства, становятся достояніемъ интеллигенціи всѣхъ другихъ интеллигенцій имперіи.

Англійскіе политическіе идеалы претворяются въ реальную дѣйствительность на нашихъ глазахъ. Не переставая быть англійскими, въ Канадѣ они становятся не только англійскими, но и французскими, въ Африкѣ они усваиваются голландскими бурами, въ Индіи входятъ въ составъ національнаго сознанія всѣхъ многочисленныхъ народностей этой страны. О Соединенномъ Королевствѣ нѣтъ нужды упоминать: тамъ они давно уже стали шотландскими, валлійскими и даже ирландскими. На основѣ англійскихъ національныхъ политическихъ идеаловъ созидается мощное единство британской націи.

Аналогичная роль принадлежитъ и русской интеллигенціи въ дѣлѣ созданія внутренняго единства русскаго государства.

Какъ и въ Англіи, государство и интеллигенція шли у насъ въ исторіи разными путями, пользовались для своей работы разными методами, иногда даже полярными, антагонистическими, но историческое заданіе было едино. Пути интеллигенціи и государства въ Англіи перекрестились давно, у насъ они встрѣтились впервые на глазахъ нашего поколѣнія. Нашимъ поколѣніемъ заканчивается эпоха собиранія имперскихъ земель и народовъ, нашимъ поколѣніемъ начинается новая эпоха—государственнаго устроенія ихъ.

Собираніемъ занималось по преимуществу государство, и производило оно тѣми средствами, какія были въ ходу у всѣхъ государствъ въ эпоху собиранія: огнемъ, мечомъ и договорами. Иныхъ средствъ у государства не было, а по условіямъ историческаго существованія и не могло быть. Государственное объединеніе совершалось механически, русская государственность въ психикѣ народовъ имперіи была образованіемъ—чаще всего хирургическаго происхожденія. Историческимъ заданіемъ русской интеллигенціи стало превратить это объединеніе въ органическое единство, залечить хирургическія пораненія, ввести элементы русской государственности въ живую ткань національной психологіи.

И русская интеллигенція блистательно исполнила это заданіе. Медленно, но вѣрно шла она по пути политиче-

скаго объединенія всѣхъ народовъ Россіи, тщательно и бережно охраняла она намѣтившійся процессъ созданія русской націи. Будучи національно великорусской, она сумѣла пріобщить къ политическимъ идеаламъ своимъ двѣ другія русскія народности, не посягая въ то же время на ихъ особность. Ставши выразительницей политическихъ идеаловъ всего русскаго племени, она мало-по-малу вовлекала въ оборотъ своихъ идей всѣ національности имперіи, начиная съ латышей и эстонцевъ на сѣверѣ и кончая грузинами и армянами на крайнемъ югѣ. И всѣ эти народы, не теряя ни одиой черты національной особенности своей, всѣми своими силами втягиваются въ наше время въ дѣло созданія русской націи.

За предѣлами—созданной усиліями великорусскаго народа—русской культурной и политической тяги оставались до послѣдняго времени лишь національности Финляндіи, поляки и нѣмцы Прибалтійскаго края. Ихъ историческое прошлое, условія культурнаго и политическаго развитія, какъ пропастью, отдѣляли ихъ отъ другихъ народовъ имперіи. Событія нашего времени указываютъ, что и эта пропасть переходима, что и черезъ нее возможно перекинуть надежные и прочные мосты.

Но это — дѣло будущаго. Того недалекаго, и долгожданнаго и свѣтлаго будущаго, когда всѣ народы Россіи единодушно повторятъ слова великаго провозвѣстника и провидца грядущей русской націи: „Утвердилось русское государство страшными средствами; рабствомъ, кнутомъ, казнями гнали русскій народъ къ образованію огромной имперіи; сквозь строй шелъ онъ на свершеніе судебъ своихъ. Сердиться на прошлое—дѣло праздное; живой взглядъ состоитъ въ томъ, чтобъ равно воспользоваться силами, хорошо ли онѣ пріобрѣтены, или дурно, кровью ли они достались, или мирнымъ путемъ“.

Пути русской интеллигенціи и русскаго государства перекрестились; къ этому перекрестку подошли и всѣ народы Россіи. Впереди—единый путь для всѣхъ, освѣщаемый, какъ огненными столбами, видѣніями права и справедливости. Горе тому, кто уклонится отъ этого пути.

М. Славинскій.

ОПАСНОСТИ ГЕРМАНСКОЙ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ КУЛЬТУРЫ

В. Я. Курбатова.

Разгромъ Лувена явился не только прискорбнымъ, но и небывалымъ фактомъ въ исторіи культуры. Намеки на подобное дѣяніе имѣются лишь въ разграбленіи и уничтоженіи лѣтняго богдыханскаго дворца англо-французской карательной экспедиціей въ 50-хъ годахъ XIX в. Однако, въ тѣ времена никто и не подозрѣвалъ художественной цѣнности разрушаемыхъ произведеній. Если бы запросили историковъ искусства того времени, они отозвались бы о китайщинѣ, какъ о варварствѣ, и сказали бы, что имѣется избытокъ подобныхъ произведеній. Сверхъ того, разгромъ былъ въ обычаяхъ самаго Китая, гдѣ при восшествіи новой династіи уничтожается до тла все, что остается отъ предыдущей. Уничтоженіе Лувена произведено тѣми, кто не могъ не знать цѣнности лувенскихъ церквей и думы, потому что нѣмцы считали послѣднюю произведеніемъ если не своего, то во всякомъ случаѣ родственнаго искусства, а снимки помѣщали среди снимковъ городскихъ думъ чисто германскихъ городовъ. Они не могли также не знать, что среди гражданскихъ построекъ готическаго стиля эта дума являлась самою выдающеюся. Мало того, германскіе ученые какъ бы они ни были ослѣплены законченными, но второстепенными по художественному значенію, фасадами Кельна, Ульма и Фрейбурга не могли не знать, что лувенскія постройки, т.-е. дума и соборы Св. Петра и Св. Іакова, принадлежатъ къ той цѣпи произведеній зодчества, значеніе которыхъ еще далеко не разгадано, и что они могутъ по-

служить разъясненіемъ того, что нѣмецкій ренессансъ начался на 100—200 лѣтъ позднѣе ренессанса романскихъ странъ. Лувенское вандальство было сознательнымъ, тогда какъ древніе вандалы дѣйствовали несознательно и не столько разрушали, сколько давали толчокъ къ разрушительной работѣ стихій.

Бомбардировка Реймскаго собора кажется скорѣе выраженіемъ злобы, чѣмъ результатомъ военныхъ соображеній, потому что слишкомъ трудно представить, чтобы германскій разсказъ о постановкѣ французами баттареи передъ соборомъ сколько-нибудь соотвѣтствовалъ дѣйствительности. Если же на башнѣ, по мнѣнію германскихъ полководцевъ, былъ устроенъ наблюдательный пунктъ, то непонятно, почему такъ сильно пострадалъ низъ собора, гдѣ были прикрѣплены драгоцѣнныя статуи, а башни остались относительно цѣлыми.

Замѣчательно, кромѣ того, что въ Лувенѣ, гдѣ старались не оставить отъ города камня на камнѣ, ратуша какъ-бы чудомъ уцѣлѣла, тогда какъ въ Реймсѣ, пострадавшемъ несравненно меньше, погибло самое драгоцѣнное. Въ этомъ нельзя не видѣть расчетливости тѣхъ, кто надѣялся владѣть Лувеномъ и отчаивался въ покореніи Реймса. Какъ будто, въ моментъ бомбардировки подсчитывались будущіе доходы хозяевъ гостиницъ въ Лувенѣ отъ сохраненія думы и убытки жителей Реймса отъ исчезновенія главной достопримѣчательности города. Мелко торгашеская подкладка этихъ дѣяній слишкомъ очевидна и она же сквозитъ въ отвѣтномъ письмѣ Гауптмана Ролану по поводу лувенскихъ безчинствъ, гдѣ говорится, что прострѣленная грудь солдата дороже картины Рубенса. Отвѣтъ этотъ былъ бы удаченъ, если бы мы не знали, что въ стремленіи къ красотѣ и истинѣ человѣчество приноситъ жертвъ больше, чѣмъ на войнѣ, и сохраненіе нѣкоторыхъ произведеній искусства стоитъ сотенъ тысячъ человѣческихъ жизней.

Уничтоженіе Реймсскаго собора и старыхъ построекъ Динана, Малина и Лувена едва ли устрашитъ тѣхъ, кто теряетъ жизнь. Тѣмъ болѣе, что жители Реймса при извѣстномъ поворотѣ судьбы могли бы получить вмѣсто собора сокровища берлинскаго и мюнхенскаго музеевъ. Сверхъ

того, потеря этого собора для французовъ мало чувствительна, потому что за время существованія Франціи они творили первоклассныя произведенія, продолжаютъ ихъ создавать и, надѣемся, будутъ создавать и впредь.

Залогомъ служитъ то, что всѣ выдающіеся мастера нарождающагося поколѣнія старались всегда быть выше великихъ представителей предшествующихъ. При этомъ каждому изъ нихъ приходилось пройти черезъ нищету, кажущіяся неудачи и насмѣшки враговъ. Исторія искусства во Франціи насчитываетъ не мало жертвъ, принесенныхъ для достиженія величія, равнаго Рубенсовому, но никто не защищался и не прикрывался тамъ картиною Рубенса.

Германское искусство не знаетъ этихъ жертвъ. Поэтому оно не создало, не могло создать такъ много великаго и не производило переворотовъ.

Основная черта былого нѣмецкаго искусства—уютность и мелочность, основныя черты новаго германскаго искусства—мелочность и стремленіе къ легкому и шумному успѣху.

Результатомъ послѣдняго не можетъ не быть пониженіе требованій во всѣхъ областяхъ культуры, что, конечно, ведетъ къ крушенію самой культуры. Разслѣдованіе этой стороны вопроса является чрезвычайно важнымъ для Россіи, такъ какъ благодаря тому, что масса русской молодежи получила въ Германіи высшее образованіе, и масса книгъ переведена была съ нѣмецкаго, русская культура заражена многими недостатками германской.

Задача разслѣдованія вовсе не въ томъ, чтобы убѣдить, что германская культура во всѣхъ отношеніяхъ плоха, равно какъ нельзя доказывать, что германцы во всѣхъ отношеніяхъ варвары. Возможно, что и другіе народы, попавъ въ положеніе побѣдителей міра (германцы таковыми себя считаютъ), допустили бы извѣстное озорство. У нѣмцевъ оно перешло всѣ предѣлы, какіе только извѣстны въ исторіи.

Дѣло даже не въ размѣрахъ варварства и одичанія, а въ томъ, что это проявилось у народа, считающаго себя солью земли. Мы могли бы, пожалуй, и съ этимъ не считаться, если бы у насъ на Руси не было много людей,

считающихъ германскую культуру самою совершенною.

Русское искусство пока держалось въ сторонѣ отъ Германіи и тянулось почти исключительно къ Франціи. Наши живописцы, попадающіе въ Мюнхенъ, не дали ничего значительнаго, тогда какъ Франція повліяла и на Сомова (который самъ повліялъ на Германію), и Остроумову, и Левитана, и Сѣрова, а Врубеля заворожила Италія.

Что германцы много работали — это несомнѣнно, что они многое накопили—это тоже вѣрно. Но можно ли считать, что они на вѣрномъ пути, слѣдуетъ ли безъ оглядки итти за ними? Вопросъ этотъ очень серьезенъ. Вѣдь, напр., болонскіе академики работали очень много, шли за самимъ Рафаэлемъ, но завели искусство въ тупикъ. Средневѣковая схоластика и алхимики затратили массу усилій, но благодаря тому, что шли по пути недоступному, громадная доля ихъ работы пропала даромъ.

Знакомство съ культурою современной Европы ни въ какомъ случаѣ не позволяетъ ставить на первое мѣсто Германію. Въ области искусства и спорить нечего, въ области науки безусловно впереди стоитъ Англія, а приразговорѣ о техническомъ совершенствѣ къ европейскимъ странамъ приходится присоединить еще и Америку.

Русскимъ особенно важенъ вопросъ о германской культурѣ, потому что въ силу географическихъ и историческихъ условій Германія сильно вліяла на русскую культуру. Нынѣшняя война можетъ оказаться благодѣтельной, если она заставитъ пересмотрѣть эти вопросы. Пересмотрѣть ихъ и измѣнить свое отношеніе къ германской культурѣ очень важно, потому что германская „культура“ обладаетъ качествами, способными уничтожить въ корнѣ самое стремленіе къ культурѣ. Какъ это ни парадоксально на первый взглядъ, но „Лувенъ и Реймсъ“ являются слишкомъ серьезными признаками и яркими доказательствами.

Когда пришли вѣсти о безсмысленномъ вандализмѣ нѣмцевъ, то многіе выражали сомнѣніе и говорили, что народъ Шиллера и Гете не могъ допустить чего-нибудь подобнаго. Однако, никто, кажется, и не подумалъ о томъ, имѣютъ ли Шиллеръ и Гете какое-либо отношеніе къ современной Германіи. Въ восемнадцатомъ вѣкѣ Германіи не

было, было около трехсотъ независимыхъ мелкихъ государствъ и одно крупное — Пруссія. Въ политическомъ и экономическомъ отношеніяхъ это было, пожалуй, плохо, но для культуры выгодно, потому что отдѣльныя государства какъ бы состязались другъ съ другомъ. Въ искусствѣ результаты этого выразились ярко, правда, не въ крупныхъ произведеніяхъ. Фарфоръ, напримѣръ, благодаря состязанію цѣлаго ряда фабрикъ въ Мейссенѣ, Нимфенбургѣ и Хёхстѣ достигъ бо́льшаго совершенства, чѣмъ въ Севрѣ. Правда, ни одно изъ этихъ мелкихъ государствъ не давало грандіозныхъ произведеній искусства, подобныхъ версальскому дворцу, но ихъ не дала и Англія, приближавшаяся къ вершинамъ своего могущества. Въ виду отсутствія собственнаго центра въ Германіи было сильно вліяніе заграничныхъ. Иначе и не могло быть, такъ какъ культура Франціи и Италіи разросталась со времени римскаго владычества, тогда какъ въ Германіи первые значительные слѣды относятся къ X-му вѣку. Не мудрено, что весь Рейнъ тянулся къ Парижу, а придунайскія области—къ Италіи. Остальная Германія сравнительно равнодушно относилась къ культурѣ. Часть ея между Бременомъ, Касселемъ, Эрфуртомъ, Дрезденомъ, Краковомъ и Данцигомъ бѣднѣе произведеніями искусства, чѣмъ, напр., наша Московско-Ярославская область, хотя въ Германіи заботы о сохраненіи памятниковъ начались чуть не столѣтіемъ раньше. Дѣло въ томъ, что многое пропало изъ-за отвратительныхъ реставрацій, сводившихся къ простой и притомъ мало талантливой поддѣлкѣ. Лучшимъ примѣромъ является Маріенбургъ, полуразрушенный рыцарскій замокъ, реставрированный или, вѣрнѣе, выстроенный въ послѣднее время заново въ казарменно аккуратномъ видѣ.

Шиллеръ и Гете выросли въ Германіи XVIII в. при дворѣ князьковъ, гдѣ хотя и не было блеска и настоящей могущественности Версаля, но за то жизнь все время сталкивалась съ проявленіями сосѣднихъ государствъ. Посѣщеніе ихъ было очень легкимъ, изученіе иныхъ культурныхъ центровъ, кромѣ столицы родины, было вполнѣ естественнымъ, такъ какъ Штутгардтъ, Карлсруэ, Гейдельбергъ, Мангеймъ, Дармштадтъ и Страсбургъ, въ то

время принадлежавшій французамъ, лежатъ въ 30—50 километрахъ другъ отъ друга. Чуть дальше расположены остальныя резиденціи. Простое посѣщеніе этихъ городовъ, изученіе и сравненіе обычаевъ и обстановки, грубоватый, но всегда своеобразный блескъ многочисленныхъ резиденцій, мелкія, но частыя и яркія столкновенія легко могли дать толчки поэтическому воображенію.

Германцы считаютъ свое возрожденіе со времени Освободительной войны 1814 г. Это не совсѣмъ вѣрно, хотя толчокъ былъ, дѣйствительно, данъ въ это время, но не для возрожденія, а къ мысли объ объединеніи Германіи. Данъ онъ былъ самимъ Наполеономъ, насильственно объединившимъ Германію. И дальше былъ лишь вопросъ, кто воспользуется мыслью Наполеона. Ухватилась за нее Пруссія и усилія ея были далеко не безплодны. Въ 1870 г. было достигнуто, пожалуй, больше, чѣмъ ожидали, но отчасти благодаря счастливой случайности, которая въ будущемъ почти всегда губитъ государства, такъ какъ они сильны лишь трудомъ и усиліями гражданъ. Правда, достиженіе Версальскаго мира было результатомъ значительныхъ жертвъ и основною среди нихъ была та, которая характеризуется изреченіемъ: „Францію побѣдилъ германскій школьный учитель“.

Въ задачи школьнаго учителя не входитъ наука побѣждать, одной дисциплины для побѣды мало, а въ мирной и культурной жизни субординація не имѣетъ особаго значенія. Да кромѣ того, Пруссія не имѣла понятія о настоящей дисциплинѣ, выкованной опасностью, о той дисциплинѣ, которая въ Англіи въ мирное время повсемѣстно чувствуется, потому что англичане учатся ей въ борьбѣ съ водяною стихіей. Школьные учителя дали прусскимъ солдатамъ относительное преимущество въ образованности и школьной дисциплинѣ. Какъ только за учителями было признано значеніе организаторовъ побѣды, они и сами увидали въ этомъ свое призваніе, а общество и правительство вмѣнили имъ это въ обязанность. Начало было положено еще въ XVIII в. и быстро развивалось въ соотвѣтственномъ направленіи.

Нѣкоторыя увлеченія въ родѣ момзеновскаго мнѣнія

о русскихъ можно отнести на долю расовой ненависти, но другія стремленія нѣмецкихъ ученыхъ слишкомъ ясно говорятъ о подчиненіи науки политическимъ требованіямъ. Особенно ярко сказалось это въ исторіи искусства, гдѣ изъ желанія придать большее значеніе средневѣковымъ германскимъ постройкамъ игнорировали французское зодчество.

На основаніи изученія нѣмецкихъ построекъ строились опредѣленныя теоріи. Между тѣмъ зодчество страны, раздираемой междоусобными войнами, не могло дать чего-либо очень значительнаго. Не мудрено, что оно являлось лишь отзвукомъ французскаго и итальянскаго. Единственно значительными кажутся прирейнскіе романскіе соборы и объ нихъ принято очень много-много говорить въ исторіяхъ искусствъ. Дѣйствительно, планы Шпейера, Вормса и Майнца довольно схематичны, построеніе ясно и размѣры велики, однако и въ Шпейерѣ (лучшій), и въ Вормсѣ, и въ Майнцѣ и даже въ Бамбергѣ постройки мало увлекаютъ зрителя, такъ какъ производятъ впечатлѣніе каменныхъ сараевъ съ 4—6 башнями, имѣющими значеніе только декорацій. Кельнскія церкви удачнѣе (особенно Св. Апостоловъ), но самое построеніе ихъ кажется инымъ и есть основаніе думать, что оно заимствовано изъ Франціи.

Правда, въ ближайшихъ мѣстностяхъ Франціи такихъ построекъ нѣтъ, но это не значитъ, что ихъ не было. Ихъ нѣтъ теперь, потому что въ XII и XIII вв. французы перестроили всѣ романскія церкви въ готику. Германскіе историки искусства просмотрѣли или хотѣли просмотрѣть возможность этого. Они упустили изъ виду церкви, сохранившіяся въ тѣхъ мѣстностяхъ Франціи, гдѣ готика не развилась. Именно тамъ, въ Пуатье, въ Перигё, въ Анжерѣ и т. д., мы имѣемъ примѣры чрезвычайно интересно задуманныхъ и весьма совершенно украшенныхъ построекъ. Но правда, онѣ слишкомъ смѣлы и слишкомъ далеки отъ той примитивной схемы, отъ которой не могли отойти на Рейнѣ.

Насильственный переносъ вниманія отъ художественно важнаго къ національно важному не могъ, конечно, не привести къ ложному пониманію искусства и къ неудачному

стремленію германскихъ строителей быть примитивными.

Еще неудачнѣе оказалось увлеченіе нѣмецкимъ ренессансомъ, который проповѣдовался въ противовѣсъ итальянскому и французскому. Дѣло въ томъ, что безъ изученія стараго искусства обойтись, конечно, нельзя, но изучать нужно лишь то, что совершенно ясно и поддается изученію. Итальянскій ренессансъ удовлетворяетъ этимъ условіямъ, такъ какъ представители его достигли величайшаго совершенства и выбирали всегда простѣйшее изъ возможныхъ рѣшеній. Французскій ренессансъ не менѣе совершененъ, но при рѣшеніи заданій выбиралъ почти всегда самое сложное и необыкновенное рѣшеніе.

Подражать ему невозможно, но изучать слѣдуетъ.

Нѣмецкаго ренессанса въ сущности не было, такъ какъ всѣ зданія, имъ именуемыя, относятся къ XVII вѣку, т.-е. моменту, когда итальянское и французское искусство вступили въ періодъ барокко. Все дѣло въ томъ, что въ XVI вѣкѣ Германія не построила ничего значительнаго, а, если и строила крупное—въ родѣ Гейдельбергскаго замка, то архитектурная сторона постройки оказывалась малозначущей, зато украшеній налѣпляли и накручивали, гдѣ только возможно. Подъ вліяніемъ изученія такихъ произведеній создались отвратительные увражи 70—90-хъ годовъ, гдѣ безъ всякой заботы о пропорціяхъ налѣпляли на постройку возможно больше украшеній.

Дома на Фридрихштрассе, берлинскій парламентъ и соборъ являются памятниками этого безвкусія. Франція ему почти не поддалась, хотя тамъ соблазна было больше, благодаря обилію дѣйствительно превосходныхъ построекъ XVI в. Зато Россія, куда черезъ 10 лѣтъ послѣ блестящаго расцвѣта русской архитектуры вздумали призвать Шинкеля и Кленце, легко поддалась „ученому“ вліянію сосѣдки, испугалась колоссальныхъ увражей съ разными „мотивами“, повѣрила въ пригодность ихъ и сама начала готовить эти „мотивы“. Многими архитектурными ужасами обязаны мы легкомысленнымъ поддѣлкамъ подъ отзвуки мастерства и свободы французовъ и англичанъ, отраженныя въ Германіи XVI. Тамъ строили плохо, нѣмецкіе профес-

сора XIX вѣка плохо подъ это поддѣлывались, а русскіе подражатели работали еще хуже.

Національстическое движеніе въ архитектурѣ пришло къ намъ тоже изъ Германіи. Несчастіе не въ томъ, что это движеніе существуетъ, а въ томъ, что оно появилось насильственно. Когда оно появлялось подъ вліяніемъ восторга передъ національными постройками, то тотчасъ давало превосходные результаты. Такъ произошно въ Англіи, гдѣ сумѣли въ XIX в. построить превосходный образчикъ англійской готики (Парламентъ), такъ случилось въ Россіи, когда В. Васнецовъ воскресилъ новгородскую простоту и сочность въ церквушкѣ Абрамцева, а Коровинъ и Тамановъ—фантастику деревянныхъ построекъ.

Когда же, какъ въ Германіи, подходили къ произведеніямъ искусства теоретически, когда любовались ими не изъ-за красоты, но изъ-за того, что они соотвѣтствуютъ той или иной предвзятой точкѣ зрѣнія, то результатъ бывалъ плохимъ.

Великіе скульпторы итальянскаго ренессанса увлекались античными мраморами, хотя большинству послѣднихъ, попавшихъ во флорентійскіе музеи, далеко до мастерства Донателло, Вероккіо и Микель-Анджело. Однако, никто и не думалъ о подражаніи, а въ этихъ останкахъ былого искусства видѣли отраженіе пропавшихъ великихъ образцовъ и нѣкоторыя черты (въ портретныхъ бюстахъ) такого отношенія къ скульптурѣ, къ которымъ сами только что подошли.

Германія не создала въ архитектурѣ ничего, чтобы могло быть принято за безусловные образцы, а потому германскимъ зодчимъ слѣдовало бы обратиться къ образцамъ, кажущимся чужими, хотя, конечно, они не могутъ быть чужими для того искусства, которое само хочетъ дѣлаться міровымъ. Такъ поступали русскіе въ XVIII в., такъ поступали французы въ XVI в., и въ результатѣ русское искусство начала XIX в. и французское XVIII в. сдѣлались міровыми и образцовыми. Германцы рѣшили сдѣлать свои ренессансъ и готику міровыми, но въ результатѣ произвели безконечное количество ужасовъ.

Такъ какъ послѣдніе распространялись въ безчислен-

номъ количествѣ изданій и такъ какъ русскимъ казалось, что искусство западной Европы должно всегда стоять выше русскаго, то всѣмъ этимъ ужасамъ подражали. И такъ же, какъ въ Берлинѣ теоретически учили архитектурѣ, такъ учили ей и въ Петербургѣ по тѣмъ же самымъ увражамъ и тѣми же пріемами. Петербургскіе профессора въ то время сказали бы, конечно, что вѣдь иначе по чему же учить: русскихъ изданій нѣтъ, англійскихъ и французскихъ—мало. Но въ томъ-то и дѣло, что архитекторъ долженъ учиться лишь по постройкамъ, иначе онъ не научится мыслить архитектурно.

Альбомы съ проектами могутъ помочь для полученія преміи на конкурсѣ, но не сооруженія удачной постройки. Однако, стремленіе къ быстрому успѣху кажется столь важнымъ для Германіи, что она ни разу не задумывалась пожертвовать болѣе существенными результатами въ будущемъ.

Это вліяніе не могло не перекинуться и къ намъ. Вѣра же въ пособія, руководства и образцы была такъ велика, что люди не задумывались въ нѣсколько часовъ спроектировать церковь въ совершенно неизученномъ стилѣ (составленіе К. Тономъ проекта церкви Екатерины на Петергофскомъ проспектѣ). Совершенно такимъ же было отношеніе Германіи къ прикладному искусству. Еще въ 70-хъ—80-хъ годахъ тамъ начали возникать художественно-промышленныя школы и скоро развились такъ, что Германія, казалось, должна была бы быстро обогнать остальныя страны и особенно Францію, которая, казалось, дѣлала мало усилій въ этомъ направленіи. Однако, успѣховъ Германіи не видно, и даже то, что казалось обѣщающимъ лѣтъ 20 или 10 тому назадъ, осталось безъ результатовъ.

Дѣло въ томъ, что, повѣривъ возможности научить красотѣ по альбомамъ, воспроизведеніямъ или въ лучшемъ случаѣ музейнымъ образцамъ, Германія создала обширные музеи, издала многочисленные альбомы, очень чисто нарисованные, при чемъ все характерное въ воспроизводимыхъ предметахъ было сглажено, и заставило учениковъ этихъ школъ такъ же чистенько рисовать и проэктировать. Копіями этихъ германскихъ учрежденій являются наши учи-

лища Штиглица и Строгановское. Тамъ можно было любоваться, какъ перерисовкою великолѣпныхъ музейныхъ образцовъ заставили учениковъ терять всякое представленіе о формѣ, какъ изученіемъ всѣхъ стилей ихъ лишали всякаго стиля. То же происходило и въ Германіи. Ученики получали преміи въ школѣ за проекты, но самые проекты въ жизни оказывались хуже самыхъ плохихъ рыночныхъ издѣлій. Англія имѣла очень много школъ и колоссальные музеи, но тамъ ограничивались только двумя эпохами: ренессансомъ и англійскимъ классицизмомъ. Кромѣ теоретическихъ соображеній, тамъ громадную роль играли восторженныя проповѣди Рескина. Франція очень мало заботилась о художественныхъ школахъ, но зато музеи Парижа являются чуть не проходными дворами: такъ облегчено ихъ посѣщеніе, а, главное, нація безостановочно жила художественными интересами и каждое поколѣніе старалось превзойти предыдущее не только совершенствомъ, но и своеобразіемъ. Мало того, искусство въ Парижѣ глубоко связано съ жизнью, и красоты куда больше въ произведеніяхъ знаменитыхъ портныхъ, въ созданіяхъ шляпочныхъ магазиновъ, въ новыхъ рисункахъ матерій, чѣмъ въ оффиціальномъ Салонѣ. Поэтому-то въ Парижѣ не видно теоретическаго вымучиванія стиля, нѣтъ, и это въ первый моментъ кажется недостаткомъ, систематическаго вылѣпливанія формъ по образцу старыхъ, но гдѣ-то въ нѣдрахъ мастерскихъ внезапно возникаютъ неожиданныя и плѣнительныя сочетанія, то кажущіяся переливами предыдущихъ, то совершенно своеобразно-новыя.

Симпатичнѣе всего, однако, борьба за выработку современнаго архитектурнаго и декоративнаго стиля. Она ведется повсюду, но нигдѣ не сдѣлано столько усилій, нигдѣ не опубликовано столько вспомогательныхъ изданій и столько проектовъ, не выстроено столько большихъ зданій и не затрачено столько денегъ на блестящія обстановки, какъ въ Германіи. Мало того, Германія выбросила на книжный рынокъ больше общедоступныхъ книгъ и сборниковъ по исторіи искусства, чѣмъ всѣ остальныя страны.

Въ началѣ, т.-е. еще съ половины XIX вѣка, нѣмцы стремились воспроизвести готику, но скоро увидѣли, что съ

этимъ стилемъ, требующимъ вѣковой работы, имъ не справиться. Затѣмъ перешли къ барокко, но взяли отъ него лишь недостатки и достигли апофеоза безвкусія въ берлинскомъ соборѣ и рейхстагѣ.

Однако, усовершенствованіе и въ томъ и другомъ направленіяхъ было вполнѣ возможно, такъ какъ въ Берлинѣ Мессель построилъ отличный домъ Вертгейма, а Шмальцъ неплохое зданіе судебныхъ установленій. Все дѣло, конечно, въ томъ, что нуженъ не иной стиль, а знанія, достигаемыя вѣковой работой или умѣніе использовать эти знанія. Это простое соображеніе не было принято во вниманіе, и нѣмцы, бросаясь въ разныя стороны, остановились на „примитивизмѣ“, т.-е. грубыхъ тяжелыхъ формахъ того времени, когда строительство не стало еще зодчествомъ. Причины увлеченія „примитивизмомъ“ заключаются прежде всего въ томъ, что, увидавъ невозможность справиться съ совершенными стилями, т.-е. готикою и барокко, строители рѣшили обратиться къ наименѣе совершеннымъ образцамъ.

Далѣе, нѣмецкія постройки оказывались образцами только въ романскомъ стилѣ даже по германскимъ теоріямъ искусства, такъ какъ германскую готику послѣднія не рѣшались выдвигать на первое мѣсто. Между тѣмъ романскія постройки Германіи (Гернроде, Шпейеръ, Вормсъ и Бамбергъ) весьма примитивны. Сверхъ того, германскимъ искусствомъ овладѣвало стремленіе къ легкой славѣ, а главными заказчиками были банкиры и рестораны. На нихъ можно и нужно было вліять тяжелыми и грубыми формами и большими плоскостями золотой мозаики. Требованіе красоты отходило на второй планъ и замѣнялось стремленіемъ къ поражающему эффекту. Началось это стремленіе изъ Вѣны, гдѣ талантливый Ольбрихъ могъ разрѣшить себѣ многое. Въ первый моментъ это казалось интереснымъ, но теперь слишкомъ чувствуется стремленіе къ внѣшнему эффекту и полное несоотвѣтствіе тяжести съ нынѣшнимъ техническимъ совершенствомъ. Однако, это теченіе быстро охватываетъ все германское зодчество и за послѣднее время было признано оффиціально постройкою „германскаго посольства“ въ Петербургѣ и памятника въ Лейпцигѣ. Стиля нашей эпохи никто, конечно, не знаетъ, никакими теоріями его

создать нельзя, но въ эпоху техническаго совершенства примитивизмъ и тяжеловѣсность являются абсурдомъ. Они допустимы у очень большихъ художниковъ, но даже произведенія Ольбриха хороши лишь постольку, поскольку являются временными или показными, какъ это и было съ вѣнскимъ Сецессіономъ и дармштадтской колоніей художниковъ. Талантливый Мессель въ проектѣ новаго берлинскаго музея не сумѣлъ справиться съ примитивною простотою. У него видна не только грубость, но и прямо неумѣніе справиться съ поставленною задачею. Дѣло въ томъ, что простота въ искусствѣ труднѣе достигается, чѣмъ сложность. Неудача Месселя у его бездарнаго подражателя Беренса превратилась въ каррикатуру при сооруженіи германскаго посольства, такъ какъ архитекторъ утерялъ логику конструкціи. Столбы у него прикрѣплены къ фасаду какъ будто для поддержки послѣдняго, а на самомъ дѣлѣ такъ тонки, что безъ фасада стоять не могутъ. Статуи, постевленныя на фасадѣ, очевидно, не могутъ держаться на этихъ столбахъ и довольно нелѣпо стоятъ на балкахъ крыши. То же отсутствіе логики и раціональности является признакомъ многочисленныхъ примитивныхъ построекъ Берлина, даже столь передовыхъ, какъ кафе Керкау или винный погребъ Трарбаха, и тамъ отсутствіе раціональности сознается особенно сильно, потому что архитекторъ изо всѣхъ силъ добивался послѣдней, стремленіе къ примитивизму является неслучайнымъ. Его примѣняютъ и для памятниковъ, каковы: лейпцигскій „Битвы народовъ“, и совершенно безмысленная „Бисмаркова вышка“ (въ проектѣ для перестройки Шарлотенбурга), и для ресторановъ (Рейнгольдъ) и т. д., и т. д. Конечно, для грубаго бюргерскаго вкуса отсутствіе красоты возмѣщается колоссальностью, а грубость отдѣлки— обиліемъ золотой мозаики. Золотомъ залиты цѣлыя залы, фасады, а гдѣ можно къ золоту прибавлены зеркала. Въ берлинскихъ магазинахъ и ресторанахъ глаза болятъ отъ обилія лампочекъ и безчисленныхъ отраженій ихъ. Улицы залиты свѣтящимися рекламами, окна магазиновъ заполнены очень эффектными и блестящими выставками. На устройство послѣднихъ видимо затрачено много разсчета и знанія. Видно желаніе поразить другого, но почти не чувствуется

ни самокритики, ни той легкой недодѣланности, которая характеризуетъ работу генія, вѣчно собою недовольнаго.

Германцы поставили себѣ задачу быть всегда хорошо готовыми какъ къ столкновенію съ врагами, такъ и къ использованію своей творческой мысли. Въ другихъ странахъ геніямъ приходится пробиваться сквозь лишенія, въ Германіи намекъ на талантъ тотчасъ и поддерживается, и поощряется. Однако, среди массы поощряемыхъ затериваются истинные таланты, а если не затериваются, то, благодаря поспѣшному признанію, превращаются въ машины, изготовляющія по одному и тому же образцу. Такъ уже двадцать лѣтъ Штукъ и Либерманъ не мѣняютъ своей манеры, такъ и берлинскія зданія, даже Месселевскія, надоѣдаютъ, когда пройдешь два квартала, такъ и трарбаховскій погребъ, устроенный Римершмидтомъ, кажется исполненнымъ по ходовому каталогу какой-либо хорошей фирмы.

Если мы обратимся къ такъ называемой художественной промышленности, то въ первый моментъ берлинскіе магазины производятъ благопріятное впечатлѣніе. Многое (фарфоръ, стекло и ткани) кажется интереснымъ и новымъ. Однако, разочарованіе приходитъ очень скоро. Дивные персидскіе ковры, которыхъ много на окнахъ, созданы, конечно, не въ Германіи, а среди германскихъ издѣлій нѣтъ не только первоклассныхъ, но такихъ, которыя было бы пріятно имѣть. Недурныя идеи по большей части и слишкомъ старательно использованы и теряются въ стремленіи къ механическимъ пріемамъ. Нигдѣ не видно умѣнія быть индивидуальныхъ, хотя индивидуальность не стараются подавлять, но подхватывая распространяютъ въ милліонахъ подражаній, не лучшихъ и не худшихъ оригинала. Стремленіе возможно скорѣе и вѣрнѣе достигнуть успѣха заставляетъ самихъ авторовъ гнаться не за возможнымъ совершенствомъ, а за такою его степенью, которая нравится толпѣ. Кромѣ того, въ Германіи почти нѣтъ художниковъ, которые рѣшались бы сказать свое „я“, свои думы о красотѣ съ полною силою, потому что это неизбѣжно ведетъ къ шероховатостямъ, отталкивающимъ толпу (исключенія, — Ю. Дицъ, Т. Т. Гейне, отчасти Вейсгерберъ). Процессъ художественнаго творчества, особенно въ прикладномъ искусствѣ, у нѣмцевъ

почти всегда состоитъ въ компиляціи или комбинаціи. Прежде они пытались комбинировать частности такъ называемаго нѣмецкаго ренессанса, потомъ просто копировали и, наконецъ, начали выдумывать новый стиль. Однако, и къ послѣднему не могли подойти иначе какъ или накручивая извивы (лѣтъ 10—15 тому назадъ), или чисто механически комбинируя простѣйшія геометрическія формы. Стремленіе къ красотѣ во всѣхъ этихъ попыткахъ встрѣчается лишь случайно, тогда, когда художественное чутье художника не умерщвлено до конца безвкусіемъ окружающей среды.

Конечно, нѣмцы для оправданія укажутъ на Францію, гдѣ на тканяхъ съ успѣхомъ примѣняются простѣйшіе геометрическіе рисунки. Но, вѣдь то — Франція, гдѣ въ XVIII вѣкѣ все государство тратилось на одежды и обстановку королевскихъ любовницъ. Зато передъ этой обстановкой мы сейчасъ стоимъ въ изумленіи и не можемъ поставить рядомъ съ нею ни одно изъ произведеній нѣмецкаго искусства.

Поддѣлка старины, даже собственной, также не удавалась Германіи, потому что утрачено даже и то мастерство, которое когда-то имѣлось. Между тѣмъ въ Италіи, напр., до сихъ поръ чудесно поддѣлываютъ или, вѣрнѣе, выдѣлываютъ старинныя вещи (особенно ювелирныя флорентійскія издѣлія).

Бѣда для насъ въ томъ, что и наша промышленность и оффиціальное завѣдываніе прикладнымъ искусствомъ идутъ по тому же пути. Считаютъ, что учиться нужно на западѣ, т.-е. въ Берлинѣ. Оттуда заимствуютъ умѣніе подчищать и сглаживать всѣ индивидуальныя отличія и, обладая дивными кустарными художниками, мы получаемъ вылощенныя произведенія художественно-промышленныхъ школъ. И мы видѣли, какъ рядомъ съ грубоватыми, оригинальными и художественно высоко цѣнными образцами Абрамцева столичныя и министерскія школы производятъ вещи очень чистенькія, затѣйливыя, но глубоко нехудожественныя и очень далекія отъ національнаго стиля. Пытаются при этомъ подражать музейнымъ и кустарнымъ образцамъ, но толку не выходитъ, потому что свободное творчество связывается провѣркою по оригиналу и стремленіемъ соблюсти стиль. Дѣло

здѣсь, конечно, не въ талантливости руководителей и не въ отсутствіи у нихъ добрыхъ намѣреній, а въ нелѣпости самаго пріема, въ стремленіи замѣнить теоріей или механическимъ подражаніемъ художественное творчество.

Совершенно то же наблюдается и у архитекторовъ, которые только и думаютъ о томъ, какъ скомбинировать тѣ или иные мотивы, натасканные или изъ альбомовъ или изъ фотографій. При этомъ практическое назначеніе зданія остается совсѣмъ безъ вниманія, какъ въ зданіи одного изъ петроградскихъ банковъ, гдѣ на парадной лѣстницѣ, ведущей въ помѣщенія цѣлаго ряда первоклассныхъ фирмъ, буквально нельзя повернуться. Совершенно такъ-же издѣлія нашихъ художественно-промышленныхъ школъ не подходятъ къ условіямъ современной жизни.

Выше уже указано, что Германія выпустила больше книгъ по исторіи и теоріи искусства, чѣмъ какая-либо другая страна. Правда, литературная цѣнность ихъ не очень высока и далеко не равняется англійскимъ и французскимъ изданіямъ. Но самое число страницъ иллюстрацій, репутація Лейпцига, какъ мірового книжнаго рынка, заставляли думать, что хотя бы по внѣшности нѣмецкія книги окажутся образцовыми. Стоитъ, однако, изучить книги, выпускаемыя Германіей въ послѣднее время на рынокъ, дома, выстроенные въ Берлинѣ на Leipziger и Behrenstrasse, мелкую художественную промышленность, чтобы замѣтить, что при техническомъ совершенствѣ и удачѣ многихъ пріемовъ наблюдается отсутствіе настоящей художественной цѣнности, т.-е. то же, что мы видѣли уже въ тканяхъ, фарфорѣ и т. п. Дешевыя изданія по большей части въ первый моментъ кажутся соблазнительными, но потомъ замѣчается привкусъ дешевки. Дорогія изданія имѣютъ мало успѣха, почему и долженъ былъ прекратиться мюнхенскій журналъ Панъ. Лучшія современныя издательства Германіи соблазняютъ своими объявленіями лишь до тѣхъ поръ, пока не увидишь самихъ изданій. Неизбѣжная доля механической безвкусицы въ нихъ на лицо даже и тогда, когда иллюстраціи сами по себѣ очень хороши. Такъ была испорчена книга „Lesebuch der Marquise“ съ чудесными иллюстраціями Сомова. Серія „Hortus deliciarum“ была начата

дневникомъ Гёте съ великолѣпными иллюстраціями того же Сомова, а для слѣдующихъ книгъ даже приблизительно равныхъ иллюстраторовъ въ самой Германіи не нашлось. Мало того, и переплетъ книги Сомова былъ изъ-за ничтожной экономіи испорченъ несоотвѣтственнымъ матеріаломъ. Рядомъ съ крушеніемъ художественной стороны издательствъ поражаетъ самая бѣдность мысли. На одну и ту же тему выпускаются десятки книгъ почти всегда компилятивныхъ.

Не мудрено, что рынокъ уже насыщенъ, и такія, напр., дѣйствительно превосходныя изданія по исторіи искусства, какъ исторія искусствъ въ картинахъ, издаваемая въ томикахъ „Altdeutshe Malerei“, „Italienische Frührenaissanse“, стоющія очень дешево, не расходились въ количествѣ, достаточномъ для того, чтобы изданіе окупилось.

Не лучше обстоитъ дѣло и съ произведеніями графики, т.-е., офортомъ, литографіей и т. д. Усилій дѣлалось за послѣднія двадцать лѣтъ не меньше, чѣмъ гдѣ-нибудь, но почти все вниманіе художниковъ устремлено на особенности пріемовъ, а не на красоту произведенія. Не мудрено, что рядомъ съ англійскою, французскою и русскою графикою нѣмецкая является весьма ничтожною, кромѣ небольшого кружка мюнхенскаго Симплициссимуса. Гейне, Гульбрансонъ, Тони въ этомъ журналѣ и Ю. Дицъ и Вейегерберъ, работающіе для „Jugend“, достигли, дѣйствительно, выдающихся результатовъ. Работы ихъ расходятся однако въ дешевыхъ журналахъ, но не примѣнены въ дорогихъ изданіяхъ. Сдѣланныя попытки окончились неудачею. Графика же болѣе драгоцѣнная, т.-е. офортъ, оригинальныя гравюры на деревѣ и литографія въ Германіи дали ничтожные плоды, далекіе отъ того, что сдѣлано въ Скандинавскихъ странахъ и въ Россіи.

Стремленіе къ возможно полной предусмотрительности и согласованности доходитъ въ Германіи до умерщвленія всякой свѣжей мысли и тѣмъ болѣе геніальности. Съ другой стороны, послѣ 1870 года Германія охвачена желаніемъ казаться выше всѣхъ. Отсюда—съ одной стороны созданіе кажущагося великимъ (зданіе Рейхстага, берлинскій соборъ, памятникъ битвы народовъ), а съ другой—неумѣніе видѣть

у другихъ великое. Конкурируя съ другими странами, Германія рѣдко считается съ чужими достоинствами, но обыкновенно старается замѣнить недостатокъ какими нибудь техническими преимуществами. Третья особенность въ томъ, что трата массы силъ на вооруженія, постоянное самовосхваленіе и неизбѣжное убиваніе всего свѣжаго должно привести и приводитъ къ своего рода одичанію. Примитивизмъ архитектуры, золотая мозаика, обиліе лампочекъ, зеркалъ, блеска и свѣтящихся рекламъ, разгромъ Лувена, Лилля и Реймса, извращеніе Рейнгардтомъ великихъ произведеній литературы (хотя бы постановка Царя Эдипа, воспроизведенная у насъ въ циркѣ Чинизелли) — явленія глубоко родственныя.

Въ данный моментъ не время, конечно, отыскивать недостатки противника, тѣмъ болѣе, что за счетъ недостатковъ онъ обладаетъ весьма важными военными достоинствами. Для Россіи многія обстоятельства нынѣшней войны могутъ открыть глаза на недостатки германской культуры, съ которою преимущественно знакомились и которой старались подражать. Между тѣмъ то, что дало одному государству блескъ, хотя бы временный, можетъ для него, и особенно для другого, оказаться безполезнымъ и даже вреднымъ. Исторія знаетъ примѣры, что отдѣльныя государства овладѣвали почти всѣмъ міромъ, но и для культуры не давали ничего значительнаго и сами разсѣивались, какъ были. Примѣръ—македонская монархія Филиппа и Александра.

Будемъ надѣятся, что ужасы, совершенные Германіей въ этой войнѣ, разсѣютъ кошмаръ милитаризма и что въ то же время для Россіи разсѣется миражъ германской сверхучености и сверхкультуры. Важно, чтобы Россія обратилась къ настоящимъ кладезямъ культуры, т.-е. Франціи и Англіи. Не менѣе важно, чтобы и сама Германія сознала опасность принятаго ею направленія и вмѣсто поспѣшнаго стремленія къ владычеству надъ міромъ, старалась восполнить потерянное въ предыдущіе вѣка, когда тевтонскіе рыцари грабили и своихъ и чужихъ. Но важнѣе всего, чтобы германскіе идеалы ни прямо, ни косвенно, ни отраженно не повліяли на европейскую культуру. Страшно то, что М. Метерлинкъ уже заявилъ о необходимости разру-

шить за Брюссель — Нюренбергъ, за Лувенъ — Мюнхенъ и т. д. Если человѣчество потеряло часть сокровищъ, то не слѣдуетъ терять новыя. Если Бельгія можетъ быть вознаграждена, то только сокровищами германскихъ музеевъ, потому что отъ переноски они не пострадаютъ и безразлично, гдѣ они находятся. Если разрушать, то лишь ужасы, сооруженные въ Германіи послѣ 1870 года. Эта, правда, будетъ услугой врагу, и Германія сама поблагодаритъ за эту „дезинфекцію“ искусства. Но развѣ культура можетъ и должна наносить вредъ, хотя бы подъ предлогомъ уничтоженія варварства?

В. Курбатовъ.

ОСНОВНЫЯ ЗАДАЧИ ВЪ ОБЛАСТИ ОБРАЗОВАНІЯ

С. Ф. Знаменскаго.

„Чего ждетъ Россія отъ войны?“ Такой вопросъ по отношенію къ образованію можетъ показаться чѣмъ-то страннымъ. Развѣ возможно ждать отъ войны чего-либо хорошаго для школы, мечтать о чемъ-то? Мирное процвѣтанье школы и война, учащаяся дѣтвора и трупы, трупы безъ конца. Что общаго? Поэтому отвѣтъ, что однимъ изъ слѣдствій войны должно явиться развитіе народнаго образованія, звучитъ, какъ парадоксъ. Между тѣмъ, это—фактъ, ясно опредѣлившійся еще въ прошломъ вѣкѣ. Послѣ кровавыхъ войнъ государства очень часто съ большою энергіей берутся за улучшенія въ области образованія. За конкуренціей военной наступаетъ мирная. Въ этомъ отношеніи особенно характеренъ періодъ, наступившій послѣ австро-прусской и франко-прусской войнъ, семидесятые годы. Послѣ разгрома Австрія и Франція много силъ затратили на развитіе народнаго образованія и одно время вопросы школы стали здѣсь въ центрѣ общественнаго вниманія. Но такой интересъ къ вопросамъ школы проявился не только въ побѣжденныхъ государствахъ. Школой занялась и побѣдившая страна—Германія. Создавшееся для нея, благодаря войнѣ, новое положеніе еще долго оказывало вліяніе на улучшенія въ области ея образованія. Даже въ Англіи, стоявшей далеко отъ войнъ шестидесятыхъ и семидесятыхъ годовъ, школьныя реформы были обусловлены не только произведенными здѣсь въ это время политическими реформами, но

и общимъ толчкомъ, даннымъ войной. Такія явленія не единичны. Взять хотя бы ту же Германію въ началѣ девятнадцатаго вѣка, въ эпоху войнъ съ Наполеономъ. Съ какою мощной силой звучалъ тогда призывъ Фихте спасать чрезъ школу нѣмецкій народъ, порабощенный Франціей, и какъ увлеклось этимъ даже правительство! Но и послѣ побѣдъ надъ Наполеономъ въ Германіи еще годы жилъ интересъ къ школѣ и обсуждались реформы. Укажу на факты и изъ болѣе близкаго къ намъ прошлаго. Въ далекомъ Китаѣ послѣ войнъ уже рядъ лѣтъ проводятся улучшенія въ школьномъ дѣлѣ и даже Турція, послѣ балканской войны, задумала на ряду съ военными инструкторами выписать изъ Германіи руководителей въ дѣлѣ реформы школы.

Такая связь между войною и развитіемъ народнаго образованія стала неизбѣжной съ того момента, когда общество и правительство признали образованіе мощной силой, оказывающей вліяніе на всю жизнь народа, отчего этой связи не было въ далекомъ прошломъ, въ эпоху недооцѣнки значенія школы. Школа и военное могущество страны, школа и хозяйство, школа и политическая жизнь и школа и духовная культура—стоитъ построить этотъ рядъ взаимоотношеній, какъ самъ собой встаетъ вопросъ, насколько государство съумѣло использовать это орудіе и не слѣдуетъ ли усилить его вліяніе. Особенно остро встаетъ этотъ вопросъ во время и послѣ войны, этого грандіознаго экзамена для всей жизни народа, экзамена не только для передовыхъ позицій, но и для тыла, не только для побѣжденныхъ, но и для побѣдителей. Въ теченіе одного-двухъ историческихъ мгновеній народы должны показать, какими они стали за годы мира, показать свои навыки, богатства. Даже побѣдитель привлакается къ отвѣту: соотвѣтствовали ли его побѣды его силамъ, территоріи и численности и, если да, то не были-ли онѣ достигнуты со слишкомъ большимъ напряженіемъ и слишкомъ медленно. На такомъ экзаменѣ въ дѣлѣ, гдѣ каждая мелочь можетъ имѣть роковыя послѣдствія, роль школы должна и будетъ освѣщаться съ надлежащей полнотой. Что и въ какой мѣрѣ сдѣлала она для развитія внѣшнихъ и внутреннихъ силъ государства? Въ области образованія, какъ и всюду, въ результатѣ

войны должны вскрыться опущенія и пробѣлы, вскрыться гораздо ярче, чѣмъ при обычныхъ условіяхъ, такъ какъ въ минуты грозной опасности наступаетъ какое-то просвѣтленіе и взоръ проникаетъ особенно далеко. Такъ приходится и въ школьномъ дѣлѣ браться послѣ войны за исправленіе.

Но, подводя итоги одной эпохи, война намѣчаетъ задачи и для послѣдующей. Создаются новыя территоріальныя и національныя группировки. Внутри государства намѣчаются измѣненія въ политическомъ и соціальномъ строѣ. Открываются новыя экономическія перспективы. Все это не можетъ не отразиться на такомъ чуткомъ инструментѣ, какъ школа, и чѣмъ громаднѣе стоящія на очереди задачи, тѣмъ въ большихъ размѣрахъ должна ставиться работа въ области образованія. Но особенно сильное вліяніе на постановку школьнаго дѣла должна оказать ближайшая задача, стоящая предъ каждымъ изъ участвовавшихъ въ войнѣ государствъ—залѣчитъ раны войны и какъ можно скорѣе возсоздать мощь націи. Побѣжденное государство все отдается поискамъ живой воды и энергично берется за развитіе народнаго образованія, какъ за одно изъ мощныхъ средствъ возрожденія. Въ свою очередь и народъ-побѣдитель, особенно, если его успѣхи были куплены дорогой цѣной и не сопровождались полнымъ разгромомъ противника, тоже обращается къ школѣ, чтобы залѣчить свои многочисленныя раны и не отстать отъ своего противника.

Такъ было съ войнами прошлаго столѣтія. Для меня нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія, что тоже повторится и теперь, только еще въ большихъ размѣрахъ. Только настоящая, безпримѣрная по своей грандіозности война показала, что ставится государствами на карту, и ведетъ къ такому разрушенію хозяйства, съ которымъ не можетъ идти въ сравненіе ничто изъ бывшаго до сихъ поръ. Вмѣстѣ съ тѣмъ больше чѣмъ когда-либо прежде сознается сейчасъ и значеніе образованія. Отсюда не трудно предвидѣть, что послѣ войны мы будемъ свидѣтелями мощнаго развитія народнаго образованія по всей Европѣ. Кто знаетъ педагогическую жизнь запада и борющіяся тамъ теченія, тотъ можетъ даже намѣтить нѣкоторыя черты будущей реформы: дѣйствитель-

ное проведеніе въ жизнь всеобщаго обязательнаго обученія тамъ, гдѣ оно еще отсутствуетъ или проводится не съ достаточною полнотой, углубленіе даваемаго въ народной школѣ образованія, демократизація всей школьной системы путемъ установленія болѣе тѣсной связи между низшею школой и среднею, усиленіе вліянія общества на школу, развитіе самодѣятельности учащихся, какъ методъ воспитанія и обученія. Особенно должна будетъ подумать о развитіи народнаго образованія Бельгія, очень отсталая въ этой области и наиболѣе пострадавшая отъ войны. Тѣмъ же должна будетъ заняться Франція, съ народной школой которой далеко не все обстоитъ благополучно. Въ Германіи тоже найдется много основаній для серьезныхъ измѣненій въ своей школьной системѣ и даже Англія должна будетъ приняться за пересмотръ своей сравнительно болѣе современно организованной школы. Утверждать, что крупныя реформы будутъ произведены всюду немедленно послѣ войны, конечно, не приходится. Послѣ общаго разгрома, первое время будетъ необходимо лишь возстановлять разрушенное, для крупныхъ реформъ финансы государства будутъ слишкомъ еще расшатаны, но стоитъ жизни войти въ свою колею, какъ наступитъ время и для школьнаго дѣла. Впрочемъ, не скрою, что на ряду съ здоровыми ростками въ области образованія могутъ появиться и вредные, какъ это бывало нерѣдко и послѣ прошлыхъ войнъ. Однимъ изъ такихъ всегда являлся шовинизмъ и усиленный милитаризмъ, бурно врывавшійся въ школу.

Въ общемъ потокѣ Россія не можетъ остаться не затронутой, не можетъ особенно потому, что въ неіі помимо общихъ силъ въ томъ же направленіи будутъ дѣйствовать свои, мѣстныя. Толчокъ отъ настоящей войны будетъ вторичнымъ, первый былъ данъ русско-японской войной и революціей. Новая волна должна лишь слиться съ бѣжавшей раньше и во многомъ дальнѣйшій прогрессъ въ области образованія опредѣлится тѣмъ, что уже дѣлалось за послѣдніе годы. Оцѣнивая это наслѣдіе, которое придется исправлять, но изъ котораго все же необходимо будетъ исходить, мы въ правѣ сказать, что почва для школьной реформы достаточно уже подготовлена, и десятилѣтіе, отдѣ-

ляющее насъ отъ русско-японской войны прошло все же не даромъ, если не для всѣхъ ступеней школы, то хотя бы для школы народной. Внѣшнимъ показателемъ происходившаго развитія можетъ быть бюджетъ Министерства Нар. Пр., какъ главнаго вѣдомства, расходующаго деньги на образованіе. Въ 1904 г. всѣ расходы Министерства опредѣлялись въ 42 милліона рублей и въ 1914 г. они выросли въ сравнительно солидную сумму—162 милл. рублей. Одновременно съ этимъ шелъ ростъ и земскихъ расходовъ на образованіе: въ 1902 г. расходы земствъ равнялись 18 милл. рублей и въ 1912 г. 66 милл. рублей. Такой ростъ расходовъ на школы означалъ полный переломъ въ отношеніи правительства къ народному образованію. Послѣ нашихъ пораженій въ послѣднюю войну, правительственные круги, наконецъ, усвоили взглядъ на образованіе народа, какъ на необходимую силу въ жизни государства. Идея всеобщаго обученія, годами взлелѣянная въ земской средѣ и долгое время признававшаяся преступной, стала офиціальной программой правительства. Подъ давленіемъ общественнаго мнѣнія и думскихъ круговъ правительство провело законы объ ассигновкахъ на пособіе для открытія и содержанія народныхъ школъ, вступила въ соглашеніе съ земствами и городами по разработкѣ и проведенію въ жизнь школьныхъ сѣтей и къ 1922 г., согласно произведеннымъ разсчетамъ, должно было имѣть такое число школъ, что всеобщность образованія могла быть гарантированной. Милліоны дѣлали свое дѣло, за десятилѣтіе уже успѣло возникнуть нѣсколько десятковъ тысячъ новыхъ начальныхъ школъ и по Россіи стало множиться число оазисовъ, гдѣ всеобщность обученія становилась фактомъ. Сильно отставая отъ начальной школы, начала увеличиваться въ числѣ и школа средняя. За время лишь 3-й Гос. Думы, въ 1907—1912 гг., было открыто 215 новыхъ мужскихъ гимназій и прогимназій изъ 480 существовавшихъ, 102 новыхъ реальныхъ училищъ изъ 292 и 445 новыхъ женскихъ гимназій изъ 1069. За то же время было открыто 37 высшихъ учебныхъ заведеній разнаго типа, но по большей части частныхъ.

Опять повторяю, что за годы со времени русско-японской войны въ области образованія, мы сдвинулись съ мерт-

вой точки и послѣ настоящей войны намъ придется продолжить уже начатое. Но преувеличивать послѣднее, какъ дѣлаютъ официозные барды этой эпохи, нѣтъ ни малѣйшаго основанія. Все же это были годы малыхъ дѣлъ, у правительственныхъ реформаторовъ совершенно не было размаха и реформы, урѣзанныя въ своемъ содержаніи, растягивались на годы. По сравненіи съ прошлымъ, и прошлымъ недалекимъ, дѣлаемое было большимъ шагомъ впередъ, но по отношенію къ стоящей предъ страною громадной задачѣ—обновить себя при посредствѣ образованія—планы и шаги правительства являются довольно незначительными. Что должно было явиться результатомъ правительственной реформаціонной дѣятельности? Предполагалось покрыть страну народными школами съ четырехлѣтнимъ курсомъ. Но развѣ можно достигнуть чего-либо существеннаго въ 4 года при 130—140 учебныхъ дняхъ въ году, достигнуть при одномъ учителѣ на 50 учащихся разныхъ возрастовъ и при опредѣленныхъ министерствомъ крайне скудныхъ средствахъ на оборудованіе школъ? Однако даже такихъ школъ не могло оказаться въ достаточномъ числѣ, чтобы дѣйствительно была проведена всеобщность обученія. При опредѣленіи количества дѣтей школьнаго возраста министерство допустило значительную ошибку, отчего число подлежащихъ субсидированію со стороны казны школъ было сильно уменьшено. Когда жизнь обнаружила ошибку и отовсюду стали настаивать на исправленіи министерскихъ плановъ, правительство не пожелало произвести измѣненій, такъ какъ это влекло за собой новые громадные расходы. Милліоны давались, но не въ достаточномъ количествѣ, и осуществленіе провозглашеннаго принципа всеобщности обученія даже при помощи 4-лѣтней убого оборудованной школы оставалось лишь на бумагѣ. Достаточная часть крестьянской дѣтворы и послѣ министерской реформы должна была остаться за дверями народной школы. Тоже приходится сказать и о средне-учебныхъ заведеніяхъ. Абсолютная цифра вновь открытыхъ среднихъ школъ очень внушительна, а каково ея относительное значеніе? По отношенію къ запросамъ страны это было болѣе чѣмъ скромно. Да и сами школы открывались по странѣ безъ всякаго плана,

гдѣ какъ придется. Поправку приходится внести и въ перечисленіе новыхъ высшихъ школъ. По большей части эти школы были частныя, не блещущія оборудованіемъ.

Но перечисленнымъ не исчерпывается списокъ пробѣловъ и упущеній. Главнымъ грѣхомъ истекшаго десятилѣтія было то, что реформаціонная дѣятельность не затронула внутренняго строя школы. Все свелось къ количеству, но качество было позабыто. Число школъ низшихъ и среднихъ росло, но сами школы оставались не реорганизованными, несмотря на выяснившіеся ихъ недостатки. Новыя положенія о народной школѣ, отличающіяся лишь относительною новизной и безусловно умѣренныя, такъ и не стали закономъ. Новые уставы средней школы вносились въ законодательныя палаты и затѣмъ неизмѣнно брались назадъ. Высшая школа была окончательно возвращена къ уставу 1884 г., конечно, въ его наиболѣе узкомъ толкованіи. Духъ циркуляровъ оставался тотъ же, что и въ прежнія десятилѣтія. Процессъ начался, но шелъ медленно. Чѣмъ больше тускнѣли воспоминанія о пережитомъ въ началѣ послѣдняго десятилѣтія, тѣмъ сильнѣе укоренялось стремленіе отдѣлываться мелочами и частичнымъ исправленіемъ. Такое отношеніе было тѣмъ болѣе печально, что въ обществѣ все время жилъ интересъ къ школѣ и педагогическая мысль работала усиленно.

Толчекъ, данный русско-японской войной, не обладалъ достаточною силой, чтобы вопросы образованія получили у насъ свое коренное разрѣшеніе. Но что не удалось тогда, должно удасться теперь. Въ связи съ новой волной мы должны стремиться къ полной реформѣ всей постановки нашего образованія. Это не праздное желаніе или простое проявленіе доктринерства, но насущная нужда, особенно ярко опредѣлившаяся въ обстановкѣ настоящей войны. Послѣдняя, по сравненію съ которой русско-японская война кажется миніатюрной, открыла такія перспективы и поставила такія громадныя задачи, что отдѣлываться полумѣрами больше не приходится, иначе намъ придется имѣть дѣло съ роковыми послѣдствіями нашей медлительности и умѣренности. Только теперь мы осознали, почувствовали реально, что при современныхъ войнахъ намъ можетъ грозить не-

потери колоній, хотя бы и цѣнныхъ, или неудача въ освобожденіи другихъ народовъ, но распадъ самаго государства, полное измѣненіе всей нашей жизни. На карту теперь ставится дѣйствительно очень многое. Чтобы подобная опасность не повторялась или при повтореніи мы могли бы встрѣтить ее во всеоружіи, необходимо какъ можно скорѣе и полнѣе развить всѣ силы государства, такъ какъ лишь такое развитіе гарантируетъ насъ отъ всякой случайности. Но грядущая опасность является лишь однимъ изъ стимуловъ къ возрожденію страны. На ряду съ ней долженъ стоять и другой: возрожденіе должно быть завершеніемъ тѣхъ гигантскихъ усилій, какія дѣлаются сейчасъ. Массы не для того поднялись, чтобы вернуться къ прежнему убогому существованію. Онѣ дерутся, устилая тысячами труповъ поля сраженій и проливая кровь, не только за настоящее, но и за свѣтлое будущее. По ихъ возвращеніи страна не можетъ и не должна оставаться на прежней стадіи развитія. Однако подъ какимъ бы угломъ зрѣнія мы ни подходили къ будущему, нашъ выводъ по отношенію къ школѣ можетъ быть одинъ. Такъ какъ образованіе сильно содѣйствуетъ развертыванію внѣшнихъ и внутреннихъ силъ страны, оно должно быть использовано до конца, использовано тѣмъ скорѣе и полнѣе, что отъ этой скорости и полноты зависитъ многое въ будущихъ судьбахъ страны. Никто не знаетъ, когда снова наступитъ грозный часъ. Такова общая задача по отношенію къ школѣ, властно диктуемая моментомъ.

Для подтвержденія моихъ общихъ положеній позволю себѣ бѣгло остановиться на разсмотрѣніи хотя бы нѣсколькихъ областей жизни въ ихъ новомъ освѣщеніи, созданномъ настоящею войной. Для образца возьму войну, какъ таковую. Это явленіе въ данный моментъ намъ особенно близко и на глазахъ у всѣхъ. Необходимо признать, что войны настоящаго рѣзко отличаются отъ войнъ прошлаго. Предъ нами колоссальный переворотъ. Война сейчасъ уже перестала быть войной однихъ лишь армій въ нѣсколько сотъ тысячъ, войною полководцевъ и государственныхъ дѣятелей. Она стала народной. Милліоны брошены съ оружіемъ въ рукахъ на передовыя позиціи, милліоны обслужи-

ваютъ ихъ тылъ, въ какой обратилась вся страна, десятки милліоновъ поддерживаютъ нравственно и матеріально тѣхъ и другихъ. Для успѣха войны необходимо, чтобы всѣ эти милліоны и десятки милліоновъ, дерущіеся и находящіеся въ тылу, были развитыми, умѣли осмыслять происходящія событія, могли слѣдить за ними и немедленно же реагировать на происшедшее. При каждомъ ударѣ вся страна должна напрягаться, какъ стальная пружина. А какъ достигнуть этого, если эти массы не обладаютъ даже такимъ простымъ оружіемъ освѣдомленія, какъ грамотность, если у нихъ нѣтъ даже элементарныхъ знаній? Да и вообще сама работа становится другой, если человѣкъ прошелъ чрезъ школу. Поэтому, нужны не только штыки и руки, но штыки и руки просвѣщенные. Сейчасъ въ Германіи все взрослое населеніе состоитъ лишь изъ людей, въ худшемъ случаѣ пробывшихъ 7—8 лѣтъ въ народной школѣ. При нѣмецкомъ рекрутскомъ наборѣ только 0,04% оказывается безграмотныхъ. А что было бы съ Германіей, если бы все ея населеніе въ настоящій моментъ было безграмотно или полуграмотно? Могла ли бы она такъ бороться на три фронта, какъ борется сейчасъ? Отвѣтъ можетъ быть только одинъ. Какое счастье и для Россіи, что сейчасъ у нея въ отличіе отъ временъ крымской кампаніи и русско-турецкой войны имѣются и въ арміи и въ странѣ уже кадры лицъ, прошедшихъ черезъ школу. Но насколько болѣе мощной была бы наша страна, если бы вся ея болѣе чѣмъ 100-милліонная масса взрослаго населенія имѣла достаточное образованіе! Такая мощь не только гарантія успѣха на войнѣ, но и залогъ мира, такъ какъ съ подобною Россіей не такъ уже скоро рѣшатся на войну. Эта сторона дѣла нами упускалась всегда, но тѣмъ энергичнѣе должно быть наверстано упущенное теперь. Это требуется всѣми условіями войны настоящаго, войны народной. Опять говорю, надо помнить о грозномъ часѣ.

Если обратиться къ экономической жизни страны, выводы будутъ тѣ же. Мощное развитіе хозяйства тоже властно требуется жизнью. Современная война наглядно показала значеніе этого фактора. Безъ экономическаго подъема, безъ нарастанія національнаго богатства не можетъ быть

такъ необходимаго намъ возрожденія страны. Послѣ войны для насъ открывается даже возможность такого подъема. Но какъ ее использовать? Однимъ изъ существенныхъ условій успѣха опять же является распространеніе просвѣщенья въ массахъ и большіе кадры получившихъ полное образованье руководителей. При полуграмотной рабочей и крестьянской массѣ несмѣтныя богатства попрежнему останутся въ нѣдрахъ нашей страны, будутъ все тѣ же убогія нивы, будетъ разводиться все тотъ же чисто національный видъ домашняго скота — наши легендарныя тощія сивки и буренушки, попрежнему заводы и мастерскія будутъ выбрасывать недостаточный товаръ. А что могли бы сдѣлать просвѣщенныя руки! У нашихъ западныхъ враговъ и друзей милліоны льются на хорошія школы всѣхъ типовъ и вознаграждаются сторицей, обращаясь въ милліарды національнаго дохода. Эти милліарды даютъ возможность и Германіи жить, а не существовать въ мирное время, на нихъ же она все еще можетъ держаться сейчасъ въ борьбѣ съ гораздо болѣе многочисленнымъ врагомъ. Не буду формулировать выводъ, онъ ясенъ самъ собой.

Еще одна область—духовная культура. Тотъ мощный общій подъемъ, о которомъ мы мечтаемъ, какъ о ближайшемъ слѣдствіи войны, не мыслимъ безъ мощнаго же развитія духовной жизни. Не буду преуменьшать нашихъ силъ. Въ Россіи имѣются кадры тѣхъ, кто создаетъ духовныя цѣнности. У насъ есть своя наука, своя литература, свое искусство. Россія имѣла геніевъ. Но соотвѣтствуетъ ли существующее численности и дарованіямъ нашего народа? Достаточно ли работниковъ и дѣлаемаго для разрѣшенья новыхъ громадныхъ задачъ, выдвинутыхъ войной? На тотъ и другой вопросъ я могу отвѣтить лишь отрицательно. Да иначе не могло и быть. Носителемъ нашей духовной культуры былъ лишь тонкій слой. Изъ этого же тонкаго слоя главнымъ образомъ и выходили работающіе надъ накопленьемъ новыхъ духовныхъ цѣнностей. А могучіе пласты, народныя массы, были едва-едва затронуты. Знаніе мало проникало въ ихъ среду и, за отсутствіемъ путей, отсюда немногіе пробивались вверхъ, чтобы пополнить собой ряды работающихъ тамъ. Словомъ, и въ этой области очередной

задачей, если только мы дѣйствительно стремимся къ возрожденію страны, долженъ быть подъемъ массы, что помимо распространенья духовной культуры на широкіе слои гарантируетъ приливъ вверхъ новыхъ силъ и болѣе массовую работу въ дѣлѣ духовнаго развитія страны. Гдѣ же стредство для рѣшенія задачи? На ряду съ другими существенными условіями все та же школа, но конечно не простая школа грамотности. Итакъ, приходится снова и снова повторять все то же.

Не буду останавливаться на разсмотрѣніи другихъ областей жизни. Мнѣ думается, достаточно и приведеннаго для подтвержденья моихъ положеній о необходимости коренной реформы всей постановки школьнаго дѣла въ Россіи. Школьный механизмъ, устарѣвшій уже очень давно, является совершенно не пригоднымъ къ разрѣшенью тѣхъ новыхъ задачъ, какія ставятся современной жизнью въ области образованія. Недостаточной является и та перестройка механизма, которая началась послѣ русско-японской войны и революціи. Малыя дѣла, простыя починки и исправленія, провозглашеніе высокихъ принциповъ и робкіе шаги больше не соотвѣтствуютъ запросамъ времени. Ими не подымешь страны и не дашь могучій толчекъ ея силамъ. Теперь требуется другой размахъ, другіе масштабы. Реформы должны затронуть всѣ части школьной системы, но прежде всего и глубже всего онѣ должны кореннымъ образомъ рѣшить вопросъ объ образованіи народныхъ массъ. Народныя войны современности выдвинули значеніе массъ, ихъ умѣніемъ и энергіей опредѣляется во многомъ экономическій подъемъ, лишь чрезъ нихъ могутъ стать жизненными наши политическія и общественныя учрежденія, отъ ихъ развитія зависитъ степень духовнаго подъема, наконецъ, сами массы, устремившись на борьбу съ внѣшнимъ врагомъ, считаютъ, что онѣ борются и за лучшее свое существованіе по возвращеніи. Вопросъ о народной массѣ постановленъ жизнью на очередь, а вмѣстѣ съ нимъ и вопросъ о созданіи настоящей народной школы.

Чего мы ждемъ въ дѣлѣ просвѣщенія народа? Прежде всего такого количества школъ, чтобы к а ж д ы й могъ получить начальное образованіе, богатый и бѣдный, все рав-

но, живетъ ли онъ въ городѣ или въ деревнѣ, въ центрѣ или на окраинахъ государства. Страна должна быть густо покрыта школами. Лишь при ихъ многочисленности просвѣщеніе можетъ проникнуть въ толпу народа. Но сколько бы ни было настроено школъ, одного ихъ числа еще не достаточно, чтобы вся масса дѣтей школьнаго возраста вошла въ жизнь чрезъ школу. Примѣръ всѣхъ западно-европейскихъ государствъ ясно показываетъ, что единственнымъ средствомъ сдѣлать начальное образованіе всеобщимъ является установленіе принципа о б я з а т е л ь н а г о посѣщенія школы. Это и должно быть осуществлено у насъ, какъ только будетъ устроено достаточное количество школъ. Дальше встаютъ вопросы о продолжительности курса начальной школы, о возрастѣ учащихся, о числѣ дѣтей и отдѣленій на одного учителя, о типахъ народной школы, о стоимости школьныхъ зданій и ихъ оборудованіи, о содержаніи учащихъ, объ организаціи завѣдыванія школой и т. д., и т. д. Это все вопросы первой важности, но разрѣшать ихъ здѣсь, на этихъ страницахъ, въ виду ихъ спеціальности, было бы не мѣсто. Я могу высказать лишь тѣ общіе принципы, которыхъ необходимо держаться при разрѣшеніи этихъ и имъ подобныхъ вопросовъ, и для ихъ иллюстраціи коснусь только немногихъ деталей. Я уже говорилъ, что считаю недостаточнымъ сдѣланное Министерствомъ Нар. Пр. за послѣднее десятилѣтіе въ области народной школы, при посредствѣ Гос. Думы или безъ нея, недостаточнымъ въ виду отсутствія размаха. Но все же подъ именемъ коренной реформы я не разумѣю такую, благодаря которой мы попытались бы сразу въ одинъ пріемъ поднять дѣло народнаго образованія на ту высоту, на которой оно стоитъ въ нѣкоторыхъ западно-европейскихъ странахъ или въ Америкѣ. Такихъ скачковъ въ исторіи не можетъ быть. Коренною для насъ въ настоящій моментъ будетъ такая реформа, которая пошла бы по водораздѣлу между тѣмъ, что намѣчалось правительствомъ въ предыдущее десятилѣтіе, и заграничными образцами, конечно, ближе къ послѣднимъ и при условіи, что за настоящей реформой должна идти вторая, болѣе полная. Уже и это, если только реформа коснется всѣхъ

сторонъ школьнаго дѣла, будетъ полный разрывъ съ прошлымъ.

Для примѣра возьму вопросъ о продолжительности курса начальной школы. Надо сказать открыто, что проектированная школа съ 4 годами обученія можетъ дать очень немного: простую грамотность, счетъ. Что касается до введенія дѣтей въ міръ окружающихъ явленій, то это больше остается въ области мечтаній. Положеніе дѣла немного, но только немного, улучшилось бы, если бы было возможно значительно удлиннить учебный годъ: сейчасъ онъ въ лучшемъ случаѣ равняется 130—140 днямъ. Но въ сельской Россіи этому мѣшаетъ „власть земли", полевыя работы. Поэтому необходимо увеличить число лѣтъ пребыванія въ школѣ. Примѣръ многихъ заграничныхъ государствъ влечетъ остановиться на курсѣ въ 8 лѣтъ. Дѣйствительно, за такой періодъ можно сдѣлать кое-что. Къ сожалѣнію, это былъ бы слишкомъ большой скачекъ. Создать достаточное количество 8-лѣтнихъ школъ, достать для нихъ необходимое число учителей и сразу же сдѣлать всѣ 8 лѣтъ обязательными—о такой реформѣ не можетъ быть и рѣчи. Но шестилѣтняя обязательная школа, хотя и съ большимъ напряженіемъ, осуществима и для Россіи, гдѣ добрая половина дѣтворы еще недавно не проходила никакой школы, а другая обучалась всего 3 года, достичь, чтобы всѣ дѣти въ теченіе 6 лѣтъ обучались хотя бы въ начальной школѣ, было бы большимъ шагомъ впередъ. Подъ этимъ же угломъ должны быть пересмотрѣны и другіе вопросы народной школы. Сейчасъ у насъ нормой для одного учащаго считается 50 дѣтей. Конечно, такая работа требуетъ громаднаго напряженія со стороны учащаго и далеко не всегда продуктивна. Приходится норму понизить. Но до какой цифры? Обыкновенно предлагаютъ за норму 40 дѣтей. Послѣдняя цифра тоже велика, но провести болѣе низкую норму невозможно. Точно такъ же долженъ быть измѣненъ и пресловутый учительскій окладъ въ 360 р. Достойная оцѣнка труда тѣхъ, кому придется сыграть видную роль въ дѣлѣ возрожденія страны! Но вмѣстѣ съ тѣмъ намъ все же не по силамъ провести для начинающихъ учителей оклады въ 600 р., какъ это

практикуется въ значительной части Германіи. Понятно, мы не можемъ сразу покрыть страну и дворцами-школами, какіе можно видѣть въ нѣкоторыхъ заграничныхъ государствахъ, но и съ нашими скромными ассигновками на постройку и оборудованіе школъ мириться тоже не приходится.

Проводя обязательное шестилѣтнее обученіе, мы должны будемъ позаботиться и о подготовкѣ достаточнаго учительскаго персонала. Задача тѣмъ болѣе трудная, что до сихъ поръ правительство мало заботилось о подготовкѣ даже того количества учащихъ, котораго бы хватило для осуществленія скромнаго министерскаго плана всеобщаго обученія, а за послѣднее время въ рядахъ уже работающаго учительства пробита значительная брешь благодаря призыву на войну болѣе 30.000 народныхъ учителей, изъ которыхъ вернутся въ школу далеко не всѣ. Но такъ какъ введеніе всеобщаго обязательнаго обученія можетъ производиться лишь постепенно, для подготовки учительскаго персонала время пока есть. Поэтому необходимо какъ можно скорѣе приступить къ устройству многочисленныхъ новыхъ учительскихъ институтовъ, учительскихъ семинарій и постоянныхъ курсовъ для подготовки учителей. Благодаря послѣднимъ, къ преподаванію въ народной школѣ могутъ быть привлечены окончившіе общеобразовательныя средне-учебныя заведенія. Но такъ какъ при этомъ можетъ быть усиленно использованъ женскій трудъ, въ учительской средѣ получатъ окончательное преобладаніе учительницы надъ учителями, явленіе, за послѣдніе годы вполнѣ намѣтившееся у насъ и такъ знакомое по Сѣверо-Американскимъ Штатамъ.

На ряду съ открытіемъ новыхъ начальныхъ школъ, съ удлиненіемъ курса и съ проведеніемъ въ жизнь принципа обязательности школы для всѣхъ дѣтей школьнаго возраста должна быть проведена и внутренняя реформа начальной школы. Недостаточно настроить школъ, насадить учителей и наполнить школу учащимися. Останется еще важный вопросъ: чему и какъ учить. При старомъ содержаніи курса трудно возрождать страну. Между тѣмъ этого не понимали или не хотѣли понять тѣ, кто вѣдалъ школу въ истекшемъ десятилѣтіи. Стоя на порогѣ всеоб-

щаго обязательнаго обученія пора разъ навсегда усвоить положеніе, что народная школа есть школа общеобразовательная, и прекратить всѣ поползновенія обратить ее во что-то узко-профессіональное или въ орудіе церковности. Церковно-приходской школѣ не должно быть мѣста въ современныхъ школьныхъ сѣтяхъ. Вмѣстѣ съ подъемомъ уровня народной школы, должно измѣниться и ея мѣсто во всей школьной системѣ страны. Сейчасъ она стоитъ совсѣмъ осябнякомъ, такъ какъ она—школа для несостоятельныхъ классовъ. Ея программа не согласована съ программой средней школы, изъ нея туда нѣтъ выхода, а слѣдовательно и въ школу высшую. Она—тупикъ для учащихся въ ней. Еще изъ высшей начальной школы возможенъ кое-какой переходъ, но онъ тоже сильно затрудненъ. У насъ нѣтъ той единой школы въ видѣ ряда послѣдовательныхъ, строющихся другъ на другѣ ступеней отъ начальной школы до университета, о которой, начиная съ Амоса Коменскаго, мечтали всѣ великіе педагоги и за которую такъ энергично высказывается современная педагогика. Такая единая школьная система, въ которой начальная школа служитъ фундаментомъ для средней и, за отсутствіемъ у послѣдней младшихъ классовъ, посѣщается дѣтьми всѣхъ сословій, давно уже существуетъ въ Сѣверо-Американскихъ Шгатахъ и съ нѣкоторыми измѣненіями проведена въ нѣсколькихъ европейскихъ государствахъ. Она же должна быть создана и у насъ. Въ этомъ я вижу большой залогъ успѣха въ дѣлѣ развитія внѣшнихъ и внутреннихъ силъ страны. Изъ кого сейчасъ рекрутируются тѣ, кто въ разныхъ областяхъ жизни являются руководителями, все равно на какихъ роляхъ? Главнымъ образомъ изъ круговъ, которые могутъ отдавать своихъ дѣтей въ среднеучебныя заведенія и благодаря этому доводить ихъ до школы высшей. Не талантъ, а деньги прокладываютъ путь въ руководящіе верхи. Единая же школа должна открыть дорогу для талантовъ изъ народа. Это не только актъ справедливости по отношенію къ нимъ, но требуется интересами самого же государства. Талантъ—національная собственность, національный капиталъ. Пройдя не только школу начальную, но среднюю и не рѣдко высшую, многочислен-

ныя дарованія изъ народныхъ массъ получатъ возможность развиться, чтобы потомъ опять вернуться къ землѣ, но уже съ богатымъ запасомъ знаній, или своимъ массовымъ приливомъ усилить и освѣжить верхи. Такая демократизація чрезъ школу нерѣдко прежде вызывала возраженія со стороны круговъ, имѣвшихъ монополію проводить своихъ дѣтей чрезъ среднія и высшія учебныя заведенія. Въ обстановкѣ настоящихъ событій эти возраженія должны замолкнуть. Тѣ, кто позванъ умирать въ борьбѣ за свою страну, въ правѣ разсчитывать, что ихъ дѣти могутъ подняться по ступенькамъ соціальной лѣстницы.

Однако результаты намѣченныхъ реформъ могутъ сказаться не скоро. Пройдетъ около десятилѣтія, пока всеобщая школьная повинность будетъ фактически осуществлена, а потомъ еще рядъ лѣтъ, пока прошедшія черезъ школу поколѣнія станутъ дѣйствительными работниками страны. Въ ближайшіе же годы дѣлать исторію будутъ тѣ, кто не былъ въ школѣ или проходилъ нашу знаменитую одноклассную школу съ тремя годами обученія. На ихъ долю придется залѣчивать глубокія раны отъ войны и дѣлать первыя усилія, чтобы мощно двинуть впередъ страну. Тяжелая, отвѣтственная работа легла на мало подготовленныя къ ней массы. Предъ нами новая громадная задача,—насколько еще возможно, поправить дѣло, постараться развить внутреннія силы у взрослыхъ, разъ этого не было сдѣлано въ ихъ молодые годы, или пополнить ихъ знанія, вынесенныя изъ убогой школы. Поэтому на ряду съ организаціей начальной школы усиленнѣйшее вниманіе правительства и органовъ мѣстнаго самоуправленія должно быть направлено на постановку такъ называемаго внѣшкольнаго образованія. Вечерніе и воскресные классы для взрослыхъ, гдѣ бы просто учили грамотности и давали начатки знаній. Курсы по самымъ разнообразнымъ спеціальностямъ и лекціи, при посредствѣ которыхъ удовлетворялись индивидуальные духовные зопросы, давалась подготовка къ отдѣльнымъ профессіямъ или просто давалось общее образованіе. Библіотеки—для самообразованія массъ, и иногда лишь для простого поддержанія интереса къ знанію у получившихъ хотя-бы какое-нибудь образованіе. Музеи. Всѣми

этими учрежденіями страна должна быть покрыта такъ же густо, какъ школами. Подобно школьнымъ сѣтямъ, должны быть разработаны сѣти по внѣшкольному образованію и должны быть въ большомъ количествѣ организованы центры послѣдняго — народные дома. Работы въ этой области будутъ имѣть значеніе не только для настоящихъ поколѣній, но и для подростающихъ. Шестилѣтняя обязательная школа тоже не можетъ дѣлать чудесъ и лишь въ соединеніи съ хорошо разработанной сѣтью внѣшкольнаго образованія будетъ въ состояніи поднять духовный уровень массъ. Къ сожалѣнію, для созданія учрежденій по внѣшкольному образованію до сихъ поръ сдѣлано крайне мало. Этимъ вопросомъ правительство не занималось вовсе — какъ же иначе опредѣлить его отношеніе, если даже въ смѣтѣ М. Н. Пр. на 1914 г. на всю эту колоссальную область отпущено лишь 78.964 р.?—земства и города кое-что организовали, но въ общемъ тоже мало и безъ какой-либо планомѣрности въ работахъ.

Попробую перевести намѣченныя реформы на реальный языкъ цифръ, чтобы стало ясно, какихъ матеріальныхъ жертвъ потребуетъ отъ страны ихъ осуществленіе. Въ 1910 г. комиссія Гос. Думы по народному образованію подвела итоги, во что могло бы обойтись проведеніе всеобщаго начальнаго обученія, если исходить изъ 4-лѣтняго курса, нормы въ 50 дѣтей на одного учителя, учительскаго оклада въ 360 р., скромныхъ, подробно вычисленныхъ въ проектѣ ассигновокъ на постройку школьныхъ зданій и ихъ оборудованіе и изъ числа дѣтей соотвѣтственнаго школьнаго возраста (8, 9, 10, 11 лѣтъ), какое было въ этомъ же году. Получились слѣдующія цифры. Единовременный расходъ, т.-е. постройка школьныхъ зданій и ихъ оборудованіе, — около 440 милліоновъ рублей. Постоянный расходъ, т.-е. содержаніе учащихъ и хозяйственное содержаніе школъ, — около 160 милліоновъ въ годъ. На подготовку учащихъ около 5 милліоновъ. При нашихъ же заданіяхъ, т.-е. при 6-тилѣтнемъ курсѣ школы, при уменьшеніи числа дѣтей на одного учителя и при значительномъ повышеніи какъ учительскихъ окладовъ, такъ и ассигновокъ на постройку и оборудованіе школьныхъ зданій,

цифры сильно возрастутъ, тѣкъ болѣе что необходимо принять въ разсчетъ приростъ населенія, а слѣдовательно и дѣтей школьнаго возраста къ моменту введенія всеобщаго обученія. Единовременные расходы на начальную школу и внѣшкольное образованіе выразились бы суммой, приблизительно, нѣсколько большей милліарда, а постоянные расходы должны были бы тоже болѣе, чѣмъ удвоиться. Можно ли требовать отъ страны такихъ громадныхъ жертвъ? Думаю, не только можно, но и должно. Когда нужно создать новый флотъ, государство не останавливается передъ большими и малыми программами въ сотни милліоновъ рублей. Когда нужны новыя желѣзныя дороги, государство даетъ тоже сотни милліоновъ. Ради отрезвленія страны нашли возможнымъ даже въ критическій моментъ войны отказаться отъ винной монополіи и однимъ росчеркомъ пера изъять изъ государственныхъ доходовъ до 700 милліоновъ рублей. Какъ же не найтись у страны денегъ, когда необходима реорганизація всего образованія народныхъ массъ? То, что будетъ не додано на школу, вызоветъ куда большій перерасходъ во время войны и во много разъ большія потери при накопленіи народныхъ богатствъ. Поэтому и фельдмаршалъ Мольтке въ Германіи и фельдмаршалъ Милютинъ у насъ считали дѣло народнаго образованія „своимъ дѣломъ“ и за него такъ энергично стоятъ фабричные короли запада. Конечно, матеріальныя жертвы требуются очень крупныя, но какъ же иначе нагнать упущенное за долгіе годы? Расходы падутъ не на одну государственную казну, но вмѣстѣ съ государствомъ ихъ раздѣлятъ земства и города. Вмѣстѣ съ тѣмъ милліардный единовременный расходъ можетъ быть распредѣленъ на рядъ лѣтъ и по крайней мѣрѣ часть его будетъ возможно покрыть путемъ займа, благодаря чему часть этихъ основныхъ расходовъ будетъ перенесена на будущихъ плательщиковъ, которымъ тоже еще придется пользоваться созданнымъ въ настоящій періодъ. Да и вообще, какими бы крупными намъ не казались приведенныя выше суммы, все же, и по осуществленію этой школьной программы, расходовъ по образованію народныхъ массъ у насъ на одного жителя будетъ меньше, чѣмъ во многихъ заграничныхъ государствахъ.

Кореннымъ образомъ реформируя постановку начальнаго и внѣшкольнаго образованія, государство разрѣшитъ громадную задачу, выдвинутую настоящимъ моментомъ: распространить духовную культуру на массы. Но одновременно съ распространеніемъ начальнаго образованія въ массахъ должна идти и болѣе глубокая подготовка тѣхъ элементовъ націи, которые займутъ въ будущемъ болѣе или менѣе отвѣтственные посты. Во всѣхъ областяхъ жизни должны быть лица, которыя бы руководили работой, выясняли пути, звали, показывали примѣръ. Отъ ихъ количества и качества зависитъ тоже многое въ дѣлѣ развитія внѣшнихъ и внутреннихъ силъ страны. Ставя вопросъ о подготовкѣ этихъ кадровъ, мы вступаемъ тѣмъ самымъ въ область средней и высшей школы. Хотя обѣ эти школы возникли гораздо раньше начальной и всегда привлекали къ себѣ со стороны правящихъ классовъ гораздо больше интереса, но и эта область нуждается въ полной реформѣ въ ближайшіе же годы. То, что существуетъ, не въ состояніи удовлетворять новымъ запросамъ времени.

Въ области средняго образованія прежде всего бросается въ глаза тотъ же недостатокъ, что и въ области образованія начальнаго. Мало школъ. Даже теперь, когда образовательный уровень массъ такъ низокъ, въ среднюю школу не могутъ поступить всѣ желающіе и имѣющіе на то по своимъ познаніямъ право. Каждый годъ тысячи дѣтей тщетно пробуютъ въ экзаменаціонную пору проникнуть за двери средней школы. Что же должно быть, когда всеобщее обязательное обученіе пробудитъ интересъ къ знанію во всѣхъ слояхъ населенія и будетъ организована связь между начальной и средней школой? Между тѣмъ въ интересахъ самого же государства пойти на встрѣчу запросамъ населенія на среднее образованіе, такъ какъ у насъ по сравненію съ другими странами процентъ лицъ со среднимъ образованіемъ очень не значителенъ и тамъ, гдѣ за границей работаютъ бывшіе питомцы средней школы, у насъ все еще довольствуются окончившими начальную. Необходимость въ открытіи среднихъ школъ очевидна, но необходимо и здѣсь, при удовлетвореніи этой потребности, дѣйствовать планомѣрно, подробно разработавъ особую

школьную сѣть въ связи съ сѣтью начальныхъ школъ и устраивая среднія школы дѣйствительно въ центральныхъ пунктахъ. На ряду съ городской средней школой должно быть сильно увеличено число сельскихъ средне-учебныхъ заведеній, что облегчало бы для крестьянской семьи возможность отдавать дѣтей въ среднюю школу и въ то же время не вырывало бы послѣднихъ изъ народной обстановки. Вмѣстѣ съ тѣмъ необходимо позаботиться, чтобы матеріальный вопросъ не служилъ препятствіемъ для прохожденія хотя бы частью дѣтей изъ народа средней школы. Самымъ радикальнымъ разрѣшеніемъ вопроса было бы распространеніе и на среднюю школу принципа безплатности, что уже давно практикуется въ Сѣверо-Американскихъ Штатахъ, или практика Англіи, гдѣ 25% всѣхъ вакансій въ общественныхъ среднихъ школахъ предоставляются безплатно для поступающихъ изъ народной школы и родители такихъ учениковъ нерѣдко получаютъ денежныя пособія не только на учебники, но и для возмѣщенія убытковъ, какіе семья несетъ, посылая своего члена не на работу, а въ школу.

Однако, простымъ увеличеніемъ числа средне-учебныхъ заведеній и ихъ демократизаціей вопросъ объ измѣненіяхъ въ области средней школы исчерпанъ быть не можетъ. Въ обстановкѣ настоящаго момента еще необходимѣе, чѣмъ прежде, становится полный пересмотръ всего содержанія средняго образованія, даваемаго школой, а слѣдовательно и разрѣшенія давнишняго спора о значеніи классицизма и реализма. Въ этомъ отношеніи у насъ школа и жизнь давно уже разошлись. Наша классическая школа, или правильнѣе говоря, школа латинская, все еще сохраняетъ монополію на подготовку къ университету, отчего лишь ея питомцы впослѣдствіи получаютъ возможность занимать руководящіе посты въ большинствѣ областей жизни. Чиновники почти всѣхъ вѣдомствъ, судьи, адвокаты, врачи, учителя, священники, и пр. — всѣ по своему образованію классики или латинисты. Но отдаваясь въ средней школѣ изученію античности, они не имѣли времени ближе познакомиться съ настоящимъ, съ культурой своего народа и народовъ сосѣднихъ, а также и съ тѣми

естественно-математическими дисциплинами, приложеньемъ которыхъ особенно много опредѣляется въ современной экономической жизни. А вѣдь они призваны руководить, судить, учить въ области настоящаго, въ эпоху, когда ни одинъ народъ не стоитъ одиноко, но всѣ связаны между собою безконечными видимыми и невидимыми нитями, когда культура сосѣдей оказываетъ громадное вліяніе на нашу и обратно, когда техника играетъ такую видную роль! Результаты такой неподготовленности руководителей къ жизни чувствовались всегда, но особенно этотъ разладъ долженъ дать себя знать теперь, когда, казалось бы, каждый долженъ быть на своемъ мѣстѣ, каждый долженъ знать свое дѣло, чтобы можно было развить максимумъ энергіи въ дѣлѣ возсозданья страны. Въ Германіи, Франціи и Англіи, гдѣ классическія традиціи въ средней школѣ были особенно сильны, такъ какъ сама-то эта школа вѣками жила классицизмомъ, такому разладу между школой и жизнью уже положенъ конецъ, путемъ признанія за реальнымъ образованьемъ такого же значенія, какъ и за классическимъ, а мы, у которыхъ классицизмъ и особенно латинизмъ были явленьемъ наноснымъ и насаждены-то были въ среднюю школу подъ вліяніемъ той-же Германіи, держимся за него съ необыкновеннымъ упорствомъ, какъ за драгоцѣннѣйшую національную собственность. Пора, наконецъ, и у насъ, поставивъ, какъ слѣдуетъ, реальную школу, сравнять ее въ правахъ съ классическою, а въ той и другой особенное вниманіе обратить на настоящее. Тогда не только создадутся кадры воспитанныхъ на изученіи современнаго руководителей, но можетъ подняться и продуктивность школьной работы. Кто сейчасъ учится въ нашей классической средней школѣ? Не только тѣ, кто по своимъ индивидуальнымъ наклонностямъ интересуются античностью, но и дѣти, у которыхъ особенности классической школы вызываютъ лишь отвращенье или которые прямо не способны къ работѣ здѣсь. Ихъ послали сюда родители, такъ какъ лишь классическая школа открываетъ всѣ двери. Но при такихъ условіяхъ объ ихъ внутреннемъ развитіи чрезъ школу или о пробужденіи у нихъ интереса къ знанію какая можетъ быть рѣчь! Часто имъ приходится до

окончанія оставлять школу. Между тѣмъ въ другой обстановкѣ, на другомъ матеріалѣ многіе изъ нихъ успѣшно могли бы работать. Такъ остаются втуне и таланты и среднія дарованія въ то время, когда каждый человѣкъ цѣнность для государства.

Въ связи съ реформой всей школьной системы, неизбѣжно долженъ быть произведенъ и рядъ измѣненій въ положеніи высшей школы. И здѣсь прежде всего бросается въ глаза все тотъ же недостатокъ, что и въ области начальной и средней школы. У насъ относительно мало лицъ съ высшимъ образованіемъ—а вѣдь спросъ на нихъ долженъ сильно подняться, если начнется усиленное развитіе страны—мало высшихъ школъ. Не думали объ увеличеніи ихъ числа даже въ истекшее десятилѣтіе. Наглядным показателемъ отсутствія интереса къ этой области является бюджетъ Министерства Нар. Пр. Въ 1907 г. при общихъ расходахъ въ 46 милл. руб. на высшую школу расходовалось 6.959. 254 р. и въ 1914 г. при 162 милліонахъ общихъ расходовъ—только 8.093.489. Относительный ростъ расходовъ очень небольшой. Между тѣмъ за послѣднія десять лѣтъ потребность въ высшемъ образованіи сильно возросла, о чемъ говоритъ значительное число открывшихся частныхъ высшихъ школъ. Но въ надлежащей мѣрѣ удовлетворить эту потребность частныя школы не могли, нерѣдко являясь не достаточно хорошо оборудованными. Поэтому открытіе въ ближайшіе же годы нѣсколькихъ высшихъ школъ и постепенное увеличеніе ихъ числа по мѣрѣ того, какъ будутъ сказываться результаты открытія многочисленныхъ средне-учебныхъ заведеній, становится очередной задачей. Такія многочисленныя школы не только увеличатъ кадры имѣющихъ высшее образованіе, но и будутъ содѣйствовать непосредственному оживленію страны. При достаточномъ ихъ количествѣ у молодежи не будетъ необходимости сосредоточиваться исключительно въ столицахъ, особенно, если за учащимися будетъ признано, какъ это и практикуется въ Германіи, право изъ своего университета на одинъ или нѣсколько семестровъ переводиться въ другіе для работъ подъ руководствомъ тамошнихъ знаменитостей, и тѣмъ самымъ бу-

детъ положенъ предѣлъ массовому отливу мѣстныхъ силъ къ центрамъ. Въ то же время сами высшія школы на мѣстахъ обратятся въ очаги духовной культуры, около которыхъ должна будетъ концентрироваться областная духовная жизнь. Но зато сами высшія учебныя заведенія, столичныя и провинціальныя, общія и спеціальныя, въ связи съ новыми требованіями времени, должны будутъ нѣсколько расширить кругъ своей дѣятельности. До сихъ поръ они работали лишь на молодежь, которая приходила сюда, чтобы въ регулярныхъ занятіяхъ провести конецъ своихъ учебныхъ лѣтъ. Теперь же высшая школа должна больше приблизиться къ самому обществу и внести свою долю не только въ будущій, но и въ настоящій подъемъ страны. Часть лекцій должна быть безусловно открыта для всѣхъ желающихъ, какъ это въ старое время было у насъ и практикуется сейчасъ во Франціи. Такую систематическую работу высшей школы не замѣнитъ участіе отдѣльныхъ профессоровъ и приватъ-доцентовъ въ народныхъ университетахъ. Сами высшія школы со своими десятилѣтіями накопленными традиціями и богатствами должны широко открыть свои двери предъ обществомъ. Но въ средѣ послѣдняго есть не только желающіе прослушать двѣ—три лекціи въ недѣлю. Есть много такихъ, которые въ свое время не могли пройти чрезъ высшую школу, не могутъ и сейчасъ, такъ какъ днемъ заняты работой. Для нихъ должны быть тоже организованы высшею школой регулярныя занятія, но занятія вечеромъ, какъ это нерѣдко дѣлается англійскими университетами. Тогда наша высшая школа станетъ не только подготовлять работниковъ будущаго, но и вліять на тѣхъ, кто уже дѣйствуетъ сейчасъ.

На предыдущихъ страницахъ я намѣтилъ, къ чему необходимо стремиться, когда въ связи съ задачами, выдвинутыми настоящей войной, государству придется взяться за реформу школы. Но въ бѣгломъ очеркѣ я пока сознательно не коснулся нѣсколькихъ большихъ вопросовъ, чтобы разобрать ихъ по отношенію не къ отдѣльнымъ ступенямъ школьной системы, но ко всей школѣ. Такимъ прежде всего является вопросъ объ управленіи школой. Можно покрыть страну сотнями тысячъ начальныхъ

школъ, сотнями среднихъ и десятками высшихъ, можно тратить на это милліоны и милліоны, но все же школа не будетъ оправдывать возложенныхъ на нее ожиданій и приносить максимумъ пользы. Дѣло не только въ милліонахъ, но и въ умѣніи тѣхъ, кто долженъ руководить этимъ колоссальнымъ организмомъ, въ царящемъ тамъ духѣ. Жизнь знаетъ двѣ системы веденія школы. Сосредоточеніе всего завѣдыванія въ центрѣ, примѣромъ чему служитъ школьная организація Франціи, и болѣе или менѣе полная децентрализація школьнаго дѣла, проведенная, напр., въ Англіи, Германіи и Соединенныхъ Штатахъ. Какая изъ нихъ можетъ быть особенно желательной при нашихъ настоящихъ условіяхъ? Думаю, не централизація. Имѣя дѣло съ такимъ чуткимъ, живымъ матеріаломъ, какъ дѣти и юношество, школа должна особенно тѣсно слиться съ мѣстною жизнью, изъ которой они пришли въ классы, съ мѣстною обстановкой, условіями. Съ этими же условіями она должна считаться такъ же и потому, что прежде всего она обслуживаетъ данное населеніе. Поэтому она должна быть какъ бы подогнана по жизни извѣстнаго района. Особенно, когда государство обязываетъ всѣхъ дѣтей проходить чрезъ свою школу. Государство, раскинувшееся на безпредѣльное пространство, съ безконечнымъ разнообразіемъ климатическихъ условій, съ пестрымъ этнографическимъ составомъ, съ десятками милліоновъ населенія не въ состояніи учесть издали всѣ мѣстныя особенности и не въ правѣ постановку школьнаго дѣла всюду подгонять подъ одну линію. Даже если бы правительство попыталось на мѣстахъ организовать и вести школу при посредствѣ присланныхъ туда агентовъ съ большими полномочіями, это немного улучшило бы положеніе дѣлъ. Присланный агентъ не будетъ такъ въ курсѣ мѣстныхъ потребностей и мѣстныхъ условій, какъ само мѣстное общество. Да и вообще тогда школа не будетъ считаться населеніемъ своей, послѣднее не проявить той массы заботъ и интереса, которая необходима для процвѣтанья школы.

Въ нашемъ прошломъ уже намѣтился путь для развитія нашей школы. Это путь децентрализаціи. Если у насъ есть хотя бы какая-нибудь начальная школа, если, не смот-

ря на монополію классической школы, создалась реальная и женское среднее образованіе не осталось забытымъ, этимъ мы обязаны земскому и городскому самоуправленію. Тѣмъ же путемъ намъ слѣдуетъ идти и дальше. Въ тяжелую годину войны, когда на государство всею тяжестью обрушилась забота о семьяхъ милліоновъ запасныхъ, о сотняхъ тысячъ раненыхъ и о продовольствіи милліонныхъ армій, къ работѣ были широко привлечены органы мѣстнаго самоуправленія и общество. Государство поняло, что оно не можетъ и не должно сосредоточивать всю грандіозную работу на своихъ рукахъ. Такъ же должно поступить государство и тогда, когда послѣ войны странѣ придется поднять новое грандіозное дѣло—просвѣщенье массъ. Оно должно лишь опредѣлять общія основныя нормы постановки школы, имѣть контроль за ихъ правильнымъ примѣненіемъ, непосредственное же завѣдываніе школами должно быть передано самимъ мѣстнымъ обществамъ. Но школьное дѣло должно не только перейти въ вѣдѣніе органовъ мѣстнаго самоуправленія, каждая школа въ отдѣльности должна особенно тѣсно связаться съ маленькими мѣстными мірками, которые ею обслуживаются, связаться путемъ участія населенія въ попечительныхъ совѣтахъ при школахъ и путемъ родительскихъ организацій. Изъ вѣдѣнія мѣстнаго самоуправленія должна быть исключена высшая школа, но и то, какъ автономная единица. Въ результатѣ такого перехода школъ въ вѣдѣніе органовъ самоуправленія окажется необходимой реорганизовать и матеріальную сторону дѣла. На самоуправленіе, главнымъ образомъ, ляжетъ тяжесть по содержанію школы, для чего могъ бы быть введенъ особый школьный налогъ или необходимыя средства были бы получены путемъ общей реформы финансовъ земствъ и городовъ. Но пока этого нѣтъ, и главная масса доходовъ попрежнему поступаетъ въ государственную казну, деньги на содержаніе школъ должны передаваться изъ послѣдней въ мѣстныя кассы, лишь на условіи контроля со стороны государства, какъ это практикуется въ Англіи. Впрочемъ, на государствѣ всегда останется обязанность приходить на помощь мало состоятельнымъ мѣстнымъ обществамъ. Рядомъ съ общественными

школами крайне желательны и школы частныя. При усиленной работѣ педагогической мысли, чѣмъ всегда знаменуется періодъ школьнаго строительства, частныя школы явятся опытными полями для испытанія на практикѣ ноныхъ идей прежде, чѣмъ въ широкихъ размѣрахъ примѣнять ихъ къ школамъ общественнымъ.

Но и послѣ передачи завѣдыванія школой на мѣста, детальная регламентація дѣятельности ближайшихъ работниковъ школы, учительскаго персонала, со стороны даже мѣстныхъ властей будетъ нежелательной. Для преподаванія и воспитанія, какъ и для всей вообще области индивидуальнаго творчества, подобная опека съ чьей бы то нибыло стороны — насиліе. Педагогу должны быть указаны опредѣленныя задачи, результаты его работы подлежатъ контролю, но въ остальномъ онъ свободенъ. Только тогда онъ сможетъ развернуть всѣ свои силы. Въ соотвѣтствіи съ этимъ должно быть организовано и ближайшее завѣдываніе школами. Въ каждой школѣ оно должно быть передано педагогической коллегіи, надѣленной большими правами, а кромѣ того представители учащихъ должны участвовать во всѣхъ учрежденіяхъ, центральныхъ и мѣстныхъ, завѣдующихъ школой. Такое освобожденіе съ особою полнотой необходимо провести по отношенію къ школѣ высшей. Въ области науки и научной подготовки молодежи рѣшающій голосъ можетъ принадлежать лишь работающей здѣсь ученой коллегіи, какъ единственно компетентному въ вопросахъ высшаго образованія учрежденію. Высшая школа должна быть автономной и только эта автономность можетъ гарантировать расцвѣтъ высшаго образованія. Тогда здѣсь смогутъ работать крупныя силы и сама школа будетъ привлекать массы учащихся.

Другою громадною проблемой, разрѣшить которую въ ближайшіе годы тоже окажется необходимой, является *національная*. Она всегда стояла остро у насъ, но война выдвинула ее еще больше впередъ и освѣтила по новому. Въ этомъ отношеніи особенно знаменательны слова воззванія Верховнаго Главнокомандующаго къ полякамъ и къ народамъ Австро-Венгріи, которыми во многомъ долженъ предопредѣляться дальнѣйшій ходъ событій. Школа попреж-

нему должна имѣть въ виду общія задачи государства и въ силу этого учить государственному языку. Но разъ необходимо развитіе всей страны, а господствующая національность составляетъ не больше половины населенія, предъ школой встаетъ еще и другая задача: содѣйствовать развитію отдѣльныхъ національностей, сплотившихся въ одно великое цѣлое. При разрѣшеніи этой задачи на первый планъ выступаетъ вопросъ о преподаваніи на родномъ языкѣ. Безъ этого поднять духовный уровень массъ у отдѣльныхъ національностей нѣтъ ни малѣйшей возможности. Развивать ребенка и передавать ему знанія на совершенно чуждомъ для него языкѣ вмѣсто того, чтобы просто исходить изъ давно знакомыхъ ему словъ и понятій, чуть ли ни съ первыхъ дней ученья тратить массу времени на изученье чужого языка—значитъ совершенно не понимать основныхъ требованій педагогики. Быстраго развитія ребенка при такихъ условіяхъ не можетъ быть, да и сама школьная работа обращается въ сплошное мученіе для маленькаго школьника. Вмѣстѣ съ тѣмъ изученіе языка даетъ ключъ для пониманія мѣстной культуры и орудіе для дальнѣйшаго развитія послѣдней въ будущемъ. Эта сторона дѣла имѣетъ тѣмъ больше значенія, что въ связи съ развитіемъ національностей на школу падаетъ обязанность вводитъ въ изученіе мѣстной національной культуры и содѣйствовать ея подъему. Ближайшимъ образомъ послѣдняя задача должна будетъ осуществляться высшей школой края. Такъ какъ для государства въ дѣлѣ реформы всѣхъ областей жизни необходимо напряженіе и использованіе всѣхъ силъ, какія-либо ограниченія національностей при полученіи образованія въ общихъ школахъ должны пасть. Всякія процентныя нормы, не говоря уже о томъ, что онѣ противорѣчатъ элементарнымъ требованіямъ справедливости, не цѣлесообразны.

Мнѣ осталось коснуться еще одной стороны школьнаго дѣла—методовъ преподаванія и воспитанія. Казалось бы, что въ этой области едва-ли могутъ какъ-нибудь сказаться происходящія событія, а между тѣмъ она не менѣе другихъ подвержена ихъ вліянію. Въ зависимости отъ тѣхъ или иныхъ задачъ эпохи опредѣляются задачи

школы, а въ зависимости отъ послѣднихъ тѣ или иные методы. Въ свою очередь характеръ преподаванія и воспитанія накладываетъ сильный отпечатокъ на проходящія чрезъ школу поколѣнія. Школа и жизнь, жизнь и школа тѣсно переплелись во всѣхъ своихъ частяхъ. Поэтому и теперь новая жизнь, новыя задачи должны оказать большое вліяніе на ту борьбу теченій въ области методовъ, какая уже довольно давно ведется у насъ и за границей. Наиболѣе крупными являются два теченія. Одно, нашедшее свое наиболѣе полное выраженіе въ старой нѣмецкой педагогикѣ, ставитъ задачею школы — просто передать, внѣдрить въ учащихся знанія, при чемъ послѣднее нерѣдко производится довольно механически. Учащіеся слушаютъ или читаютъ и запоминаютъ. У нихъ развивается лишь пассивная воля. Другое теченіе, особенно ярко проявившееся у народовъ англо-саксонской расы, въ Сѣверо-Американскихъ Штатахъ и въ Англіи, совершенно иначе формулируетъ задачу школы: школа не должна гнаться за массой знаній, но должна прежде всего содѣйствовать наивозможно большему развитію духовныхъ и тѣлесныхъ силъ учащихся. Пусть они сами пріучаются вглядываться и вслушиваться въ происходящее, развивая свою способность воспринимать, а не довольствуются лишь усвоеніемъ переданнаго другими. Пусть сами перерабатываютъ воспринятое, а не заучиваютъ готовые выводы. А главное пусть пріучаются выявлять себя, реагировать. Тогда у учащихся разовьется самодѣятельность, активная воля. Наша оффиціальная педагогика всецѣло придерживалась первой системы и только въ этомъ направленіи допускалась работа въ школѣ, наши педагогическіе круги, особенно за послѣднее десятилѣтіе, стали сильно склоняться ко второй системѣ. Чѣмъ же должна быть наша школа въ ближайшіе годы? Остаться школой учебы или обратиться въ школу дѣйствія? Думаю, задачами момента путь предопредѣленъ. Сейчасъ, на войнѣ и въ мирѣ, есть и будетъ громадная потребность въ людяхъ сильныхъ, активныхъ, умѣющихъ дѣйствовать. При такихъ условіяхъ натуры пассивныя, преданныя лишь созерцанію,—не цѣнность. Ими не поднять Россіи и не довести ея мощи до полнаго развитія. Поэтому

будущая школа должна быть школою дѣйствія Въ этомъ направленіи, несомнѣнно, будутъ произведены значительныя измѣненія въ школьномъ дѣлѣ за границей, проявленію этого же теченія долженъ быть открытъ широкій просторъ и у насъ...

Война пріостановила ходъ внутренняго развитія нашей страны, сконцентрировавъ все вниманіе на одномъ пунктѣ. Когда она кончится, работа не можетъ свестись къ простому возобновленію прерваннаго. Мы вернемся иными и иныя будутъ задачи. Я набросалъ, какихъ перемѣнъ мы ждемъ отъ войны въ области школы. Несмотря на бѣглый очеркъ, получилась сложная программа. Но когда и въ какой мѣрѣ она будетъ осуществлена? Отвѣтить на эти вопросы было бы крайне трудно. Для меня нѣтъ сомнѣнія, что при старой школѣ мы остаться не можемъ. Если бы даже мы сами не подумали о реформѣ, побудитъ къ этому примѣръ нашихъ сосѣдей. Для меня ясно и то направленіе, въ которомъ пойдетъ работа. Но когда? Конечно, не въ первый же годъ мира. Тогда, какъ и вовремя войны, придется заботиться лишь о томъ, чтобы не слишкомъ было урѣзано намѣченное еще до войны. Что же касается до размѣровъ школьной реформы, то они будутъ зависѣть отъ того, какой вообще характеръ приметъ жизнь послѣ войны и насколько окажется усвоеннымъ широкими кругами взглядъ на школу, какъ на силу, оказывающую большое вліяніе на всѣ стороны жизни. Не берусь на этихъ страницахъ строить гипотезы, особенно объ общемъ движеніи. Но только знаю одно. Безсчетныя жертвы настоящей войны будутъ искуплены лишь въ томъ случаѣ, если съ наступленіемъ мира, страна мощно возродится къ новой жизни, а вмѣстѣ съ тѣмъ новая жизнь наступитъ и въ школѣ.

С. *Знаменскій.*

ВОЙНА И ЗДОРОВЬЕ НАСЕЛЕНІЯ РОССІИ

В. М. Бехтерева.

Опредѣлить хотя бы съ приблизительной точностью убыль населенія вслѣдствіе потери въ бояхъ, въ теченіе текущей войны, само собою разумѣется, нѣтъ никакой возможности до окончанія самой войны.

Нѣкоторое, правда, весьма отдаленное представленіе о боевыхъ потеряхъ въ настоящей войнѣ можно себѣ составить по тому, что въ прошлую японскую войну при участіи съ нашей стороны въ бояхъ 10.721 офицеровъ и 529.013 нижнихъ чиновъ въ общемъ составѣ милліонной арміи, подвозимой къ тому же въ теченіи цѣлаго года, потери въ бояхъ убитыми достигли въ средѣ офицеровъ 841, — нижнихъ чиновъ 24.003, ранеными и контуженными въ средѣ офицеровъ 4.228,—нижнихъ чиновъ 142.291 и плѣнными въ средѣ офицеровъ 975 и нижнихъ чиновъ 58.243. При этомъ число раненыхъ военно-плѣнныхъ, повидимому, должно считаться около 16 тысячъ, не включая сюда раненыхъ и больныхъ, лежавшихъ въ госпиталяхъ въ Портъ-Артурѣ въ періодъ взятія этой крѣпости [1]).

Если имѣть въ виду, что настоящая война требуетъ на театрѣ военныхъ дѣйствій по крайней мѣрѣ въ пять-шесть разъ большаго количества войска, то съ нѣкоторымъ приближеніемъ можно вычислить размѣры ожидае-

---

[1]) См. Война съ Японіей 1904—1905. Санитарно-статистическій отчетъ. Петроградъ, 1914. Стр. 49.

мыхъ потерь, въ предположеніи, что настоящая война затянется въ общей сложности (до наступленія мирнаго времени) около одного года, каковой срокъ по развитію военныхъ дѣйствій можно признать весьма правдоподобнымъ.

Нечего говорить, что наша страна, какъ одна изъ главныхъ участницъ борьбы, потеряетъ массу людей изъ войскового состава убитыми и искалѣченными, изъ которыхъ послѣдніе должны быть причислены также въ большинствѣ случаевъ къ потеряннымъ для страны личностямъ, въ виду отсутствія или уменьшенія до minimum'а ихъ трудоспособности или даже къ личностямъ, составляющимъ для страны лишнее бремя, вслѣдствіе необходимости обезпеченія ихъ жизни и матеріальнаго довольствія со стороны правительства и общественныхъ организацій.

Опытъ всѣхъ войнъ показываетъ, что число такихъ лицъ въ значительной мѣрѣ превышаетъ число убитыхъ, при чемъ съ посильной помощью этимъ лицамъ и ихъ семьямъ приходится считаться обычно даже не одному поколѣнію.

Вмѣстѣ съ этимъ, конечно, нельзя упускать изъ виду и ту огромную массу лицъ изъ мирныхъ жителей въ районѣ театра военныхъ дѣйствій, пострадавшихъ такъ или иначе отъ послѣдствій войны, а также массу лицъ, матеріально и морально зависимыхъ отъ убитыхъ и искалѣченныхъ воиновъ, которыя въ свою очередь понесутъ ущербъ въ своемъ здоровьи отъ послѣдствій войны. Учесть этотъ ущербъ здоровью населенія, который нанесетъ война, нѣтъ возможности, но, безъ сомнѣнія, онъ представляется огромнымъ и съ нимъ придется считаться въ теченіи ряда лѣтъ до тѣхъ поръ, пока не смѣнитъ дѣйствительныхъ и моральныхъ участниковъ настоящихъ событій новое поколѣніе, которое о современныхъ событіяхъ будетъ слушать разсказы своихъ отцовъ. Такъ было всегда, такъ будетъ и теперь.

Само собой разумѣется, что въ связи съ условіями военнаго времени на театрѣ военныхъ дѣйствій развиваются въ томъ или другомъ размѣрѣ и эпидеміи, которыя выхватываютъ свои жертвы не только изъ войскъ, но и въ областяхъ, лежащихъ за тыломъ армій.

Наконецъ, война должна несомнѣнно отразиться и на увеличеніи нервно-психическихъ разстройствъ. Въ этомъ отношеніи каждая война, являясь тяжелымъ общественнымъ бѣдствіемъ, воздѣйствуя на все вообще населеніе морально и матеріально, неизбѣжно отражается на нервно-психическомъ здоровьи населенія, увеличивая въ той или иной мѣрѣ количество въ странѣ нервныхъ и душевныхъ заболѣваній. Нервныя заболѣванія являются послѣдствіемъ раненій или контузій въ голову, въ позвоночникъ и въ периферическіе стволы, и жертвы ихъ обычно включаются въ общее число раненыхъ и заболѣвшихъ. Что же касается собственно психически больныхъ, то о нихъ необходимо сказать особо и нѣсколько подробнѣе.

Въ указанномъ отношеніи первый вопросъ, который мы должны себѣ поставить, это число заболѣвающихъ душевными болѣзнями въ составѣ дѣйствующихъ армій. Въ этомъ отношеніи, къ сожалѣнію, мы опять таки точныхъ цифръ дать не можемъ, ибо цифры душевныхъ заболѣваній, относящіяся къ прошлымъ войнамъ, не могутъ имѣть особаго значенія по отношенію къ современнымъ войнамъ, ибо цифры, данныя западно-европейскими войнами, оказываются противорѣчивыми и показываютъ увеличеніе душевно-больныхъ въ дѣйствующихъ арміяхъ на одну треть, въ полтора, въ два раза противъ нормы. При этомъ необходимо имѣть въ виду, что какъ способъ, такъ и средства веденія войнъ за послѣднее время существенно измѣнились по сравненію съ прошлымъ временемъ. Въ особенности въ указанномъ отношеніи внесли измѣненіе въ смыслѣ вліянія на психическое здоровье страшно разрушительное дѣйствіе современныхъ артиллерійскихъ снарядовъ и взрывчатыхъ веществъ.

Вотъ почему, когда мы встрѣчаемся съ вопросомъ о возможномъ числѣ душевно-заболѣвшихъ въ настоящей войнѣ, то правильнѣе всего исходить изъ того матеріала, который представляла намъ одна изъ ближайшихъ къ намъ по времени большихъ войнъ. Такой именно войной является бывшая русско-японская война, которая въ указанномъ отношеніи представляетъ для насъ тѣмъ большій интересъ, что данныя ея относятся къ русской арміи. По отчетамъ,

имѣющимся относительно этой войны, число душевно-больныхъ въ войскахъ дѣйствующей арміи въ періодъ войны достигло въ общей сложности около 2000 (въ дѣйствительности 1,900) на общій войсковой составъ, исчисляемый въ японскую войну приблизительно въ милліонъ, по другимъ число больныхъ и раненыхъ достигло 540 тысячъ, слѣдовательно, душевно-больныхъ приходится около 3,5 на 1000 (въ дѣйствительности больше, ибо многіе больные и раненые регистровались въ госпиталяхъ повторно, вслѣдствіе перемѣщенія ихъ изъ госпиталя въ госпиталь и неоднократнаго помѣщенія въ одинъ и тотъ же госпиталь).

По Якубовичу, всѣхъ душевно-больныхъ въ русско-японскую войну было 2.414. При исчисленіи имъ арміи въ 700 тысячъ приходится 3,45 душевно-больныхъ на 1.000 человѣкъ. Присчитывая число и позднѣе заболѣвшихъ, нѣкоторые утверждаютъ, что общее число душевно-больныхъ достигаетъ 3.000 человѣкъ. Но и цифра въ 2.000 душевно-больныхъ, указываемая докторомъ Автократовымъ, должна быть признана сравнительно очень значительною, если принять во вниманіе, что она относится къ военному времени, длившемуся около одного года, въ теченіе котораго лишь къ концу войны численность арміи достигла 1 милліона съ лишкомъ, въ началѣ же войны она была очень небольшою. При этомъ нельзя не принять во вниманіе, что войсковыя части формируются изъ состава населенія, здоровье котораго подвергалось предварительно болѣе или менѣе строгой провѣркѣ. Такъ какъ въ мирное время число душевно-больныхъ въ русской арміи не превышаетъ 0,6 на 1.000, то можно быть увѣреннымъ, что огромное большинство душевно-больныхъ, зарегистрированныхъ на театрѣ военныхъ дѣйствій, обязано войнѣ, какъ непосредственно производящей причинѣ, и сравнительно меньшее число относится къ душевно-больнымъ, которые вошли въ дѣйствующую армію, будучи уже ранѣе душевно-больными. При этомъ, конечно, необходимо имѣть въ виду, что изъ числа душевно-заболѣвшихъ на театрѣ военныхъ дѣйствій въ однихъ случаяхъ болѣзненныя состоянія обязаны исключительно самой войнѣ, какъ производящей причинѣ; таковы, напримѣръ, травматическіе психозы и родственныя имъ нервно

психическія состоянія; въ другихъ же случаяхъ война вызываетъ появленіе психозовъ у лицъ, ранѣе предрасположенныхъ. Таковы, напримѣръ, эпилептическіе и истерическіе психозы, прогрессивный параличъ, преждевременное слабоуміе и т. п. Но ясно, что и въ этихъ случаяхъ психозы могли бы вовсе не обнаружиться безъ условій военнаго времени, а потому и здѣсь война должна разсматриваться, какъ главная производящая причина появленія психозовъ.

Если принять во вниманіе, что настоящая война протекаетъ при условіяхъ въ ..... отношеніи значительно болѣе благопріятныхъ, то надо допустить, что число душевно-больныхъ въ настоящей войнѣ, несмотря на ея особенное ожесточеніе, въ процентномъ отношеніи окажется нѣсколько меньшимъ противъ того, что было въ прошлую войну и можетъ быть условно принято круглымъ счетомъ около 1,5 въ теченіи года на каждую тысячу войскового состава при исчисленіи изъ цифры окончательнаго состава дѣйствующей арміи...

Не входя въ детальное выясненіе условій, приводящихъ къ развитію психозовъ на театрѣ военныхъ дѣйствій, въ числѣ которыхъ важнѣйшими являются раненія въ голову, сотрясенія мозга отъ контузій и взрыванія снарядовъ, физическое истощеніе, недостатокъ питанія и сна и моральныя условія, перейдемъ къ выясненію вопроса о томъ, какими мѣрами могутъ быть ослаблены тѣ послѣдствія, которыя вызываетъ война въ отношеніи здоровья населенія вообще.

Что касается собственно раненыхъ, то maximum возстановленія ихъ здоровья зависитъ непосредственно отъ правильной организаціи помощи имъ на театрѣ военныхъ дѣйствій и въ тылу арміи. Здѣсь все зависитъ въ сущности отъ соотвѣтственной подготовленности медицинско-санитарной части на театрѣ военныхъ дѣйствій и отъ соотвѣтственнаго отношенія къ дѣлу высшихъ медицинскихъ властей, которыя должны распредѣлять врачей запаса на мѣста по ихъ спеціальности, чтобы они могли принести возможно большую съ ихъ стороны пользу.

Нельзя при этомъ не обратить вниманіе на то, что,

кромѣ хирургической, терапевтической и гигіенической помощи со стороны врачей, многимъ изъ раненыхъ должна оказываться и спеціально невро-патологическая помощь.

Дѣло въ томъ, что между ранеными въ современной войнѣ, какъ выясняется уже теперь, вслѣдствіе особыхъ условій боя, имѣется масса случаевъ съ раненіями въ голову и въ нервные стволы конечностей, а также могутъ быть и пораненія въ позвоночникъ, благодаря чему въ числѣ раненыхъ и контуженныхъ имѣется множество лицъ, страдающихъ параличами, судорогами и нервными болями, а еще больше такихъ, которые страдаютъ такъ называемыми травматическими неврозами. Большинство такихъ раненыхъ и контуженныхъ не могутъ найти соотвѣтствующаго лечебнаго ухода въ обыкновенныхъ госпиталяхъ и лазаретахъ, ибо наряду съ хирургической помощью они требуютъ совершенно спеціальнаго леченія съ помощью такъ называемыхъ физическихъ методовъ въ видѣ электризаціи, врачебной гимнастики, свѣтолѣченія и т. п., которыми полевые госпитали и лазареты не оборудованы.

Эта помощь нервнымъ больнымъ, контуженымъ и раненымъ, которая частично была осуществлена уже въ русско-японскую войну организаціей спеціальнаго лазарета для нервно-больныхъ воиновъ, должна быть организована по возможности немедленно.

Не менѣе важна и организація помощи душевно-больнымъ воинамъ.

Нечего говорить, что присутствіе душевно-больныхъ на театрѣ военныхъ дѣйствій является для арміи всегда тяжелымъ бременемъ, вслѣдствіе чего армія должна быть освобождаема отъ этого элемента какъ можно быстрѣе.

Съ другой стороны и душевно-заболѣвшіе на войнѣ не могутъ найти для себя подходящихъ условій леченія. Поэтому наиболѣе раціональной помощью душевно-больнымъ на театрѣ военныхъ дѣйствій должно быть возможно скорое эвакуированіе ихъ съ театра военныхъ дѣйствій въ соотвѣтствующія лечебныя заведенія. Для осуществленія же этого, помимо существованія свободныхъ мѣстъ въ психіатрическихъ лечебныхъ заведеніяхъ, должны быть устраиваемы особые сборные пункты на небольшое число душевно-

больныхъ (5 — 10) вблизи поля дѣйствій, изъ которыхъ въ спеціально приспособленныхъ вагонахъ душевно-заболѣвшіе могли бы быть эвакуированы въ тыловые госпитали для душевно-больныхъ и затѣмъ далѣе внутрь Россіи. Вся организація призрѣнія и эвакуированія душевно-больныхъ съ театра военныхъ дѣйствій предоставлена въ настоящее время, начиная съ передовыхъ позицій до тыла арміи и далѣе внутрь Россіи, заботамъ Краснаго Креста. Желательно, однако, чтобы позади тыла арміи, т.-е. въ глубинѣ Россіи, къ этой организаціи былъ привлеченъ въ качествѣ активнаго участника и земскій союзъ.

Не менѣе, если еще не болѣе, важно озаботиться правильной организаціей борьбы съ заразными болѣзнями, обычно сопутствующими сражающимся арміямъ, какъ на самомъ театрѣ военныхъ дѣйствій, такъ и въ тылу его, при чемъ необходимо принять самыя энергичныя мѣры противъ распространенія заразы внутрь Россіи.

Для этой цѣли необходимо имѣть въ виду устройство спеціальныхъ эвакуаціонныхъ пунктовъ, лазаретовъ и госпиталей на театрѣ войны и организацію перевозки заразныхъ больныхъ въ спеціально приспособленныхъ вагонахъ. При этомъ должно принять во вниманіе и бѣженцевъ, какъ обычныхъ распространителей заразы въ глубь страны, въ предупрежденіе чего должны быть организованы какъ медицинская помощь пассажирамъ, ѣдущимъ съ театра военныхъ дѣйствій, такъ и санитарныя условія ихъ перевозки. Кромѣ того, на театрѣ военныхъ дѣйствій должна быть организована самая энергичная борьба съ распространителями заразы—насѣкомыми, которая должна быть особенно трудна за невозможностью имѣть на войнѣ правильную смѣну бѣлья. Кромѣ спеціальныхъ медицинскихъ мѣропріятій (какъ, напр., примѣненіе мыла Нафта съ креозоломъ въ формѣ 10% раствора, въ которомъ вымачивается какъ бѣлье, такъ и верхнее платье) противъ этого зла практика жизни выработала пользованіе кипяткомъ или горячимъ утюгомъ, которымъ проглаживается бѣлье солдатъ и возможно короткую стрижку волосъ, а гдѣ возможно и бритье ихъ, для людей же съ достаткомъ (офицеровъ) рекомендуются шелковыя рубахи.

*

Что касается дальнѣйшихъ послѣдствій войны въ отношеніи здоровья населенія, то необходимо имѣть въ виду, что убыль послѣдняго, обусловленная военными дѣйствіями, въ силу особаго соціальнаго закона восполняется затѣмъ усиленной рождаемостью, благодаря чему происшедшій вслѣдствіе войны недочетъ населенія постепенно изглаживается.

При этомъ, однако, нельзя упускать изъ вида, что восполненіе убыли взрослаго и сильнаго населенія, находящагося въ цвѣтущемъ возрастѣ, происходитъ въ этомъ случаѣ за счетъ безпомощныхъ младенческихъ существъ, требующихъ долговременныхъ заботъ и вниманія прежде, чѣмъ они сдѣлаются полезными членами государства, что, конечно, не безразлично для благосостоянія страны.

Но какъ ни тяжки послѣдствія войны въ отношеніи здоровья населенія въ условіяхъ нашей жизни въ связи съ настоящей войной, въ интересахъ здоровья населенія одержана одна великая побѣда съ наиболѣе страшнымъ врагомъ человѣческаго здоровья, значеніе которой трудно вообще переоцѣнить. Мы говоримъ о послѣдовавшемъ запрещеніи продажи водки въ Россіи.

Дѣло въ томъ, что распространившееся почти повсемѣстно въ Россіи злоупотребленіе спиртными напитками составляло не только тяжелую общественную язву, приводившую къ экономическому обезсиленію страны, къ увеличенію преступности въ населеніи, къ развитію хулиганства и упадку нравственности вообще, но и къ его вырожденію, физической слабости и къ значительному увеличенію смертности населенія.

Трудно исчислить какъ развитіе болѣзненности населенія вообще, такъ и увеличеніе его смертности въ связи съ продажей крѣпкихъ спиртныхъ напитковъ, ибо въ регистраціи смертныхъ случаевъ мы имѣемъ указанія на болѣзни, непосредственно приведшія къ смерти, но часто не имѣемъ указаній относительно причинъ, приведшихъ къ развитію болѣзней, въ числѣ которыхъ алкоголизмъ занимаетъ одно изъ самыхъ важныхъ мѣстъ.

Одно несомнѣнно, что отъ такъ называемаго „опоя“ или остраго опьяненія, въ Россіи ежегодно умирало не ме-

нѣе 1000 человѣкъ. Но, независимо отъ этого, множество смертныхъ случаевъ происходило отъ случайныхъ причинъ, которыя обусловлены ничѣмъ инымъ, какъ опьяненіемъ. Сюда относятся погибшіе въ состояніи остраго опьяненія отъ такихъ причинъ, какъ пожары, утопленія, удавленія, отравленія, самоубійства, тяжелыя поврежденія, убійства въ пьяномъ видѣ и т. п.

Число такихъ случайныхъ смертей, обусловленныхъ острымъ отравленіемъ алкоголемъ, должно быть по истинѣ огромнымъ. Еще, быть можетъ, большее по численности количество выпадаетъ на тѣ смертные случаи, которые вызваны болѣзнями, стоящими въ связи съ хроническимъ алкоголизмомъ. Вотъ почему отрезвленіе Россіи, проводимое съ извѣстною строгостью и систематичностью, должно привести несомнѣнно къ общему оздоровленію населенія Россіи и къ сокращенію въ ней смертности, ибо въ рядѣ причинъ высокой смертности въ Россіи должно признать, какъ одну изъ важныхъ, и крѣпость распространенной повсюду до сего времени водки, несмотря на то, что по общему количеству потребляемаго спирта, при расчетѣ его на каждую душу населенія, Россія, какъ извѣстно, не занимала высокаго положенія среди другихъ державъ.

Помимо всего прочаго, алкоголь, какъ извѣстно, является одной изъ важнѣйшихъ причинъ душевныхъ и нервныхъ заболѣваній. Можно опредѣленно сказать, что алкоголь служитъ причиной душевныхъ болѣзней не менѣе, чѣмъ въ 35% всѣхъ случаевъ помѣшательства, при чемъ наряду съ сифилисомъ онъ является въ то же время одной изъ производящихъ причинъ и т. наз. прогрессивнаго паралича, который за послѣднее время сталъ распространяться у насъ съ особенною силою не только въ интеллигентномъ классѣ, но и среди простого народа.

Наконецъ, давно извѣстна связь алкогольныхъ излишествъ съ развитіемъ такихъ общихъ неврозовъ, какъ эпилепсія, при чемъ наблюденія не оставляютъ сомнѣнія въ томъ, что и истерія развивается весьма нерѣдко въ зависимости отъ алкогольныхъ излишествъ, ибо почти каждый хроническій алкоголикъ представляетъ собою вполнѣ очевидные симптомы истерическаго невроза. Далѣе извѣстно,

что алкоголь, поражая въ числѣ прочихъ органовъ центральную нервную систему и подрывая нервно-психическое здоровье населенія, отражается и на его потомствѣ, приводя къ его вырожденію путемъ развитія въ потомствѣ наслѣдственныхъ нервно-психическихъ разстройствъ.

Въ связи съ большимъ распространеніемъ алкоголя въ населеніи, безъ сомнѣнія, необходимо поставить и огромное развитіе за послѣднее время въ средѣ простого русскаго народа общихъ неврозовъ такихъ, какъ истерія и неврастенія.

Нечего говорить, что алкоголь, поражая, кромѣ нервно-психической сферы, цѣлый рядъ внутреннихъ органовъ, отражается и на общемъ здоровьи пьющаго населенія, а равно и на его потомствѣ, не говоря о томъ, что онъ служитъ причиной тѣхъ или другихъ неблагопріятныхъ условій, отражающихся на его здоровьи.

Далѣе, нельзя не отмѣтить и нравственнаго оздоровленія населенія, которое неизбѣжно должно послѣдовать за прекращеніемъ вольной продажи крѣпкихъ спиртныхъ напитковъ въ Россіи.

Тѣ дѣятели, которые стоятъ ближе къ нашей деревнѣ, а равно и тѣ, которые имѣютъ дѣло съ арестами, обусловленными совершеніемъ проступковъ и преступленій, уже нынѣ свидѣтельствуютъ о поразительномъ пониженіи хулиганства въ населеніи и о пониженіи его преступности.

Чтобы оцѣнить, въ какой мѣрѣ должно проявиться нравственное оздоровленіе страны съ устраненіемъ крѣпкихъ спиртныхъ напитковъ изъ вольной продажи, укажемъ на нѣсколько цифровыхъ данныхъ, которыя лучше всякихъ разсужденій могутъ иллюстрировать ожидаемую картину.

Не останавливаясь на цѣломъ рядѣ авторовъ, какъ Monin, Ioffroy, Krafft-Ebing, Bunge, Krohné, Legrain, Wieselgreen, Spinola, которые, при несущественномъ разнорѣчіи въ отдѣльныхъ цифрахъ, опредѣленно указываютъ, что общее число преступленій и проступковъ, стоящихъ въ связи съ потребленіемъ алкоголя, достигаетъ отъ 50%—60% (Monin) до 70%—80% (Gallevardin, Bunge и др.), и даже

15/16 (Legrain) общаго числа правонарушеній, обратимся къ нашимъ, хотя и болѣе ограниченнымъ по размѣрамъ, статистическимъ даннымъ.

Въ этомъ отношеніи мы можемъ указать на двѣ диссертаціонныхъ работы, прошедшія чрезъ цензуру Военно-Медицинской Академіи съ моимъ участіемъ—доктора Кроля и доктора Григорьева. По первому автору, изъ 3.226 дѣлъ за періодъ 1885—1894 въ уголовномъ отдѣленіи Казанскаго Окружнаго Суда въ 42,68% преступленія были совершены алкоголиками, при чемъ за богохуленіе и святотатство было осуждено 63,2% алкоголика, за поджоги—31,8%, за побои, раны, увѣчья и истязанія—44,7%, за неосторожное убійство, покушеніе на убійство и за нанесеніе смертельныхъ ранъ—53,7%, за разбои и грабежи—70,2%, за изнасилованіе—51,9%, за оскорбленіе—37,2% алкоголиковъ.

По Григорьеву, изъ 10.000 дѣлъ въ Петербургскомъ Окружномъ Судѣ (изъ нихъ 7,658 дѣлъ въ самомъ Петербургѣ, и 2,342 въ уѣздахъ Петербургской губерніи) въ Петербургѣ за періодъ съ 1883 по 1898 г. оказалось дѣлъ, гдѣ подсудимые были пьяницы или пьяные 40,5%, въ уѣздахъ 37,2%; дѣлъ же, гдѣ было замѣшано пьянство, въ Петербургѣ было 44,5%, въ уѣздахъ 44,4%. Изъ всѣхъ же подсудимыхъ въ Окружномъ Судѣ за указанный періодъ времени было 47% пьяницъ или пьяныхъ при совершеніи самаго преступленія.

Такъ какъ вышеуказанныя цифры относятся къ нашей дѣйствительности, то ясно, что мы можемъ опираться на нихъ съ большимъ или меньшимъ основаніемъ и можемъ съ увѣренностью сказать, что отмѣна вольной продажи крѣпкихъ спиртныхъ напитковъ должна обязательно привести къ значительному, во всякомъ случаѣ не менѣе, какъ на 1/3, сокращенію числа преступленій разнаго рода въ странѣ.

Нечего говорить, что дѣло идетъ здѣсь не объ одномъ нравственномъ оздоровленіи, но и объ оздоровленіи физическомъ, ибо преступность обусловливаетъ заключеніе, а послѣднее само по себѣ связано съ неблагопріятными жизненными условіями, которыя обусловливаютъ несомнѣнно

большій % смертности, нежели жизненныя условія въ свободномъ населеніи.

Далѣе, не подлежитъ сомнѣнію, что алкоголь дѣйствуетъ на здоровье населенія еще и косвеннымъ образомъ, приводя къ экономическому упадку населенія, вызывая раззоръ отдѣльныхъ семей, доводя ихъ до состоянія такъ называемаго пауперизма, идущаго всегда рука объ руку съ физическимъ обезсиленіемъ и повышенною смертностью населенія.....

Такимъ образомъ, какъ ни тяжела сама по себѣ нынѣшняя война, какъ ни тяжелы ея непосредственныя послѣдствія въ отношеніи здоровья и смертности населенія, но несомнѣнно, что, если принять во вниманіе ту великую побѣду, которую уже одержала страна въ отношеніи устраненія вольной продажи крѣпкихъ спиртныхъ напитковъ въ связи съ настоящей войной, она тѣмъ самымъ косвенно должна отразиться благопріятно на здоровьи послѣдующихъ поколѣній.

Въ заключеніе нельзя не принять во вниманіе и другого фактора, играющаго роль въ здоровьи населенія: это ожидаемое развитіе и благоустройство отечественныхъ курортовъ и климатическихъ станцій, или такъ называемыхъ лечебныхъ мѣстъ. До сихъ поръ, какъ извѣстно, наши лечебныя мѣста были своего рода пасынками въ родной странѣ, ибо при всѣмъ ихъ богатствѣ цѣлебными средствами они далеко не отличались должнымъ благоустройствомъ. Это приводило къ тому, что люди со средствами, нуждавшіеся въ курортномъ леченіи, стремились ѣхать заграницу, а бѣдный людъ, вслѣдствіе жизненной дороговизны на курортахъ, часто не могъ совсѣмъ пользоваться курортнымъ леченіемъ, вслѣдствіе чего наши курорты вообще пустовали.

Не говоря о происходящихъ отъ этого огромныхъ денежныхъ потеряхъ, необходимо признать, что, если война, въ числѣ другихъ послѣдствій, приведетъ къ особымъ заботамъ со стороны правительства и общества объ отечественныхъ лечебныхъ мѣстахъ, а вмѣстѣ съ этимъ къ благоустройству и расширенію послѣднихъ, то и въ этомъ отношеніи наша родная медицина несомнѣнно выиграла бы

и, вмѣстѣ съ тѣмъ, выиграло бы и здоровье русскаго населенія.

Въ заключеніе скажемъ, что при заботахъ объ отечественныхъ лечебныхъ мѣстахъ не должно быть забыто и устройство народныхъ санаторій, каковыхъ въ нашей странѣ не имѣется, а между тѣмъ современная война настойчиво выдвигаетъ этотъ вопросъ, въ виду той массы надорванныхъ жизней въ средѣ небогатаго населенія, которая явится неизбѣжнымъ ея послѣдствіемъ.

В. Бехтеревъ.

ЗЕМСКАЯ И ГОРОДСКАЯ РОССІЯ

А. И. Шингарева.

Прошлое и будущее.

I.

Налетѣвшая, какъ ураганъ, но долгое время назрѣвавшая, безмѣрная и безпримѣрная борьба народовъ, происходящая на нашихъ глазахъ, на долгіе годы отразится не только на внѣшней исторіи ихъ отношеній, не только въ очертаніяхъ ихъ границъ, въ созданіи новыхъ и разрушеніи старыхъ государственныхъ единицъ, но неизбѣжно и неустранимо приведетъ къ крупнымъ измѣненіямъ ихъ внутреннихъ отношеній, къ новымъ установленіямъ въ ихъ политическомъ и соціальномъ строѣ.

Въ настоящее время, когда еще не ясны контуры грядущихъ событій, мы, совремсенники, не можемъ представить себѣ всего размѣра совершающагося мірового переворота. Едва-ли мы даже увидимъ всѣ безчисленныя послѣдствія настоящей борьбы: такъ далеко, за грань нашего поколѣнія, могутъ они простираться въ будущее.

Война, идущая теперь, съ небывалымъ упорствомъ и ожесточеніемъ, имѣетъ своимъ содержаніемъ не только территоріальныя пріобрѣтенія или экономическія выгоды отдѣльныхъ государствъ. Идеи освобожденія угнетенныхъ національностей, устраненіе вооруженнаго насилія, принципы права и справедливости,—вотъ что всколыхнула война съ давно невиданной силой, и это идейное содержаніе войны стремится направить и исправить международныя отношенія. Но вѣдь тѣ-же идеи, съ еще большей полнотой и глубиной, ищутъ своего проявленія и во внутренней жизни государствъ.

Въ ней онѣ уже издавна составляютъ главное содержаніе законодательства, управленія и политической борьбы. Вызванныя къ жизни во внѣшнихъ отношеніяхъ, онѣ неумолимой логикой событій измѣнятъ внутреннія, такъ же какъ, проявляясь и вызвавъ измѣненія внутри, онѣ силою вещей волновали и измѣняли внѣшнія отношенія.

Необычайно напряженная внутренняя политическая борьба во имя освободительныхъ идей въ концѣ 18-го столѣтія во Франціи вызвала, въ заключеніи, цѣлый рядъ грандіозныхъ переворотовъ во всѣхъ внѣшнихъ отношеніяхъ крупнѣйшихъ государствъ. Современная міровая война, втянувшая въ ряды борцовъ колоссальныя массы народа, какъ ни одна до сихъ поръ, широко затронула именно народные интересы во внѣ и въ заключеніе должна перестроить во многомъ и внутреннюю жизнь народовъ. Послѣ побѣдъ оружія и работы дипломатовъ и на ряду съ ними открывается широкое поле плодотворной работы политиковъ и законодателей.

Среди другихъ крупнѣйшихъ вопросовъ внутренней жизни Россіи, приходится остановиться на одномъ изъ наиболѣе назрѣвшихъ и подлежащихъ новому строительству—это на вопросѣ о будущемъ земскаго и городского самоуправленія, которое въ нынѣшнемъ своемъ видѣ, весьма неполномъ, несовершенномъ и недостаточномъ, все-же оказало и продолжаетъ оказывать незамѣнимыя и неоцѣнимыя услуги государству даже въ его внѣшней тяжелой борьбѣ. Широкая реформа самоуправленія неизбѣжно должна стать одною изъ первыхъ въ ближайшемъ будущемъ.

II.

Обсуждая въ настоящее время основы будущей реформы мѣстныхъ органовъ самоуправленія, прежде всего необходимо указать на коренные недостатки, которые имѣются въ современномъ положеніи дѣла.

Это тѣмъ болѣе нетрудно сдѣлать, что они давно уже отмѣчены какъ въ обширной литературѣ, такъ и въ заявленіяхъ земскихъ и городскихъ дѣятелей. Вкратцѣ они могутъ быть сведены въ пять главнѣйшихъ группъ.

Во-первыхъ, далеко не всѣ поселенія и далеко не всѣ области Имперіи имѣютъ свои органы самоуправленія, многія-же лишены ихъ совсѣмъ.

Во-вторыхъ, представительство населенія въ существующихъ земскихъ и городскихъ учрежденіяхъ весьма несовершенно, ограничено, неравномѣрно для разныхъ группъ, несправедливо для массы населенія, проникнуто духомъ сословныхъ привиллегій и совсѣмъ не предоставлено многимъ категоріямъ жителей.

Въ третьихъ, дѣятельность органовъ самоуправленій ограничена, ихъ самостоятельность очень стѣснена и опутана докучливымъ административнымъ надзоромъ, очень часто выражающемся въ нетерпимомъ произволѣ и неограниченномъ усмотрѣніи. Работа земствъ и городовъ въ самыхъ насущныхъ вопросахъ культурно-хозяйственной жизни населенія постоянно наталкивается на всякія помѣхи и препятствія, вызываемыя подозрительностью мѣстной и центральной власти.

Въ четвертыхъ, органы самоуправленія удалены отъ широкихъ народныхъ массъ и не имѣютъ съ ними непосредственной связи. Сельское населеніе, а отчасти и нѣкоторыя группы городского, до сихъ поръ еще держатся въ рамкахъ узкосословныхъ учрежденій, лишенныхъ общественной самодѣятельности и отданныхъ подъ опеку администраціи.

Всесословной волости, какъ мелкой земской ячейки, до сихъ поръ не существуетъ, какъ отсутствуетъ и поселковое самоуправленіе.

Наконецъ въ пятыхъ, существующія лишь на части территоріи имперіи, съ неравномѣрнымъ и неполнымъ представительствомъ населенія, ограниченныя въ своихъ правахъ, отданныя подъ придирчивый надзоръ администраціи и неимѣющія своихъ ближайшихъ къ народу организацій, земскія и городскія учрежденія Россія снабжены къ тому-же весьма скромными матеріальными средствами, находящимися въ рѣзкомъ несоотвѣтствіи съ громадностью стоящихъ передъ ними культурно-хозяйственныхъ нуждъ населенія, неудовлетвореніе которыхъ вредно отражается на всей мѣстной и государственной жизни страны.

Всѣ эти коренные недостатки существующаго закона о земскомъ и городскомъ самоуправленіи давно уже должны были быть разрѣшены и устранены новыми актами законодательной власти, но и донынѣ почти ничего не сдѣлано или сдѣлано чрезвычайно мало въ желательномъ направленіи.

Еще Высочайшимъ указомъ 12 дек. 1904 г. было повелѣно: „Предоставить земскимъ и городскимъ учрежденіямъ возможно широкое участіе въ завѣдываніи различными сторонами мѣстнаго благоустройства, даровавъ имъ для сего необходимую, въ законныхъ предѣлахъ, самостоятельность, и призывать къ дѣятельности въ этихъ учрежденіяхъ, на однородныхъ основаніяхъ, представителей всѣхъ частей заинтересованнаго въ мѣстныхъ дѣлахъ населенія; съ цѣлью успѣшнѣйшаго же удовлетворенія потребностей онаго образовать, сверхъ нынѣ существующихъ губернскихъ и уѣздныхъ земскихъ учрежденій, въ тѣснѣйшей съ ними связи, общественныя установленія по завѣдыванію дѣлами благоустройства на мѣстахъ въ небольшихъ по пространству участкахъ“.

Однако, съ тѣхъ поръ дѣло не подвинулось впередъ ни на іоту, и программа, широко начертанная 10 лѣтъ тому назадъ, въ періодъ тревожной и неудачной войны на Дальнемъ Востокѣ, осталась неисполненной до сихъ поръ. Въ декларацiяхъ П. А. Столыпина во второй Г. Думѣ и затѣмъ въ третьей содержаніе предстоящей реформы мѣстныхъ учрежденій сильно отличалось одно отъ другого. Актъ 3 іюня 1907 г. наложилъ свою печать и на характеръ того матеріала, который подготовлялся для внесенія въ законодательныя учрежденія.

Внесенный во вторую Думу проектъ Волостного Управленія былъ рѣзко измѣненъ въ сторону уменьшенія правъ населенія и усиленія административной опеки. Судьба даже этого скромнаго проекта была, однако, печальна. Въ теченіе пяти лѣтъ въ нѣсколько исправленномъ видѣ онъ

еле продвинулся въ Государственный Совѣтъ, гдѣ и погибъ жертвою защитниковъ сословныхъ привиллегій, не поддержанный внесшимъ его министерствомъ. Проектъ поселковаго Управленія не прошелъ даже и этого пути. Его не разсмотрѣла третья Дума, изъ четвертой, говоря современнымъ языкомъ, онъ былъ „эвакуированъ“ министерствомъ для переработки „въ глубокій тылъ“ послушныхъ канцелярій, гдѣ находится и понынѣ. Съ основнымъ вопросомъ о расширеніи избирательныхъ правъ населенія для участія въ земскихъ и городскихъ учрежденіяхъ, равно какъ и о расширеніи компетенціи и самостоятельности этихъ учрежденій, дѣло не дошло даже до внесенія правительственныхъ проектовъ въ Г. Думу.

Декларація В. Н. Коковцева въ четвертой Думѣ въ декабрѣ 1912 г. заявляла лишь о трудности этихъ вопросовъ и необходимости дальнѣйшей ихъ „разработки“. Послѣдующіе мѣсяцы, вплоть до внезапно грянувшей военной невзгоды, не принесли ничего для разрѣшенія земской и городской реформы. Десятилѣтіе мирной работы межъ двухъ громадныхъ войнъ прошло въ этомъ отношеніи безплодно, и всѣ разговоры, которые велись въ этомъ промежуткѣ времени, очень напоминали собою плѣнительную сказку о бѣломъ бычкѣ. Минувшее десятилѣтіе, оставшееся безплоднымъ для крупныхъ измѣненій въ жизни и дѣятельности органовъ самоуправленія, немного дало имъ и мелкихъ частичныхъ улучшеній. Благодаря иниціативѣ членовъ Г. Думы, земское Положеніе (и то въ объемѣ устарѣвшаго и мало пригоднаго сословнаго положенія 1890 года) было введено въ Астраханской, Оренбургской и Ставропольской губерніяхъ. То же Положеніе, уже внѣзаконодательнымъ порядкомъ, было распространено, съ добавленіемъ національныхъ ограниченій, на западныя губерніи— Минскую, Витебскую, Могилевскую, Кіевскую, Подольскую и Волынскую.

Введено было городовое положеніе въ г. Новочеркасскѣ. Кое-какія починки и заплатки были произведены на ветхой одеждѣ земскихъ и городскихъ финансовъ закономъ 4 дек. 1912 г. Еще ранѣе были установлены значительныя казенныя пособія и ссуды на введеніе всеобщаго

обученія, на школьное строительство, на агрономію. Но этимъ почти все дѣло и ограничилось, если не считать уже совсѣмъ „вермишельныхъ“ проектовъ въ родѣ закона объ открытіи городами и земствами аптекъ и пр.

Наоборотъ, административная практика минувшаго десятилѣтія взамѣнъ „реформъ“ шла весьма успѣшно. Все чаще и чаще направлялась она по старому руслу. Цѣлыми серіями не утверждались не только вольно-наемные служащіе земскихъ и городскихъ учрежденій, но и выбранныя должностныя лица. Дѣло доходило до невиданныхъ раньше „курьезовъ“: 4 кандидата въ головы Темрюкской городской думы и 12 кандидатовъ Нолинскаго Земскаго Собранія въ Предсѣдатели Управы не были утверждены. Избранный Петроградской (тогда еще Петербургской) Думою кандидатъ и три подъ рядъ кандидата г. Москвы подверглись той же участи.

Пріостанавливалось и отмѣнялось множество постановленій городскихъ Думъ и земскихъ собраній, включительно до ассигновки на памятники Тургенева и Лермонтова, до рѣшенія вынести изъ залы засѣданія портретъ г. Пуришкевича. Циркуляры многихъ вѣдомствъ съуживали уже и безъ того ограниченную сферу дѣятельности органовъ самоуправленія, и Сенатъ сталъ наполняться десятками жалобъ по поводу распоряженій, особенно министерствъ народнаго просвѣщенія и внутреннихъ дѣлъ. Появились разговоры даже о ненужности губернскихъ земствъ, а новое изданіе нашумѣвшей (прежде секретной) брошюры графа С. Ю. Витте сдѣлало даже модным вопросъ о несовмѣстимости „исконныхъ русскихъ началъ“ съ самоуправленіемъ населенія. Полувѣковый юбилей земскихъ учрежденій въ началѣ текущаго года прошелъ въ глубокомъ молчаніи по казенному шаблону...

Итакъ, періодъ мира былъ пропущенъ безслѣдно. Снова, среди грома военной невзгоды, попрежнему приходится думать о лучшей организаціи силъ населенія, о новомъ развитіи дѣятельности земскихъ и городскихъ учрежденій. Теперь, когда въ высшей степени полезная, незамѣнимая работа всероссійскаго земскаго и городского союзовъ у всѣхъ на глазахъ, когда никто уже не можетъ со-

мнѣваться въ томъ, какія великія силы и какія громадныя возможности таятся въ организованныхъ самимъ населеніемъ учрежденіяхъ, всѣмъ должно быть очевидно, какой ущербъ нанесенъ государству безвозвратно потеряннымъ временемъ въ дѣлѣ реформъ.

III.

Неизбѣжная нынѣ реформа земскаго и городского самоуправленія должна устранить указанные нами выше коренные недостатки существующаго положенія. Прошлое и настоящее нашихъ общественныхъ учрежденій является надежнѣйшимъ залогомъ ихъ будущаго.

Современная война несомнѣнно облегчитъ наступленіе этого будущаго. Послѣдовательность въ проведеніи реформы, конечно, требовала бы сначала коренного измѣненія существующихъ земскаго и городового Положеній, затѣмъ уже распространенія ихъ на новыя области, лишенныя органовъ самоуправленія. При нормальномъ развитіи законодательства такъ оно и должно было бы происходить. Прошлые примѣры, къ сожалѣнію, свидѣтельствуютъ у насъ объ обратномъ. Въ чемъ-же должна заключаться сущность коренной реформы?

Первое и главнѣйшее обстоятельство, подлежащее измѣненію въ будущемъ, это ограниченность, неравномѣрность и несправедливость земскаго и городского представительства. Существующее положеніе сводится къ тому, что въ городахъ почти исключительное преобладаніе имѣютъ болѣе крупные домовладѣльцы, торговцы и промышленники. Громадная масса населенія остается совершенно лишенной всякаго участія въ городскомъ представительствѣ и управленіи. Масса чиновниковъ, мелкихъ домовладѣльцевъ и торговцевъ, квартирантовъ, служащихъ торговыхъ и промышленныхъ заведеній, кредитныхъ учрежденій, ремесленники, рабочіе, лица либеральныхъ профессій и пр. и пр. оставлены за бортомъ городскихъ учрежденій. Только въ Петроградѣ съ 1903 г. получили, по особому закону, избирательныя права крупные квартиронаниматели. Этотъ

опытъ остался одинокимъ и не былъ распространенъ на другіе города. Интересы городовъ обслуживаются крайне ограниченной группой лицъ, не составляющихъ часто и 1% всего городского населенія. Не говоря уже о томъ, что вслѣдствіе такого крупно-цензоваго состава дѣятельность многихъ городскихъ управленій идетъ далеко не въ соотвѣтствіи съ интересами массъ городского населенія, не стоитъ съ ними въ тѣсномъ взаимодѣйствіи и сотрудничествѣ, не имѣетъ въ нихъ опоры, сама ограниченность состава полноправныхъ избирателей сильно затрудняетъ выборы гласныхъ и должностныхъ лицъ городского управленія. Давно уже раздаются голоса о томъ, что „нѣтъ людей“ для городской работы. Это искусственное безлюдье, при наличности всей остальной массы лишеннаго избирательныхъ правъ населенія, приводитъ во многихъ случаяхъ къ самымъ печальнымъ результатамъ въ сферѣ городского хозяйства.

То же положеніе существуетъ и въ земствахъ. Крупноцензовый принципъ поставленъ и здѣсь въ основу земскаго представительства, но онъ осложненъ сословными привиллегіями, установленными Положеніемъ 1890 г. Крупные дворяне-землевладѣльцы въ громадномъ большинствѣ земскихъ губерній получили столько мѣстъ гласныхъ, что вездѣ ихъ число превышаетъ гласныхъ отъ крестьянъ, горожанъ и землевладѣльцевъ не-дворянъ вмѣстѣ взятыхъ. Расписаніе было составлено безъ всякаго соотвѣтствія съ количествомъ имущества, платимыхъ повинностей и даже съ численностью физическихъ лицъ; единственной цѣлью его было созданіе искусственнаго преобладанія представителей крупнаго дворянскаго землевладѣнія. Крестьянское населеніе почти всѣхъ уѣздовъ и торгово-промышленный классъ въ мѣстностяхъ съ развитой фабрично-заводской жизнью оказались несправедливо обдѣленными, а мелкіе собственники, безземельное крестьянство, ремесленники, рабочіе и прочее безцензовое населеніе совсѣмъ было лишено права земскаго представительства. Неудержимый процессъ ликвидаціи дворянскаго землевладѣнія, особенно обострившійся въ 1905—1906 гг. еще болѣе усилилъ уродливость и несправедливость стараго закона. Цѣлая категорія уѣздовъ при выбо-

рахъ гласныхъ дворянъ не были въ состояніи набирать необходимаго количества гласныхъ. Очень часто не пріѣзжало на выборы должное число избирателей и вмѣсто нормальныхъ выборовъ для земцевъ-дворянъ изъ крупныхъ землевладѣльцевъ во многихъ уѣздахъ установилась простая запись въ гласные. Въ нѣкоторыхъ уѣздахъ число предоставленныхъ дворянамъ мѣстъ гласныхъ даже превышало число имѣющихся физическихъ лицъ. Полученіе почетнаго и отвѣтственнаго званія гласнаго опредѣлялось для этой категоріи избирателей не достоинствами человѣка, не его пригодностью къ общественной работѣ, не уваженіемъ и довѣріемъ къ нему населенія, а пріѣздомъ на избирательное собраніе.

Земское искусственное „безлюдье“ выражалось еще болѣе рѣзко и вызвало еще болѣе многочисленныя жалобы, чѣмъ городское. А въ то же время крестьяне были вовсе лишены права прямыхъ выборовъ; до 1906 г. изъ состава избранныхъ волостными сходами уполномоченныхъ „избирали“ гласныхъ отъ крестьянъ господа губернаторы.

Самый размѣръ положеннаго въ основу земскаго представительства имущественнаго ценза, съ теченіемъ времени, подъ вліяніемъ возросшей цѣнности земельной недвижимости, рѣзко и неравномѣрно увеличился по сравненію съ первоначальными нормами закона, все болѣе и болѣе ограничивая число полноправныхъ гражданъ, ибо онъ былъ опредѣленъ для земельныхъ имуществъ количествомъ десятинъ по росписанію, а не ихъ стоимостью. Измѣненіе же росписанія происходило въ рѣдкихъ и исключительныхъ случаяхъ.

Помимо цензовыхъ и сословныхъ ограниченій, въ земскомъ и городскомъ представительствѣ установлены еще ограниченія половыя и національныя. Вся масса женскаго населенія, равно какъ и евреи, лишены избирательныхъ правъ, не взирая на обладанія цензомъ и уплату повинностей.

Трудно представить себѣ, чтобы возможно было долѣе сохранять все это отжившее, тормозящее развитіе страны сословно-имущественное мужское представительство въ мѣстныхъ учрежденіяхъ. Особенно трудно теперь, когда

во время войны всѣ безпристрастные люди должны воочію убѣдиться, какимъ глубокимъ порывомъ сплочены во-едино мужчины и женщины всѣхъ національностей.

Война должна вызвать новое земское и городское избирательное право, которое должно стать естественнымъ достояніемъ всѣхъ гражданъ Имперіи. Только всеобщее избирательное право въ мѣстномъ самоуправленіи достойно завершить и дополнить въ предстоящей реформѣ внѣшнюю побѣду русскаго оружія. Новыя и грандіозныя задачи будущаго требуютъ полнаго проявленія новыхъ силъ и въ государственной, и въ мѣстной жизни Имперіи.

IV.

Кромѣ полнаго равенства избирательныхъ правъ населенія для участія въ земскихъ и городскихъ учрежденіяхъ, предстоящая реформа должна расширить сферу ихъ компетенціи и установить необходимую ихъ самостоятельность, составляющую основу всякаго самоуправленія. Уже во время выработки положенія 1864 г., отразившаго на себѣ главныя черты общественной теоріи самоуправленія, когда въ земскихъ учрежденіяхъ творцы ихъ видѣли „учрежденія народа, а не Государства“, когда даже самъ законъ рѣшительно заявлялъ, что „земскія учрежденія въ кругу ввѣренныхъ имъ дѣлъ дѣйствуютъ самостоятельно“, утвержденіе это не было выдержано вполнѣ.

Земскія учрежденія по Положенію 1864 г. не были введены въ кругъ учрежденій государственныхъ и не имѣли никакихъ агентовъ, надѣленныхъ непосредственной исполнительной властью (напр., для полученія земскихъ сборовъ, надзоромъ за исполненіемъ обязательныхъ постановленій и пр.), хотя и считались самостоятельными. Академикъ Безобразовъ, характеризуя Положеніе, кратко указалъ, что земству дано много воли и никакой власти. Но и земская воля оказалась трудно совмѣстимой съ подневольнымъ существованіемъ всего населенія, ибо не было учрежденій, ее гарантировавшихъ.

Государственная власть всячески стремилась отнять

у земствъ даже самыя естественныя проявленія ихъ „воли". Наоборотъ, почти всѣ существенныя ходатайства земскихъ учрежденій объ улучшеніи ихъ устройства (свыше 77% ихъ общаго количества, какъ указалъ еще Карышевъ) оставались безъ удовлетворенія.

Самъ законъ давалъ губернаторамъ право пріостанавливать всякое постановленіе земскихъ собраній, „противное законамъ или общимъ государственнымъ пользамъ". Такимъ образомъ, съ самаго начала естественный надзоръ за законностью превратился въ расцѣнку цѣлесообразности дѣятельности земствъ. Правъ былъ профессоръ Лохвицкій, пришедшій уже въ 1864 г. къ теоретическому заключенію, что „вполнѣ самостоятельныхъ постановленій земскія собранія не дѣлаютъ". Практика не замедлила доказать его положеніе множествомъ примѣровъ, которые съ проведеніемъ въ жизнь земскаго Положенія 1890 г., когда пріостановка земскихъ постановленій оправдывалась еще проще „несоотвѣтствіемъ мѣстнымъ пользамъ и нуждамъ" по усмотрѣнію власти, стали повседневнымъ явленіемъ.

Утвержденіе администраціей выборовъ гласныхъ, т.-е. исключительно провѣрка формальной законности ихъ, подъ вліяніемъ неодинаковаго отношенія къ той или другой группѣ, или партіи, или даже отдѣльнымъ избраннымъ лицамъ нерѣдко превращалось (особенно въ послѣдніе годы) въ покровительство однимъ и отверженіе другихъ. Вопіющія нарушенія при выборахъ сходили благополучно съ рукъ послушнымъ и по искусственнымъ поводамъ отмѣнялось избраніе другихъ — непокорныхъ или неугодныхъ.

Свобода выборовъ, утвержденная закономъ, была не разъ и безвозбранно отмѣняема практикой и раньше и теперь. Достаточно вспомнить послѣдніе случаи Одессы, Чернигова или выборы гласныхъ крестьянъ въ нѣкоторыхъ уѣздахъ Воронежской губерніи, не говоря о множествѣ другихъ. Гласные крестьяне оказывались часто необезпеченными даже въ ихъ личной свободѣ со стороны полиціи, а съ 1889 г. и земскихъ начальниковъ.

Составленная подъ контролемъ, часто профильтро-

ванныя администраціей, собранія городскихъ думъ и земствъ, не имѣютъ свободно избранныхъ представителей. По закону роль предсѣдателей исполняютъ должностныя лица. Въ земствахъ—предводители дворянства, въ городахъ (кромѣ Москвы и Петрограда)—городскіе головы. И то и другое полно неудобствъ, самыхъ существенныхъ для свободы собраній, и легкости воздѣйствія на нихъ администраціи, но именно потому и внесено въ законъ. Уже черезъ $3^1/_2$ года послѣ введенія земскихъ учрежденій, закономъ 13 іюня 1867 г., предсѣдателямъ земскихъ собраній была предоставлена широкая власть и установлена административная отвѣтственность ихъ за несоотвѣтствующее веденіе дѣла. Послѣдующая практика, путемъ циркуляровъ и даже секретныхъ устныхъ приказаній, установила цѣлую систему ограниченій и самихъ предсѣдателей, подчиненныхъ или покорныхъ администраціи. Земство, по мнѣніи Никитенко, оказалось связаннымъ новыми законами „по рукамъ и ногамъ“.

Подчиненныя усмотрѣнію администраціи во всѣхъ своихъ постановленіяхъ, имѣя предсѣдателемъ не избираемое лицо, такъ же зависимое отъ этой администраціи, земскія и городскія учрежденія кромѣ того остались ограниченными въ своей компетенціи. Эти ограниченія, съ момента возникновенія органовъ самоуправленія, умножались и расширялись самыми разнообразными способами: то они проходили въ порядкѣ законодательномъ, то проводились множествомъ министерскихъ циркуляровъ, дополнявшихъ, измѣнявшихъ, а иногда и отмѣнявшихъ законъ, то, наконецъ, устанавливались разъясненіями Правительствующаго Сената. Даже его оффиціальная исторія (изданная по случаю 200-лѣтія его существованія) признаетъ, что „надзоръ его въ этой сферѣ не всегда отличался достаточной энергіей и силой, а субъективныя права частныхъ лицъ и самоуправляющихся единицъ не всегда получали надлежащую защиту. Вмѣсто „защиты“ правъ нерѣдко получалось совсѣмъ обратное.

Закономъ 1867 г. было запрещено „безъ разрѣшенія мѣстнаго губернскаго начальства“ печатать состоявшіеся въ городскихъ думахъ и земскихъ собраніяхъ отчеты о

засѣданіяхъ и это, по заявленію А. И. Кошелева, произвело „самое тяжелое дѣйствіе“. Предпринятая мѣра имѣла не только цензурный характеръ, но и пыталась пресѣчь единеніе земствъ между собою, обсужденіе ими общихъ мѣропріятій. Объединеніе земствъ всегда всего болѣе пугало бюрократію, и земская исторія въ этомъ направленіи всего больше богата мѣрами административнаго пресѣченія. Образованіе земскихъ союзовъ и съѣздовъ долгое время категорически воспрещалось. Уже по Положенію 1864 г. соглашеніе земствъ другъ съ другомъ было ограничено „согласіемъ губернатора“, а разъясненіемъ Сената 1867 г. объявлено незаконнымъ постановленіе одного губернскаго земства о сообщеніи его предположеній земствамъ другихъ губерній. Даже обсужденіе вопроса о земскихъ союзахъ въ общей печати было въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ запрещено министерскимъ циркуляромъ. Петербургское Губернское Земское Собраніе въ декабрѣ 1865 г. единогласно постановило ходатайствовать объ образованіи центральнаго земскаго учрежденія для завѣдыванія гусударственными земскими повинностями, а въ 1867 г. уже заявило о необходимости участія земства въ законодательныхъ работахъ. Въ результатѣ земскія учрежденія С.-Петербургской губерніи были закрыты, предсѣдатель губернской земской управы Н. Ѳ. Крузе высланъ, одинъ гласный, сенаторъ М. Н. Любощинскій, уволенъ въ отставку, а другой, гр. А. И. Шуваловъ, принужденъ былъ уѣхать за границу. Правительственныя репрессіи окончательно закрѣпили разъединеніе между властью и земскими кругами и до крайности обострили возникшее очень рано и обоюдное недовѣріе. Еще въ началѣ 1862 г., во время первыхъ обсужденій предстоящей реформы, Великая Княгиня Елена Павловна писала главному работнику въ новой области, Н. А. Милютину: „Слово земство наводитъ страхъ въ сферахъ“. Этотъ „страхъ“, не проходившій никогда, тотчасъ-же послѣ проведенія реформы удалилъ Н. А. Милютина и гр. Ланского и водворилъ въ Министерство Внутреннихъ Дѣлъ Валуева, который сталъ принимать энергичныя мѣры къ пресѣченію земской воли, рѣшительно заявляя, что нельзя допускать „государства въ государствѣ“. Репрессіи

еще больше обострились при владычествѣ гр. Д. Толстого и вошли въ систему съ изданіемъ Новаго Земскаго Положенія 1890 г. Ни сословный составъ земскихъ собраній, введенныхъ въ кругъ государственныхъ учрежденій, ни ихъ поднадзорность и полная подчиненность администраціи— ничто не успокоивало подозрительность бюрократіи, задумавшей при Плеве вовсе уничтожить послѣдніе остатки выборной земской „воли". Боязнь земскаго объединенія, вызывавшая административныя репрессіи по политическимъ соображеніямъ, разрушала всѣ попытки земскихъ союзовъ даже хозяйственнаго и культурно-техническаго характера, несмотря на всю очередную ихъ жизненность, необходимость и пользу. Даже межгубернскія земскія совѣщанія по борьбѣ съ эпидеміями и эпизоотіями, даже попытки страховыхъ и экономическихъ соглашеній считались долгое время недопустимыми. Всѣ ходатайства земствъ въ этомъ направленіи или не получали отвѣта или встрѣчали рѣшительный отказъ. Почти черезъ сорокъ лѣтъ послѣ земской реформы, едва ли не первой мѣрой въ противоположномъ направленіи, было разрѣшеніе закономъ 16 декабря 1912 г., взаимнаго земскаго перестрахованія пожарныхъ рисковъ и, закономъ 1916 г., земскихъ товариществъ для пріобрѣтенія и продажи необходимыхъ въ сельскомъ быту предметовъ.

Стѣсненія и запреты въ полной почти мѣрѣ дожили до нашихъ дней. Ихъ не устранило введеніе народнаго представительства, этого пугала стараго режима до 1906 г. Весьма скромное „увѣнчаніе земскаго зданія" до сихъ поръ не облегчило возникновенія и дѣятельности союзовъ органовъ самоуправленій. Общеземская организація, явочнымъ порядкомъ возникшая во время японской войны, такъ и осталась и во время войны и послѣ нея, въ помощи переселенцамъ Дальняго Востока и въ помощи голодающимъ внутреннихъ губерній имперіи, нелегализованнымъ учрежденіемъ.

Жизненность самой идеи единенія земскихъ и городскихъ учрежденій такова, что оно, хотя частично и неполно, осуществлялось, несмотря ни на что. Земства въ этомъ отношеніи шли впереди городовъ. Уже существуетъ

рядъ междуземскихъ организацій (страховая, переселенческая, продовольственная, книго-торговая и издательская, по покупкѣ желѣза и сельско-хозяйственныхъ машинъ и т. д.). Единеніе городовъ только что началось. Но первый же всероссійскій городской съѣздъ въ Кіевѣ, лѣтомъ 1913 г., по вопросу о городскихъ финансахъ вызвалъ рядъ недоразумѣній съ администраціей.

Земскій съѣздъ по народному образованію въ Москвѣ въ 1912 г. также не обошелся безъ нихъ. Земскій съѣздъ о финансахъ до нынѣ не могъ состояться и до войны не былъ разрѣшаемъ вовсе. Послѣ этихъ случаевъ даже умѣренные политики внесли въ Г. Думу законодательное предположеніе о земскихъ союзахъ и съѣздахъ. Оно было признано желательнымъ, разработку его взяло на себя вѣдомство, но осталось пока безъ осуществленія. Далѣе, компетенція органовъ самоуправленія съ самаго начала почему то содержала серьезный изъянъ и, напр., подачи юридической помощи населенію, не смотря на ходатайства и попытки земствъ, не могла быть до сихъ поръ осуществлена.

Но и въ сферѣ тѣхъ вопросовъ, которые съ самаго начала были отнесены къ вѣдѣнію мѣстныхъ органовъ, дѣло обстояло далеко не благополучно. Остались въ силѣ многія старыя, архаическія узаконенія, стѣсняющія мѣстную работу. Достаточно вспомнить, напр., объ Уставѣ о земскихъ повинностяхъ 1857 г., являющемся непосредственнымъ повтореніемъ „правилъ“ конца Николаевской эпохи.

Возникшій до эпохи великихъ реформъ и чуждый имъ по духу, многократно дополняемый и совершенно устарѣвшій, этотъ законъ и донынѣ является основой многихъ сторонъ жизни земствъ. Дѣйствуетъ и Уставъ путей сообщенія 1857 г. и временныя правила 1866 г. по страхованію, Врачебный уставъ 1836 г. и Уставъ о народномъ продовольствіи 1834 г., по которому земства дѣйствовавали до 1900 г. Исторія съ этимъ послѣднимъ уставомъ является одной изъ самыхъ характерныхъ для отношенія бюрократіи къ земству. Твореніе Плеве, законъ 1900 г., (введенный въ Уставъ 1834 г. кодификаторами, какъ примѣчаніе къ первой его статьѣ), изъялъ все продовольственное дѣло изъ рукъ земствъ и, несмотря на то, что послѣдующая

практика показала весь вредъ, происшедшій отъ этой мѣры и необходимость участія мѣстныхъ людей въ помощи голодающему отъ неурожаевъ населенію, законъ 1834 г. и до нынѣ не пересмотрѣнъ, а реформа Продовольственнаго Устава, несмотря на всѣ указанія опыта, не проведена.

Рѣзкому ограниченію права земствъ и городовъ подверглись и въ области народнаго образованія послѣ изданія Положенія 1874 г. о начальныхъ училищахъ. Въ вѣдѣніи мѣстныхъ учрежденій осталась лишь хозяйственная сторона дѣла и затрата на нее. Съ тѣхъ поръ, непрерывно до самаго послѣдняго времени, эта важнѣйшая отрасль дѣятельности мѣстныхъ учрежденій подвергалась регламентаціи, сугубому надзору и ограниченіямъ. Циркуляры Министерствъ Народнаго Просвѣщенія 1913—1914 г. о народныхъ библіотекахъ и разобщенія въ сношеніяхъ земскихъ и городскихъ управъ съ ихъ служащимъ учебнымъ персоналомъ являются послѣдними и яркими образчиками этого рода политики.

Были попытки административной регламентаціи и другой важнѣйшей отрасли мѣстнаго самоуправленія—народнаго здравія. Правда, попытки созданія больничнаго, а затѣмъ и ветеринарнаго устава, кончились, къ счастью, безплодно, но зато временныя правила по борьбѣ съ эпидеміями (сначала съ чумой и холерой, а затѣмъ и прочими заразно-эпидемическими болѣзнями) и знаменитыя санитарно-исполнительныя комиссіи 1903 г. передали въ руки администраціи это дѣло, возложивъ на земства и города лишь расходы по предпринимаемымъ мѣропріятіямъ.

За полвѣка вмѣсто расширенія компетенціи органовъ самоуправленія получилось лишь сокращеніе ея. Результатъ и здѣсь былъ печальный. На практикѣ правила потерпѣли полное крушеніе. Ничтожны, наконецъ, права земствъ и городовъ въ области непосредственнаго избранія исполнительныхъ органовъ для осуществленія вошедшихъ въ законную силу установленій земскихъ собраній и городскихъ думъ. Всѣ члены управъ, предсѣдатели земскихъ управъ и городскіе головы подлежатъ утвержденію администраціи по существующему закону. Земское положеніе 1864 г. предо-

ставляло избраннымъ въ члены управы лицамъ вступать въ отправленіе ихъ обязанностей безъ учрежденія администраціи. Только предсѣдатели управъ утверждались губернаторомъ, „если только въ избраніи соблюдены условія, требуемыя закономъ“. Эта оговорка въ статьѣ 69 Положенія, ясно указывавшая на формальную провѣрку законности выборовъ, очень быстро подверглась, вопреки ея смыслу, обратному толкованію. Сенатъ, разъясненіемъ 16 Декабря 1866 г., опредѣлилъ, что въ ней идетъ рѣчь не только о формальной законности выборовъ, но и о соблюденіи условій ст. 372 Общ. Губ. Учр., согласно которой губернаторы должны стараться, чтобы на службу всѣхъ вѣдомствъ опредѣлялась лишь „благонадежные чиновники“.

Земство тогда не было зачислено въ іерархію правительственныхъ учрежденій, его служащіе не считались еще „чиновниками“, состоящими на казенной службѣ, но утвержденіе за благонадежность и отстраненіе „неблагонадежныхъ“ съ тѣхъ поръ сдѣлалось неукоснительной привилегіей губернаторовъ по отношенію къ предсѣдателямъ управъ, а со времени земскаго положенія 1890 г. уже всѣ должностныя избираемыя лица подвергались этой цензурѣ. Города и Земства иногда систематически лишались возможности имѣть избранныхъ представителей и нерѣдко управлялись назначенными администраціей лицами. Вятская и Пермская губерніи давно уже служили ареной такого рода отношенія къ избранникамъ органовъ самоуправленія, проявлявшагося, впрочемъ, повсемѣстно, хотя и въ меньшихъ размѣрахъ. Только война помогла, напр., Москвѣ получить наконецъ утвержденіе избраннаго недавно головы, послѣ отверженія трехъ кандидатовъ и 22 мѣсяцевъ безплодныхъ попытокъ. Любопытно напомнить, что первый ея избранникъ въ этотъ періодъ, Г. Е. Львовъ, не удостоившійся утвержденія, теперь всѣми земскими представителями Россіи единогласно избранъ Главнымъ Уполномоченнымъ Всероссійскаго Земскаго Союза.

Еще въ большей степени безапелляціонное и безконтрольное право администраціи не утверждать земскихъ и городскихъ служащихъ по вольному найму приносило и приноситъ въ мѣстную работу большое разстройство. Адми-

нистративная борьба со злосчастнымъ „третьимъ элементомъ“ нерѣдко совершенно опустошала ряды школьнаго, медицинскаго, техническаго и канцелярскаго персонала... Справки о благонадежности здѣсь принимали характеръ долговременныхъ, многомѣсячныхъ и кропотливыхъ историческихъ изслѣдованій чуть не всей прошлой жизни „кандидатовъ“; онѣ собирались изъ негласныхъ источниковъ и предавали иногда полному отлученію выдающихся и цѣнныхъ работниковъ. Органы самоуправленія отчаивались найти „благонадежныхъ“ служащихъ, а кочующій, волею мѣстныхъ властей, „третій элементъ“ тщетно искалъ возможности заработать скромный кусокъ хлѣба въ земскихъ и городскихъ учрежденіяхъ. Число подвергнутыхъ „остракизму“ въ иные періоды достигало громадныхъ размѣровъ. Правительственныя ревизіи Курскаго, Московскаго, Тверского и др. земствъ въ 1902 г. особенно усердно налегали именно на крамольность и „захватъ власти“ все того же третьяго элемента, а реакція 1906—1907 г. цѣлыя категоріи земскихъ служащихъ надолго отбросила отъ привычной работы.

Суммируя отношенія правительства и органовъ самоуправленія, защитникъ взгляда о несовмѣстимости земскихъ учрежденій съ самодержавнымъ режимомъ въ Россіи, гр. С. Ю. Витте въ своей запискѣ весьма ярко и точно опредѣляетъ ихъ такимъ образомъ: „взаимное недовѣріе и подозрительность, оппозиція открытая и скрытая, при благопріятныхъ для того условіяхъ пассивное сопротивленіе и даже открытая борьба—таковы черты и отдѣльные эпизоды исторіи этихъ отношеній. На сторонѣ правительства—сила, а потому земскіе порывы напередъ были обречены на безуспѣшность. Внѣшній видъ этихъ отношеній такой: съ одной стороны начало правительственное все болѣе и болѣе подавляетъ начало земское, съ другой—земство стремится выйти изъ тѣсныхъ рамокъ, ему предоставленныхъ, стать дѣйствительной властью, создать себѣ исполнительные органы и принять участіе въ Центральномъ Управленіи.“

Ненормальность этихъ отношеній ничего, кромѣ вреда, никогда не приносила и не принесетъ и устраненіе его въ

мѣстныхъ дѣлахъ должно стать на первую очередь въ будущей реформѣ земскихъ и городскихъ учрежденій. Ихъ права должны быть ограждены законами и расширены. Основной факторъ надзора государственной власти, нормальный и неизбѣжный, не можетъ быть инымъ, какъ только надзоромъ за законностью и принадлежать не единоличной власти администраціи, а коллегіальнымъ судебно-административнымъ органамъ. Всякое усмотрѣніе, всякій произволъ въ этомъ отношеніи, всегда являющійся главнымъ поводомъ разъединенія власти и мѣстныхъ органовъ самоуправленія, не должны имѣть мѣсто, а потому необходимо полное устраненіе надзора за цѣлесообразностью дѣйствій этихъ органовъ, всегда произвольнаго и въ корнѣ противорѣчащаго самой идеѣ самоуправленія. Что было бы, напримѣръ, теперь, если бы всякія постановленія всероссійскихъ земскаго и городского союзовъ должны были-бы подвергаться утвержденію по существу, если-бы набираемый ими многочисленный персоналъ проходилъ ту-же процедуру? Это было-бы гибелью ихъ дѣла, которое теперь такъ велико и такъ необходимо. Если война создала всѣ эти условія работы, если никто не докажетъ вреда и опасности для государства такого порядка, если теперь всѣ могутъ понять и оцѣнить его пользу, отмѣтить всю силу и значеніе свободной, нестѣсняемой общественной работы, то почему-же нужно сохранять прежнія формы въ обычной повседневной культурно-хозяйственной работѣ земствъ и городовъ? Удовлетворительнымъ разрѣшеніемъ этихъ вопросовъ можетъ быть только одно: надзоръ за законностью и полная самостоятельность земствъ и городовъ въ ихъ работѣ. Необходима, впрочемъ, одна оговорка. Прошлое указываетъ, что даже въ сферѣ примѣненія закона органы самоуправленія не имѣли надлежащей защиты ихъ правъ и самое высшее судебное учрежденіе Имперіи не было въ состояніи имъ этого дать. Для правильнаго функціонированія судебно-административныхъ органовъ надзора за дѣятельностью земскихъ и городскихъ учрежденій необходима еще независимость самихъ этихъ органовъ, какъ независимость всѣхъ органовъ суда вообще. Иначе, защита правъ, дарованныхъ закономъ, не будетъ

все же надежна. Самый законъ долженъ раздвинуть въ будущемъ рамки дѣятельности мѣстныхъ органовъ. Какой смыслъ запрещать, напр., подачу юридической помощи населенію, или лишать завѣдыванія продовольственными дѣлами, или вводить сугубыя ограниченія въ области дѣла народнаго образованія? Гдѣ найти сколько-нибудь разумные доводы, оправдывающіе запрещеніе организаціи земскихъ и городскихъ союзовъ, съѣздовъ, какъ областныхъ, такъ и общеимперскихъ? Будущая земская и городская реформа должна устранить всѣ эти недочеты закона.

Широкая самостоятельность органовъ самоуправленія, пересмотръ цѣлаго ряда устарѣвшихъ уставовъ и всей системы мѣстнаго управленія, контроль и надзоръ независимой судебной власти лишь за законностью дѣйствій земствъ и городовъ, — таковы основы будущей реформы, которая только въ этомъ направленіи можетъ обезпечить необходимое довѣріе къ власти и нормальное сотрудничество Правительства и мѣстныхъ самоуправленій.

V.

Кромѣ демократизаціи состава земскихъ собраній и городскихъ думъ, расширенія ихъ компетенціи, самостоятельности и введенія только судебнаго надзора за законностью ихъ дѣйствій, для правильнаго и успѣшнаго функціонированія существующихъ органовъ самоуправленія необходимо въ будущемъ еще одно существенное добавленіе къ ихъ реформѣ: увеличеніе ихъ матеріальныхъ средствъ, развитіе мѣстныхъ финансовъ въ связи съ общими проектами широкой реформы государственныхъ финансовъ. Иначе вся ихъ обновленная и освобожденная дѣятельность не сможетъ развиваться въ необходимыхъ размѣрахъ.

Намъ уже приходилось не разъ и довольно подробнымъ образомъ [1]) высказываться по этому поводу. Сущность переживаемаго въ данное время органами самоуправленія финансоваго кризиса заключается въ рѣзкомъ не-

---

[1]) См., напр., „Юбилейный Земскій Сборникъ“—Спб. 1914. Вопросъ объ улучшеніи земскихъ финансовъ.

соотвѣтствіи имѣющихся въ ихъ распоряженіи средствъ по сравненію съ размѣромъ подлежащихъ удовлетворенію культурно-хозяйственныхъ потребностей. Несмотря на ежегодное быстрое возрастаніе смѣтъ, (иногда чуть не въ десять разъ превышающее дозволенную для земствъ 3% норму), затраты на народное образованіе, народное здравіе, общественное призрѣніе, дорожное дѣло, ветеринарію, экономическія мѣропріятія и т. д. не въ состояніи удовлетворить потребности населенія. Источники предоставленныхъ земствами и городами средствъ давно уже оказались недостаточными, но въ теченіе долгихъ лѣтъ государство не увеличивало ихъ и не расширяло финансоваго базиса мѣстнаго обложенія. Государственный бюджетъ сконцентрировалъ у насъ въ необычайной степени всю массу доходовъ. Отсталость мѣстныхъ бюджетовъ по сравненію съ государственнымъ въ Россіи оказалась такова, какъ ни въ одномъ крупномъ государствѣ. Параллельно съ политической централизаціей, и въ соотвѣтствіи съ ней, финансовая централизація въ теченіе десятилѣтій ревниво ограничивала у насъ мѣстныя средства. Не имѣя средствъ, органы самоуправленія были лишены и организованнаго кредита. Всѣ ходатайства земскихъ и городскихъ учрежденій объ улучшеніи ихъ матеріальнаго положенія встрѣчали стойкое и неуклонное сопротивленіе Министерства Финансовъ. Даже существующее обложеніе земствъ и городовъ подвержено многочисленнымъ изъятіямъ: освобождены церковныя, монастырскія, желѣзно-дорожныя и многія казенныя имущества. Большинство этихъ льготъ установлено не столько законами, сколько разъясненіями Сената. Нормальный ростъ обложенія существующихъ источниковъ земскаго и городского дохода загражденъ фиксаціей опредѣленной нормы. Совершенно подобно тому, какъ съуживались и ограничивались права органовъ самоуправленій, такъ-же съуживались и ихъ матеріальныя средства и свобода распоряженія ими. Проводилась вездѣ одна и та же тенденція. Законъ о предѣльности земскаго обложенія 12 іюля 1900 г. вполнѣ соотвѣтствовалъ всѣмъ остальнымъ мѣрамъ борьбы съ мѣстнымъ населеніемъ. Поддержка мѣстныхъ средствъ со

стороны государственнаго казначейства, столь широко развитая въ западныхъ государствахъ, у насъ не только почти отсутствовала, но до самаго послѣдняго времени существовали даже обратныя отношенія: не государственное казначейство поддерживало средства земствъ и городовъ, а на мѣстныя средства были возложены многочисленныя повинности общегосударственнаго значенія.

Ликвидація этихъ тяжелыхъ формъ неправильнаго распредѣленія въ государствѣ общественныхъ средствъ не закончена и до сихъ поръ, хотя закономъ 5-го декабря 1912 г., внесеннымъ въ Г. Думу подъ давленіемъ главнѣйшихъ правительственныхъ политическихъ партій и оппозиціи, главная тягота обязательныхъ расходовъ съ земствъ и городовъ уже снята.

Тѣмъ не менѣе частичное исправленіе этимъ закономъ ненормальнаго положенія дѣла не внесло сколько-нибудь значительнаго измѣненія, и острота безденежья въ земскихъ и городскихъ кассахъ остается попрежнему во всемъ ея размѣрѣ.

Такимъ-же неполнымъ, частичнымъ и неудовлетворительнымъ рѣшеніемъ вопроса о кредитѣ явился законъ о кассѣ земскаго и городского кредита, утвержденный 26 іюня 1912 г. Широкихъ операцій касса не развила, кредитъ черезъ ея посредство оказался дорогимъ и стѣсненнымъ въ размѣрѣ.

Не входя въ подробности спеціальнаго вопроса о мѣстныхъ финансахъ, приходится лишь вкратцѣ сказать, что для ихъ улучшенія въ будущемъ необходима коренная реформа. Она должна не только ликвидировать остатки обязательныхъ расходовъ, не только расширить мѣстное обложеніе, уничтоживъ ограниченія и изъятія, не только отмѣнить фиксацію его ежегоднаго роста, но и передать въ руки органовъ самоуправленія такіе реальные государственные налоги, какъ поземельный, подомовый и основной промысловый.

Теперь это тѣмъ легче сдѣлать послѣ войны, что она неизбѣжно приведетъ къ введенію подоходнаго налога, который вполнѣ и съ избыткомъ возмѣститъ казнѣ такую уступку части прямыхъ налоговъ земскимъ и городскимъ

учрежденіямъ. Однако и эта крупная мѣра все еще не въ силахъ разрѣшить всего вопроса.

По нашему мнѣнію, для необходимаго развитія мѣстной культурно-хозяйственной жизни государство должно дополнительно установить рядъ пособій мѣстнымъ средствамъ въ области главнѣйшихъ отраслей мѣстнаго хозяйства: народнаго образованія, народнаго здравія, общественнаго призрѣнія, дорожнаго дѣла и пр., ибо ихъ правильная организація не является вовсе исключительно мѣстной потребностью. Въ ней заинтересовано и государство. Эта помощь казны, уже осуществляемая въ школьныхъ и агрономическихъ пособіяхъ, должна быть поставлена широко, но отнюдь не стѣсняя самостоятельности органовъ самоуправленія.

Затѣмъ, необходимъ еще пересмотръ и вопроса о кредитѣ, съ цѣлью удешевленія его и отмѣны стѣсняющихъ ограниченій.

VI.

Коренная реформа земскихъ и городскихъ учрежденій должна быть дополнена, далѣе, созданіемъ новыхъ общественныхъ самоуправляющихся единицъ, близкихъ къ населенію. Таковы поселковое управленіе и волостное земство.

Въ первомъ случаѣ необходимо восполнить тотъ пробѣлъ, который страннымъ образомъ, разсудку вопреки, наперекоръ самымъ естественнымъ требованіямъ благоустройства государства, существуетъ въ законодательствѣ Имперіи. Введеніе городового положенія въ населенныхъ мѣстахъ отчасти выполняется исполнительной властью, отчасти проходитъ въ законодательномъ порядкѣ. Существуетъ даже путаница и смѣшеніе того и другого пути. Напр., введеніе въ г. Новочеркасскѣ городового положенія, по почину депутатовъ, прошло черезъ законодательныя учрежденія, а правительственный проектъ о томъ-же для Армавира дважды провалился въ Г. Совѣтѣ и былъ проведенъ наконецъ въ порядкѣ Верховнаго Управленія. Введеніе существующаго городового положенія въ крупныхъ населенныхъ мѣстахъ своею властью правительство примѣняетъ рѣдко. Цѣлыя

десятки, если не сотни мѣстечекъ, поселеній, выросшихъ при станціяхъ желѣзныхъ дорогъ, крупнѣйшихъ станицъ и слободъ юга Россіи, торговыхъ поселковъ, застроенныхъ пригородныхъ дачныхъ мѣстностей и пр., нерѣдко съ тысячами и даже десятками тысячъ жителей, не имѣютъ никакой организаціи самоуправленія. Во многихъ случаяхъ расположенные на земляхъ частныхъ владѣльцевъ или сельскихъ обществъ, они испытываютъ рядъ тяжелыхъ затрудненій въ проведеніи самыхъ элементарныхъ мѣръ мѣстнаго благоустройства. Стоитъ вспомнить, напр., положеніе населенія слободы Покровской противъ Саратова, желѣзно-дорожнаго поселка Синельниково, или сл. Калачъ, Воронежской губ. съ 30 тысячами жителей, Охты подъ Петербургомъ, Марьиной рощи подъ Москвой, или курортовъ по берегу Рижскаго залива и прочее и прочее, чтобы понять всю ненормальность существующаго отсутствія общественной организаціи въ массѣ населенныхъ мѣстъ. Кромѣ того, вообще сельское сословное управленіе у насъ, основанное на архаическихъ, почти вѣчевого уклада, началахъ крестьянскаго схода домохозяевъ, давно уже оставляетъ желать много лучшаго; оно не включаетъ совсѣмъ остальныхъ жителей и имѣетъ смѣшанный характеръ организаціи первобытнаго земельнаго общества съ административно-полицейскими должностными учрежденіями, подчиненными и общей полиціи и власти земскихъ начальниковъ. Реформа поселковаго управленія, безнадежно застрявшая въ министерскихъ канцеляріяхъ изъ-за нескончаемыхъ передѣлокъ, должна-же быть, наконецъ, проведена въ жизнь.

Вторая реформа,—волостное земство,—есть именно тотъ фундаментъ для всего зданія земскихъ учрежденій, который тщетно пытаются устроить земскіе дѣятели уже въ теченіе многихъ лѣтъ. Недостатокъ близкой къ населенію мелкой земской единицы и обособленность крестьянскаго управленія были отмѣчены очень рано многими выдающимися мѣстными дѣятелями.

Записка, представленная въ 1860 г. въ Рязанскій комитетъ кн. Волконскимъ и Офросимовымъ, говорила о необходимости включенія въ волостное управленіе „всѣхъ жителей мѣстности безъ всякаго различія сословій и вѣ-

домствъ". Иначе, по ихъ мнѣнію, всякая самостоятельность мірского общества устраняется, и между правительствомъ и народомъ явится разъединеніе, которое рано или поздно разразится страшнѣйшими безпорядками"...

Вопросъ о земской волости претерпѣлъ по истинѣ грустную исторію. Сначала сословная замкнутость крестьянскихъ учрежденій казалась почему-то необходимой для ихъ свободнаго процвѣтанія, а откровенныя попытки крѣпостниковъ возратить утраченную власть помѣщиковъ вотчинной организаціей всесословной волости (напр., проектъ г-на Савельева въ Петербургскомъ Дворянскомъ Собраніи 1873 г.) дискредитировали въ глазахъ прогрессивнаго общества всѣ начинанія волостной реформы. Затѣмъ, когда развитіе земской жизни съ очевидностью указало на оторванность уѣздныхъ и губернскихъ земскихъ учрежденій отъ массъ населенія, всѣ заявленія и ходатайства земствъ о мелкой земской единицѣ были рѣзко останавливаемы правительственной властью, боявшейся проникновенія въ крестьянскую среду образованныхъ лицъ иныхъ сословій.

Попытка прогрессивнаго чиновничества, въ періодъ работъ Кохановской комиссіи, реформировать крестьянскія учрежденія мало-по-малу, подъ вліяніемъ укрѣплявшейся реакціи, выродилась въ Пазухинскіе проекты близкой къ народу попечительной власти, въ земскихъ начальниковъ и сословно-дворянскую передѣлку самаго земскаго положенія 1864 г. Только смерть Д. А. Толстого спасла, повидимому, земство отъ окончательнаго разрушенія. Черезъ 25 лѣтъ крѣпостники достигли, наконецъ, частичнаго успѣха въ возвратѣ власти въ мѣстныхъ дѣлахъ первенствующему сословію. Крестьянское сословное самоуправленіе осталось старымъ и было подчинено надзору и вліянію мѣстныхъ дворянъ землевладѣльцевъ, черезъ посредство предводителей дворянства и земскихъ начальниковъ, совмѣстившихъ и административную власть полиціи и судебную взамѣнъ уничтоженныхъ выборныхъ мировыхъ судей. Послѣдующая практика показала весь вредъ произведенной ломки, поколебавшей правосознаніе крестьянскаго населенія, вызвавшей его глухое недовольство и ни въ чемъ не облегчившей

задачи управленія. Культурно-хозяйственная жизнь волости, награжденная сверху взамѣнъ всесословнаго земства „земскими“ начальниками, замерла и выродилась. Свыше $^2/_3$, а во многихъ волостяхъ и $^3/_4$, всѣхъ волостныхъ расходовъ пошли на полицейско-административные расходы, имѣющіе общегосударственный характеръ. Все бремя этихъ расходовъ легло исключительно на крестьянскія плечи и обложеніе крестьянскихъ надѣльныхъ земель постепенно оказалось почти вдвое выше, чѣмъ частновладѣльцевъ. Настроеніе крестьянскихъ массъ вылилось въ 1904—1906 г.г. именно въ тѣхъ формахъ, о которыхъ такъ ясно предсказалъ кн. Волконскій. Между тѣмъ земскія учрежденія во всѣхъ ихъ начинаніяхъ оставались лишенными дѣятельной помощи на мѣстѣ. Продовольственный, дорожный, экономическій вопросы осложнялись и затруднялись до крайности, народное образованіе и медицина развивались медленно, часто не встрѣчая поддержки въ мѣстномъ населеніи, общественное призрѣніе почти отсутствовало. Земскія мѣропріятія часто оставались чуждыми для населенія, кодорое не различало ихъ отъ проявленій власти „земскаго“ начальника. Смѣшеніе понятій, быть можетъ, сознательно навязанное даже въ самомъ названіи, привело къ тому, что даже слово „земскій“ скорѣе пугало крестьянъ, чѣмъ было понятно. Въ такомъ положеніи вопросъ о волостномъ, всесословномъ земствѣ, объ организаціи мелкой земской единицы дошелъ до нашихъ дней. Съ 1907 г. его попыталось было разрѣшить Правительство, но робкій проектъ Столыпина, вычеркнувшій изъ волостной реформы даже самонаименованіе ее земской, погибъ отъ послѣдующаго измѣненія взглядовъ его преемниковъ и сословной заинтересованности вліятельныхъ круговъ верхней палаты. Высочайшій Указъ 12 Дек. 1904 г. до сихъ поръ остался неисполненнымъ. Будущее земскихъ учрежденій связано съ волостной реформой самымъ тѣснымъ образомъ. Сословная замкнутость крестьянъ, ихъ несправедливое и тяжелое обложеніе, отсутствіе близкой связи между ними и земствами, отсутствіе у земства своихъ, близкихъ къ народу, органовъ не можетъ долѣе продолжаться. Проведеніе всесословной земской волости требуется и принципами спра-

ведливости и государственной мудрости. Она должна быть построена на тѣхъ же общихъ основахъ, какъ и реформа существующихъ земскихъ учрежденій; во всемъ земскомъ зданіи долженъ быть проведенъ, отъ крыши до фундамента, одинъ общій планъ, только тогда оно будетъ прочно и отвѣчать своему назначенію.

VII.

Намъ остается сказать, въ заключеніе, всего нѣсколько словъ о распространеніи городового и земскаго положенія на области, его лишенныя. Земскихъ учрежденій лишены въ Европейской Россіи Архангельская, Черноморская, Область войска Донского, Кубанская и Терская Области, Ковенская, Гродненская и Виленская губерніи, весь Прибалтійскій край и Царство Польское. Ихъ нѣтъ также на Кавказѣ и на всемъ протяженіи Азіатской Россіи. Городовое положеніе отсутствуетъ въ Царствѣ Польскомъ и въ нѣкоторыхъ городахъ Закаспійской области. Политика недовѣрія и къ инородцамъ окраинъ, и къ казачьему населенію, и къ глубокодемократическому составу жителей Сибири и пр. была тому причиной. Органы самоуправленія еле терпѣлись въ Центральной Россіи; мыслимо ли было ихъ распространять на новыя, еще болѣе „опасныя“, области, гдѣ подозрѣвался „сепаратизмъ“ и центробѣжныя стремленія, гдѣ даже цѣною безчисленныхъ жертвъ мѣстной хозяйственно-культурной жизни все было ввѣрено административному всемогуществу. Въ этихъ взглядахъ до самаго послѣдняго времени лежала причина неуспѣха всякихъ попытокъ распространенія благъ самоуправленія на новыя области. Эти взгляды господствовали въ вліятельныхъ бюрократическихъ кругахъ. Ими объяснялось крушеніе депутатскихъ проектовъ Сибирскаго и Донского земства въ Г. Совѣтѣ, недавній провалъ правительственнаго проекта о городовомъ положеніи Царства Польскаго и героическая (съ нарушеніемъ Основныхъ Законовъ) борьба покойнаго Столыпина съ тѣмъ же Г. Совѣтомъ изъ-за западнаго земства.

Глубоко вредная для мѣстнаго и государственнаго

благополучія, эта реакціонная „мудрость“, это слѣдуетъ признать, была послѣдовательна во всѣхъ своихъ проявленіяхъ. Но развѣ не будетъ послѣдовательнымъ теперь, когда война, какъ молніей, освѣтила истинное положеніе вещей и показала всю ошибочность и вздорность ночныхъ страховъ „сепаратизма“ окраинъ, немедленно ввести тамъ органы самоуправленія? Развѣ можно далѣе лишить этихъ органовъ и коренныя русскія области, и русскую Сибирь, и казачьи земли?

Земскія и городскія учрежденія должны распространиться во всю ширь, изъ конца въ конецъ Русской земли такъ же, какъ и дойти до самыхъ глубинъ ея населенія.

А. Шингаревъ.

ВОЙНА И ЖЕНЩИНА.

П. Н. Шишкиной-Явейнъ.

Міровая война, ежеминутно уносящая сотни человѣческихъ жизней, напоила воздухъ запахомъ крови. Атмосфера насыщена пороховымъ дымомъ. Трудно дышется женщинѣ, ибо легче умереть, отдать свою бренную оболочку, чѣмъ хоронить все то, для чего жилъ, что составляло смыслъ и придавало значеніе пребыванію на этой планетѣ. Трудно отрицать, что истинныя причины войны весьма рѣдко бываютъ тождественны съ ближайшими поводами войны, которые обыкновенно облекаются въ торжественно звучащія названія: „борьба за цѣлость націи, война за культуру, война за право, миръ и справедливость“. Этому насъ учитъ исторія.

Такъ хотѣлось бы вѣрить этимъ громкимъ поводамъ войны, такъ чувствуется необходимость подыскать оправданіе безобразнымъ человѣческимъ звѣрствамъ, свидѣтелями которыхъ сдѣлала насъ неумолимая судьба.

Какимъ бы предлогомъ о правѣ, чести или безопасности націи война не вызывалась, съ несомнѣнностью можно сказать, что всякая война имѣетъ свою экономическую подкладку. Когда же русская женщина будетъ имѣть право голоса въ рѣшеніи международныхъ недоразумѣній, ни одного своего гражданина она не отдастъ ни за какіе торговые рынки, ни за какія экономическія блага, уже потому, что женщина, какъ мать, по существу своему, по природѣ своей больше знаетъ цѣну человѣческой жизни. Природа женщины создавать жизнь, оберегать ее,—въ этомъ наша культурная задача. Кромѣ того, каждая человѣческая жизнь есть великая экономическая цѣнность въ общемъ жизнен-

номъ строительствѣ, а при современной техникѣ и усовершенствованіи орудій смерти, бѣдствія, идущія за войной, такъ велики, что никакими контрибуціями онѣ не могутъ быть окуплены даже для побѣдителей.

Не щедро до сихъ поръ было въ жизни отмѣрено въ удѣлъ женщинѣ. Семья—это единственная сфера, которая свободно была представлена ей. Не всякая женщина можетъ создать домашній очагъ, но если онъ есть, въ немъ всѣмъ тепло и уютно. Тамъ одинаково хорошо и малому и старому, и генію и безталанному, всѣхъ онъ грѣетъ, всѣмъ рады.

Очагъ—созданіе женщины.

Въ удѣлъ мужчинѣ дано большее. Государство—вотъ созданіе рукъ мужчины. Къ чему же привело это мужское твореніе? Есть ли въ настоящій моментъ хоть одно государство, гдѣ всѣмъ его членамъ было бы спокойно и хорошо, гдѣ не лились бы слезы или не трепетали бы сердца за могущее произойти и тамъ такое же политическое землетрясеніе, въ какое теперь вовлечены почти всѣ государства Европы? Застраховано ли хоть одно государство отъ такого же, внезапно такъ на насъ налетѣвшаго, вихря?

Государства со всѣми ихъ межгосударственными интересами, созданіе рукъ мужчины, въ немъ женщина неповинна.

Женщинамъ, стремящимся къ признанію за ними человѣческихъ правъ: права на трудъ, на равное мѣсто въ общественной жизни, много и съ убѣжденіемъ возражаютъ: „воспитывайте подростающее поколѣніе, дайте міру здоровыхъ и культурныхъ гражданъ, развѣ это не большая, не великая задача?“

До сихъ поръ воспитаніе почти исключительно дѣло женщины. И воспитывая, женщина вкладывала въ это дѣло всю душу не только по призванію, но уже потому, что другого-то культурнаго общечеловѣческаго счастья ей въ удѣлъ досталось пока что не очень много.

Неужели для того призываютъ насъ воспитывать подростающее поколѣніе, давать міру здоровыхъ гражданъ, чтобы былъ матеріалъ для рѣшенія межгосударственныхъ недоразумѣній?

Мы, женщины, даемъ міру людей, и мы должны имѣть право голоса въ устройствѣ міра для нашихъ дѣтей, иначе всѣ наши труды пропадаютъ даромъ.

Ни въ одномъ современномъ соціальномъ злѣ женщина пока неповинна: алкоголизмъ созданъ не ею, проституцію кормимъ не мы. Наоборотъ, тамъ гдѣ женщина получила право голоса, она возстаетъ противъ всего того, что болѣзненно и ненормально. Она борется съ алкоголизмомъ, съ двойной моралью разной для мужчинъ и женщинъ, съ торговлей порокомъ, со всѣмъ тѣмъ, что способствуетъ вырожденію народа.

Забота о дѣтяхъ, охрана материнства, равная плата за равный трудъ, государственная охрана старости, воспитаніе въ молодежи понятій истинной культуры, истинной любви къ родинѣ, охрана труда малолѣтнихъ, право матери на ребенка—всѣ эти вопросы получатъ благопріятное разрѣшеніе лишь тогда, когда въ дѣлѣ общаго строительства жизни будетъ принимать участіе и женщина.

Одинъ изъ лозунговъ, написанныхъ крупными буквами на знамени всѣхъ женскихъ союзовъ, есть идея мира и братства народовъ и уже по этому одному борьба женщины за свои политическія права есть великая борьба за лучшее будущее всего человѣчества.

Правъ былъ извѣстный датскій ученый Геффдингъ, который находилъ, что стремленіе женщины къ равноправію есть не только ея право, но и обязанность. Обязанность не только передъ собою, но и передъ дѣтьми, передъ обществомъ.

Каждый индивидуумъ долженъ стремиться принести какъ можно больше пользы, въ этомъ залогъ прогресса, а потому, въ интересахъ всего человѣчества, мы должны стремиться къ признанію за женщиной всѣхъ ея человѣческихъ правъ.

Идея вѣчнаго мира и братства народовъ, какъ вершина настоящей культуры, несомнѣнно ожидаетъ человѣчество тамъ—на болѣе высокой степени цивилизаціи. Современная война показала, что звѣрь еще прочно сидитъ въ насъ, что человѣчество весьма медленно и съ трудомъ вскарабкивается по скалистой горѣ къ этой завѣтной вершинѣ

цивилизаціи, безпрестанно оступаясь, падая и сваливаясь внизъ. И на этомъ трудномъ пути человѣчества большую роль суждено будетъ сыграть женщинѣ. Безъ помощи женщины, свободной культурной гражданки, не вскарабкаться туда человѣчеству.

Только свободная, истинно-культурная женщина-мать можетъ воспитать такое же человѣчество.

И въ этой несокрушимой вѣрѣ въ конечное торжество истинной цивилизаціи, а вмѣстѣ съ нею идеи вѣчнаго мира, черпаетъ женщина духовныя силы.

Во время этой войны больше чѣмъ когда-либо одинаково съ мужчиной участвовала русская женщина въ общемъ подъемѣ общественныхъ силъ, въ общей государственной работѣ. Безправная, безгласная въ дѣлѣ общаго строительства жизни своего народа вообще, теперь, въ настоящую грозную минуту, переживаемую родиной, встала она во весь ростъ свой и, сплоченная или въ одиночку, понесла самоотверженный трудъ свой на алтарь общей работы военнаго времени. Тотчасъ же вслѣдъ за мужчиной широкими рядами пошла на воїну и женщина.

Не вооруженная орудіемъ смерти отправилась женщина на войну, а перевязывать раны, наносимыя другъ другу ея спутникомъ въ жизни—мужчиною. Она пошла облегчить муки умирающему, тому, кому волею судьбы пришлось сдѣлаться искупительной жертвой въ происходящемъ политическомъ землетрясеніи. Подъ градомъ пуль и шрапнелей наши сестры милосердія перевязываютъ раны и подбираютъ раненыхъ. Нѣкоторыя изъ нихъ убиты, многія — раненыя или контуженыя—находятся въ лазаретахъ на излеченіи.

И не только тамъ, на поляхъ сраженія, но и здѣсь, на нивѣ мирнаго труда много работаетъ русская женщина, образуя цѣлыя арміи борцовъ со всѣми тѣми бѣдствіями и разрушеніемъ, которыя неизбѣжно несетъ за собою всякая война. Нѣтъ города, нѣтъ дома, нѣтъ уголка, начиная отъ царскихъ хоромъ до бѣдной лачуги, гдѣ бы русская женщина не участвовала бы теперь въ общей работѣ на благо родинѣ. Тамъ надо согрѣть солдата, тутъ призрѣть его семью, дать работу женѣ, накормить и обучить его дѣтей.

Всѣ женскія организаціи устремились использовать свою соорганизованность на благо дорогой родины.

Загляните въ петроградскіе лазареты и больницы и вы увидите, что они обслуживаются теперь почти исключительно врачами женщинами.

Трудно представить себѣ то критическое положеніе, въ которомъ очутилась бы теперь наша страна, если бы у насъ не было нашего солиднаго высшаго медицинскаго женскаго образованія, изъ-за котораго еще такъ недавно русская женщина вела ожесточеннѣйшую борьбу, и результатами котораго наша родина теперь такъ широко пользуется.

Врядъ-ли найдется теперь человѣкъ даже среди самыхъ убѣжденныхъ противниковъ женской работы, который не признавалъ бы того, что значительно пострадала бы наша общественная помощь сражающемуся воину, а съ нимъ и успѣхъ войны, если бы теперь исключить трудъ женщинъ изъ общаго подъема нашихъ общественныхъ силъ.

Современная война—безпримѣрная въ исторіи по напряженію силъ—не можетъ не оставить послѣ себя весьма сильнаго впечатлѣнія и неизбѣжно понесетъ за собою переоцѣнку нашихъ общественныхъ цѣнностей. И надо думать, что при общей расцѣнкѣ не забудется, наконецъ, и русская женщина, какъ гражданка своего отечества. Женщина большая общественная единица, еще разъ доказавшая свой интересъ къ общественной жизни страны, свою политическую зрѣлость. Женщина ждетъ, что настало, наконецъ, время, когда ей будетъ отведено лучшее мѣсто въ жизни страны, что исчезнутъ навсегда законы, лишающіе женщину человѣческихъ правъ избирать представителей въ законодательныя учрежденія своей страны наряду съ преступниками, дѣтьми и идіотами. Женщина ждетъ, что великая идея „равенства половъ передъ закономъ“—засіяетъ у насъ яркимъ свѣточемъ, неся миръ и счастіе народу.

И теперь, именно теперь, это кажется особенно цѣннымъ, ибо насущнѣе выдвинута необходимость перековать въ человѣчествѣ понятіе о неизбѣжности войнъ.

Нужно принять мѣры къ тому, чтобы сберечь человѣчеству всѣ тѣ силы, которыя теперь тратятся на поляхъ сраженія.

Человѣкъ, живущій исключительно лишь своими шкурными личными интересами, которому совершенно чужды болѣе широкіе общественные интересы, по общепризнанному мнѣнію, несомнѣнно, будетъ считаться человѣкомъ низкаго уровня развитія. Не заслужитъ особой похвалы и тотъ человѣкъ, который благополучіе всей страны принесетъ въ жертву ради выгоды своей маленькой лачужки.

Какъ радуется интеллигентный человѣкъ всякому новому открытію въ наукѣ, являющемуся вкладомъ въ нашу общечеловѣческую культуру, и радуется искренне кто бы ни открылъ и въ чьей бы странѣ не произошло это открытіе!

Силою сознательной воли необходимо развить въ людяхъ болѣе возвышенное представленіе о любви къ отечеству, а патріотизмъ долженъ вылиться въ иныя, болѣе совершенныя, болѣе высокія формы его, чтобы исчезло создавшееся теперь противорѣчіе между понятіемъ патріотизма и большимъ, широкимъ, свѣтлымъ понятіемъ любви ко всему человѣчеству.

Взамѣнъ существующаго межгосударственнаго права необходимо создать истинное международное право и заставить человѣчество уважать его. Передъ волею же всего человѣчества неизбѣжно должна преклониться воля отдѣльныхъ личностей и даже государствъ. Если справедливо, что международное право, какъ таковое, есть наука лишь будущаго, то необходимо постараться ускорить наступленіе этого будущаго.

Будущее же наше можетъ быть счастливымъ и свѣтлымъ лишь тогда, когда международная политика будетъ покоиться на началахъ справедливости.

Вѣра въ жизнь, въ ея цѣнность будетъ въ то же время и торжествомъ мира.

Жадно ждетъ русская женщина, а съ нею и все мыслящее человѣчество, окончанія этой войны, надѣясь, что при заключеніи мира всѣ воюющія государства, подписывая миръ кровью милліоновъ убитыхъ сыновъ своихъ, подпи-

шутъ тутъ же и договоръ, по которому впредь всѣ международныя недоразумѣнія должны быть разрѣшаемы третейскимъ разбирательствомъ, которое для государствъ еще болѣе обязательно, чѣмъ для отдѣльныхъ личностей.

А русская женщина—народная представительница понесетъ въ народъ

идеи христіанской любви

и братства народовъ.

П. Шишкина-Явейнъ.

ВНѢШНЯЯ ПОЛИТИКА.

Р. Е. Стрѣльцова.

Одинъ изъ незаурядныхъ русскихъ дипломатовъ, князь Г. Н. Трубецкой (нынѣшній посланникъ въ Сербіи), сравнительно недавно жаловался на то, что общественное мнѣніе не оказываетъ вліянія на направленіе нашей внѣшней политики. „Послѣдняя", говоритъ онъ, „слишкомъ часто получаетъ характеръ чисто бюрократическій. Въ принимаемыхъ рѣшеніяхъ намъ слышится то пестрая разноголосица вѣдомствъ, то случайныя побочныя вліянія. Меньше всего находитъ въ нихъ отклика общественное мнѣніе, и нѣкоторая доля отвѣтственности остается на немъ самомъ". „Въ критикѣ нашей дипломатіи, — продолжаетъ онъ,—въ упрекахъ, что у нея нѣтъ настоящаго пониженія интересовъ Россіи, недостатка, конечно, нѣтъ, но мы должны сознаться, что далеко не всегда эта критика сама обнаруживаетъ настоящее пониманіе сложныхъ задачъ, о которыхъ берется судить" (см. т. II. сборника „Великая Россія", изданіе и редакція П. Рябушинскаго).

Кто поближе ознакомился съ тѣмъ, что у насъ говорится и пишется по вопросамъ внѣшней политики, тотъ, конечно, согласится, что кн. Трубецкой правъ. Общество наше, дѣйствительно, удѣляетъ черезчуръ мало вниманія внѣшне-политическимъ проблеммамъ и въ общемъ очень плохо разбирается въ сложномъ клубкѣ взаимно переплетающихся международныхъ интересовъ. Но можно ли винить общественное мнѣніе въ такомъ положеніи вещей? Трудно заниматься съ интересомъ тѣми вопросами, рѣшеніе которыхъ отъ тебя ни мало не зависитъ. До созданія народнаго представительства наша внѣшняя политика совершенно ускользала отъ общественнаго воздѣйствія и потому общество

слѣдило за ней съ гораздо меньшимъ вниманіемъ, чѣмъ за политическими выступленіями руководящихъ европейскихъ державъ. Внѣшняя политика была для насъ отрицательнымъ, а не положительнымъ явленіемъ. Она мѣшала сосредоточиться на самыхъ важныхъ проблеммахъ,—на вопросахъ внутренней жизни, безъ рѣшенія которыхъ нельзя было сдѣлать шагу впередъ и въ другихъ областяхъ. Внѣшняя политика русскаго общества могла заключаться только въ томъ, чтобъ парализовать таковую, такъ какъ она отвлекала вниманіе и силы отъ насущнѣйшихъ внутреннихъ задачъ. Она была помѣхой и, само собою разумѣется, что старались не столько заниматься ею или изучать, сколько искали способовъ отдѣлаться отъ нея, заставить забыть о ней не только себя, но и другихъ. Мы нуждались въ интенсификаціи внутренней жизни и всякая попытка къ экстенсификаціи являлась досадной задержкой, которую нужно было раньше всего устранить.

Съ введеніемъ представительныхъ учрежденій положеніе, конечно, измѣнилось, но не очень ужъ сильно. Внутреннія проблеммы по-прежнему являются самыми насущными. Думская работа и думская критика повысили интересъ къ внѣшнеполитическимъ проблеммамъ, но сложность и своего рода абстрактность послѣднихъ отталкиваютъ многихъ отъ нихъ.

Такому положенію вещей способствовало то обстоятельство, что войны послѣднихъ десятилѣтій не затрагивали болѣе или менѣе глубоко важнѣйшихъ основъ нашего существованія. Русско-японская война велась гдѣ-то далеко и не понятно было, изъ-за чего она ведется и для чего она нужна намъ. Войны съ Турціей велись подъ „освободительнымъ“ флагомъ и вызывали въ обществѣ представленіе, что онѣ ведутся не въ нашихъ, а въ чьихъ-то чужихъ интересахъ. Выступленія же на среднемъ Востокѣ носили въ общемъ характеръ военныхъ экспедицій и интересовали только небольшіе круги искателей приключеній и непосредственно заинтересованныхъ промышленниковъ. Національныхъ войнъ мы не знали, существованіе націи ни разу не становилось на карту хотя бы въ минимальной мѣрѣ. Понятно поэтому, что насъ и не могло

особенно интересовать то, что дѣлается за околицей. „Околица“ не казалась угрожающей, мы не видѣли въ ней враждебныхъ силъ; наоборотъ, часто она являлась намъ въ видѣ друга, ибо les ennemis des nos ennemis sont nos amis. Кромѣ того, мы видѣли въ ней образцы учрежденій, которыя хотѣли пересадить на нашу почву и, изучая эти образцы, не замѣчали, что замышляли противъ насъ или чего искали у насъ наши доброжелательные и недоброжелательныя сосѣди.

Ко всему этому слѣдуетъ еще прибавить то расхолаживающее вліяніе, которое оказывало отсутствіе у нашихъ оффиціальныхъ руководителей опредѣленной линіи поведенія или, какъ сказали бы нынче, опредѣленной оріентаціи. Въ упомянутой статьѣ князь Г. Н. Трубецкой говоритъ въ одномъ мѣстѣ: „Мы всей душой желали бы одного: чтобъ не завтра, а когда-нибудь вообще утратилъ бы основаніе главный упрекъ, который мы дѣлаемъ нашему правительству: отсутствіе общаго плана и согласованныхъ съ нимъ дѣйствій“. Фактъ, отмѣчаемый тутъ, нельзя отрицать, какъ нельзя не видѣть, что онъ долженъ вліять именно въ смыслѣ охлажденія интереса къ нашей внѣшней политикѣ. Когда замѣчаешь, что сегодня хотятъ одного, а завтра другого, когда одинъ тянетъ въ лѣсъ, а другой по дрова, то вскорѣ начинаетъ казаться, что во всей этой сутолокѣ, которая носитъ названіе „внѣшней политики“, нѣтъ ни капли внутренняго смысла, ни грани закономѣрности и что нѣтъ никакой возможности разобраться въ кучѣ всевозможныхъ фактовъ, лишенныхъ какъ будто всякаго объединяющаго смысла.

Отмѣчая это обстоятельство, мы не хотѣли бы, однако, чтобы въ этомъ былъ усмотрѣнъ „упрекъ“. То, что въ глазахъ князя Трубецкого является дефектомъ, является для насъ съ одной стороны неизбѣжнымъ, а съ другой положительнымъ моментомъ. „Общій планъ“ при наличныхъ условіяхъ не можетъ, вѣдь, быть инымъ, какъ наступательнымъ. Сколько ни придумывай „плановъ“, всѣ они въ концѣ концовъ сведутся къ тому, чтобы сконцентрировать силы для того, чтобы что-нибудь гдѣ-нибудь захватить. Таковъ былъ, напримѣръ, „общій планъ“ бывшаго министра А. Н.

Куропаткина, когда онъ два года назадъ предлагалъ войти въ соглашеніе съ Австріей и Германіей для того, чтобъ сосредоточить нашу политику на дальневосточныхъ проблеммахъ [1]), таковъ былъ „планъ“ члена Государственной Думы Д. Н. Чихачева, который незадолго до войны предлагалъ обратить вниманіе преимущественно на ближневосточныя дѣла [2]) таковы, наконецъ, задачи, которыя намѣчалъ для Россіи авторъ любопытнаго юмористическаго стихотворенія, напечатаннаго въ органѣ нашихъ будирующихъ приватъ-дипломатовъ, „Новомъ Звенѣ“ (см. № 5 за 1914 г.).

Но развѣ Россія нуждается въ такой политикѣ? Наступательная политика необходима лишь тѣмъ странамъ, которыя нуждаются въ новыхъ рынкахъ для сбыта растущаго избытка своихъ продуктовъ или въ новыхъ колоніяхъ для переселенія избытка населенія. Въ Россіи нѣтъ ни того, ни другого. У насъ нѣтъ растущаго избытка продуктовъ, нѣтъ и избытка населенія, котораго мы не могли бы устроить на уже имѣющейся территоріи. Мы нуждаемся въ подъемѣ нашей внутренней жизни, въ „внут-

[1]) См. его книгу: Русско-китайскій вопросъ. Спб. 1913 г.

[2]) См. его книжку „Современная Румынія“ (Спб. 1914 г.), которая заканчивается слѣдующими любопытными строками: „Сближеніе между Россіей и Румыніей облегчится въ особенности, если въ основу нашей иностранной политики мы положимъ здоровый эгоизмъ и національнизмъ, чуждые всякой сантиментальности. Трафаретные и предвзятые взгляды въ области внѣшней политики послѣ послѣднихъ событій на Балканахъ должны быть рѣшительно отброшены въ сторону. Служенію Россіи интересамъ др. государствъ долженъ быть поставленъ безусловно конецъ. Термины: германофильство, франкофильство, англофильство и т. д. въ отношеніи нашей иностранной политики должны отойти въ область прошлаго. Осторожнѣе (слушайте, слушайте!) даже забыть славянскія симпатіи на нѣкоторое время, имѣя въ виду, что онѣ въ настоящую минуту не имѣютъ реальной почвы. Намъ представлялось бы крайне желательнымъ, чтобы задачи нашей внѣшней политики, задачи серьезныя и первостепенныя, неразрывно связанныя съ дальнѣйшимъ будущимъ Россіи, ея процвѣтаніемъ и величіемъ, были всесторонне выяснены самымъ добросовѣстнымъ образомъ. Задачи эти должны быть столь существенны съ точки зрѣнія интересовъ государства, что ради ихъ осуществленія Россія не должна бы останавливаться передъ необходимостью и неизбѣжностью вооруженнаго столкновенія“.

реннемъ возрожденіи", но отнюдь не въ достиженіи чего то, что лежитъ за нашими предѣлами. Намъ нужно только, чтобъ намъ не мѣшали работать надъ этимъ внутреннимъ возрожденіемъ, чтобъ намъ не навязывали требованій, способныхъ задержать эту работу (самымъ важнымъ для насъ въ этомъ отношеніи являются торговые договоры). Наша внѣшняя политика должна быть поэтому неизбѣжно „пассивной", оборонительной, а вмѣстѣ съ тѣмъ какъ будто лишенной „общаго плана". Разъ приходится „обороняться", то, естественно, что нужно быть готовымъ ко всевозможнымъ неожиданностямъ. Нельзя поэтому вести ни исключительно ближневосточной ни исключительно дальневосточной или средневосточной политики. Мы не можемъ и не должны себѣ ставить внѣшнеполитическихъ цѣлей. Эти цѣли ставили и будутъ ставить намъ наши „сосѣди". Наша задача можетъ заключаться только въ томъ, чтобъ быть готовыми ко всевозможнымъ ситуаціямъ. The readiness is all. И если въ лозунгѣ „быть готовымъ" можно усмотрѣть нѣчто въ родѣ объединяющаго начала, то у насъ имѣется и „общій планъ". Другого „общаго плана" у насъ не можетъ и не должно быть.

„Быть готовымъ" отнюдь не значитъ стоять „у моря" и ждать „погоды". Въ дѣйствительной жизни „ждать" не приходится и въ каждый данный моментъ имѣется рядъ неотложныхъ задачъ, которыя необходимо рѣшать въ ту или иную сторону. Нынѣшняя война въ особенности ставитъ передъ нашей дипломатіей и передъ факторами, способными повліять на послѣднюю (къ этимъ факторамъ можно отнести и общественное мнѣніе), цѣлый рядъ задачъ, отъ удачнаго разрѣшенія которыхъ зависитъ много для нашего будущаго. Въ первую очередь имѣются здѣсь въ виду, конечно, вопросы, связанные съ ликвидаціей войны. Тѣ мирныя условія, которыя раньше или позже будутъ предъявлены Германіи, Австріи и Турціи должны, понятно, обезпечить насъ отъ всякихъ угрозъ съ этой стороны. Германскій милитаризмъ, заставившій въ теченіе послѣднихъ десятилѣтій всѣ народы стонать подъ бременемъ безконечныхъ вооруженій, долженъ быть обезсиленъ и обезвреженъ. Всякій миръ, въ которомъ не будетъ достигнуто

этого условія, будетъ источникомъ дальнѣйшаго роста европейскаго милитаризма, и потому по существу нежелательнымъ. Эта задача для дипломата не сложна, что однако не означаетъ, что она не потребуетъ большого напряженія со стороны арміи. Вообще, это вопросъ военной мощи союзниковъ, но отнюдь не дальновидности и умѣнія ихъ политическихъ представителей.

Значительно сложнѣе для насъ вопросъ о ликвидаціи войны на ближнемъ Востокѣ. Здѣсь потребуется не только военная сила, но и дипломатическая зоркость. Важно имѣть въ виду, что отъ того или иного рѣшенія ближневосточныхъ проблеммъ зависитъ вся наша политика въ ближайшемъ будущемъ. Центральный пунктъ всей проблеммы заключается въ вопросѣ о нашемъ появленіи на берегахъ Средиземнаго моря. Необходимо помнить, что Россія пока что „сухопутная“ держава, появленіе же ея на Средиземномъ морѣ предполагаетъ наличность такого военнаго флота, котораго въ короткій срокъ не создашь. Вопросъ о проливахъ и Константинополѣ долженъ быть поэтому рѣшенъ такъ, чтобы онъ, усиливъ нашу оборонительную позицію, не накладывалъ въ то же время на насъ новаго тяжелаго бремени, связаннаго съ защитой невыгодныхъ стратегическихъ пунктовъ. Въ этомъ отношеніи очень важно взвѣсить тѣ аргументы, которые въ 1910 г. развивалъ А. Н. Куропаткинъ во второмъ томѣ своего сочиненія „Россія для русскихъ“. Поскольку мы не можемъ присоединиться къ выводамъ г. Куропаткина въ русско-китайскомъ вопросѣ, постольку мы всецѣло становимся на его сторону по вопросу о проливахъ и Константинополѣ. Это не противорѣчіе, такъ какъ и въ томъ и въ другомъ случаѣ мы имѣемъ въ виду одну и ту же цѣль — облегченіе Россіи отъ бремени милитарныхъ тяготъ.

Съ той-же точки зрѣнія мы считаемъ нужнымъ разрѣшить пропагандируемый нѣкоторыми газетами вопросъ о союзѣ съ Японіей. Противъ такого союза нельзя ничего возразить, если онъ будетъ имѣть исключительно экономическій и оборонительный характеръ. Союзъ съ агрессивными тенденціями противъ Китая мы считаемъ крайне нежелательнымъ и невыгоднымъ. Еще ме-

нѣе желательнымъ было бы строить этотъ союзъ такъ, чтобъ онъ хотя бы косвенно былъ заостренъ противъ главнаго противника Японіи — Соединенныхъ Штатовъ Сѣверной Америки. Соединенные Штаты намъ теперь особенно важны и портить наши отношенія съ ними изъ-за Японіи не приходится.

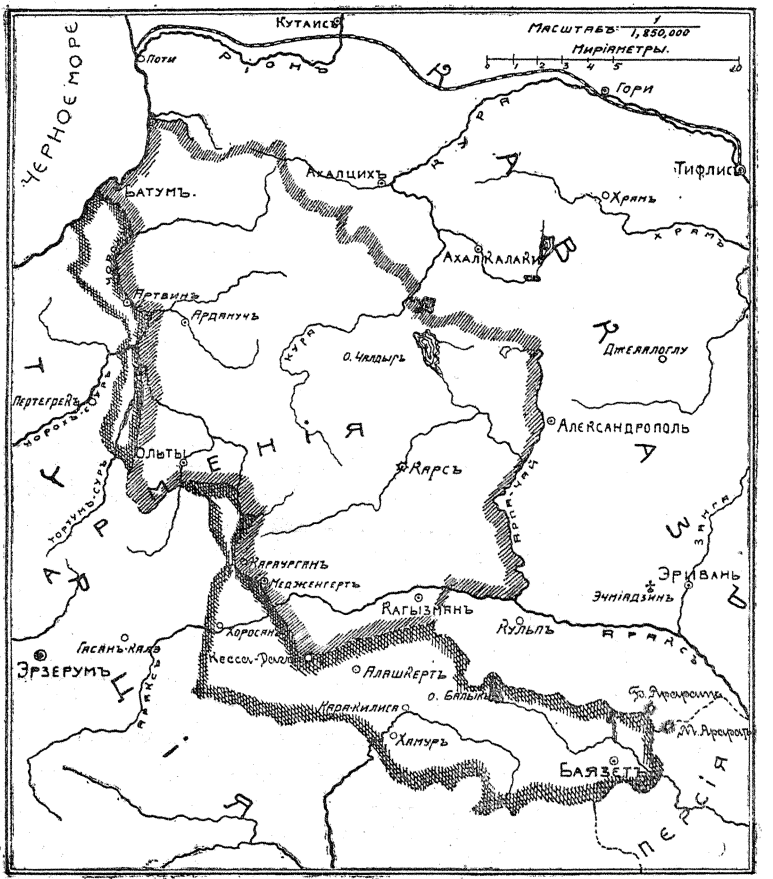
Доброжелательная добрососѣдская политика по отношенію къ скандинавскимъ государствамъ разумѣется сама собой. Будучи въ союзѣ съ Англіей и Франціей, Россія не можетъ поступать иначе, такъ какъ въ существованіи и развитіи мелкихъ скандинавскихъ государствъ ея союзники заинтересованы самымъ существеннымъ образомъ.

Въ той же мѣрѣ, въ какой наши союзники заинтересованы въ существованіи скиндинавскихъ странъ, Россія заинтересована въ развитіи балканскихъ государствъ. Намъ важно, чтобъ ни одно государство не получило преобладанія на Балканахъ и чтобъ наше вліяніе тамъ было если не рѣшающимъ, то во всякомъ случаѣ значительнымъ. Послѣ разгрома Австро-Венгріи существеннымъ факторомъ на Балканахъ явится Италія. Поддержаніе нашихъ недурныхъ отношеній съ этой державой является для насъ важнымъ не только въ виду балканскихъ проблеммъ, но и „средиземноморскихъ“.

Такимъ образомъ, во всѣхъ направленіяхъ у насъ могутъ быть только мирныя задачи. Россія не нуждается въ захватахъ; земельныхъ богатствъ у нея и безъ того достаточно. Въ области внѣшней политики ей нужно спокойствіе и только спокойствіе. Вся энергія необходима для внутренняго строительства. Наилучшей внѣшней политикой для Россіи является хорошая политика внутренняя.

Р. Стрѣльцовъ.

БИБЛІОТЕКА
СОЦІАЛИСТИЧЕСКОЙ
АКАДЕМІИ



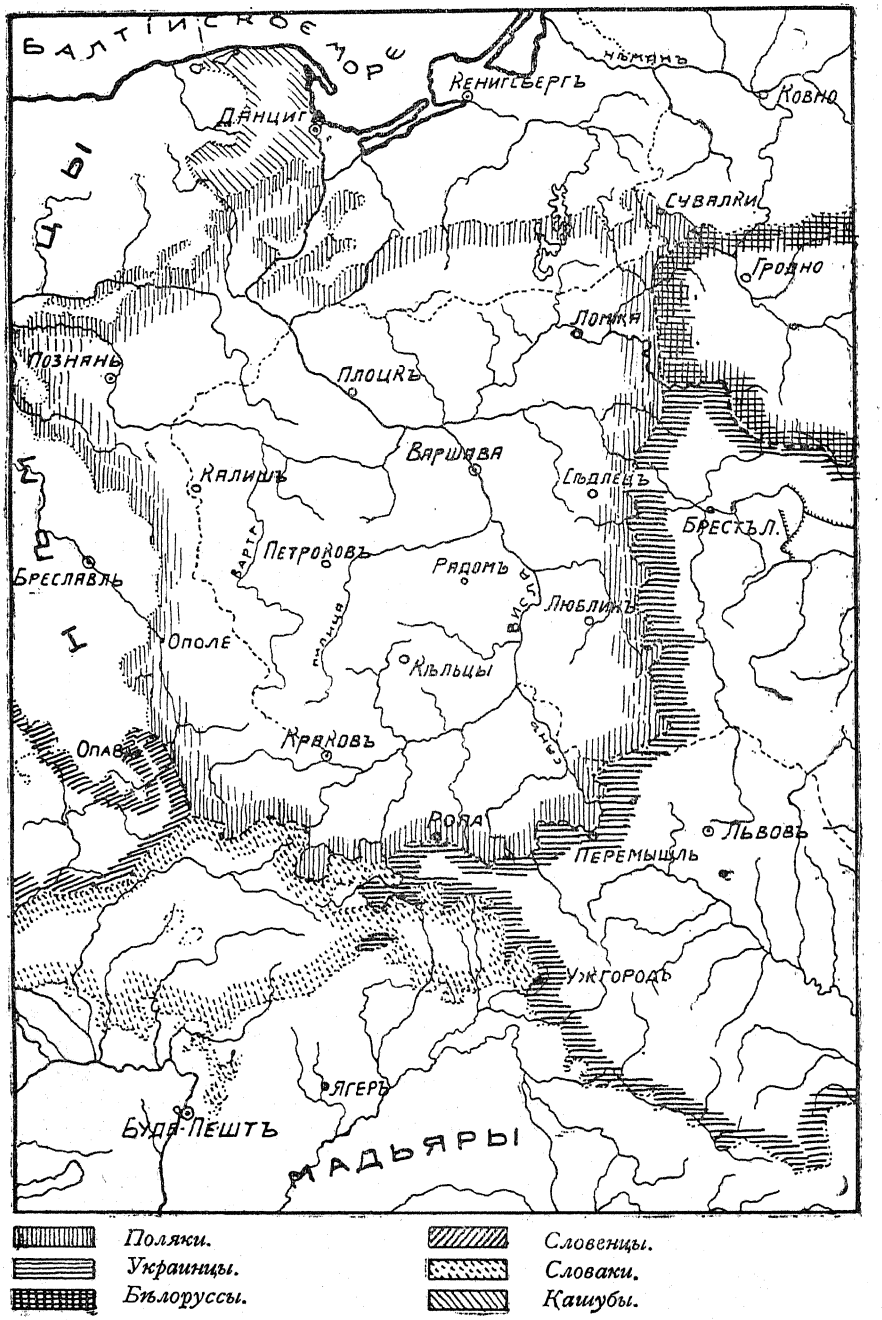
Территорія, уступленная Россіи по Берлинскому договору.

Территорія, возвращенная Турціи.

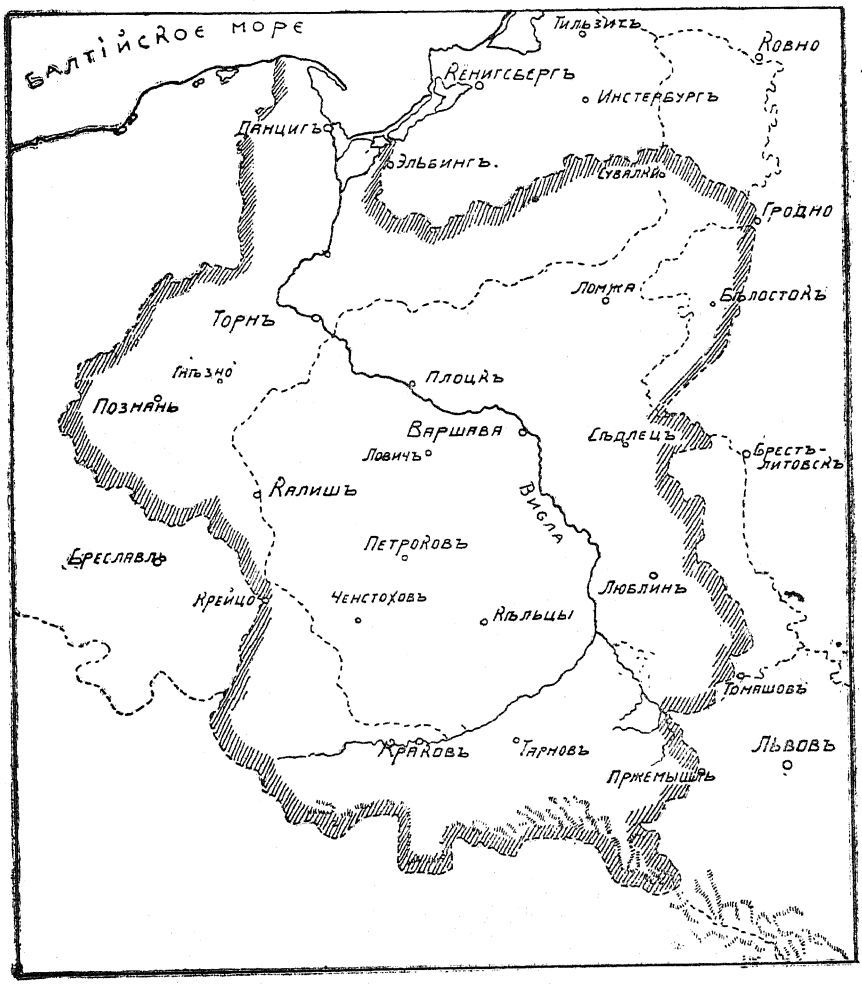
(Съ карты, приложенной къ „Documents diplomatiques. Congrès de Berlin. Paris. 1878“).

Шесть вилайетов и
Килисли
части шести
вилайетов съ
армянскимъ насе-
леніемъ
Отт
Карта-базаръ
Тассіе
Хорта-кишла
Бурдуръ
Ангора
Кастамуни
Синопъ
Самсунъ
Керенъ
Кизилъ-Ирмакъ
Кавза

Къ статьѣ П. Н. Милюкова: „Территоріальныя пріобрѣтенія Россіи“.



(*Изъ „Этнографической карты словенскаго міра“ Любора Нидерле*).



Съ карты, приложенной къ брошюрѣ Янковскаго (Polska Etnograficzna).

БИБЛИОТЕКА
СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ
АКАДЕМИИ.

КН-ВО „ПРОМЕТЕЙ“, С.П.Б., ПОВАРСКОЙ, 10.

С. А. ВЕНГЕРОВЪ.

Собраніе сочиненій.

Томъ I. Героическій характеръ русск. литературы. Ц. 1 р.
„ II. Писатель-гражданинъ Гоголь. Ц. 1 р. 25 к.
„ III. Константинъ Аксаковъ. Ц. 1 р. 50 к.
„ V. Дружининъ, Гончаровъ, Писемскій. Ц. 1 р. 50 к.

Въ чемъ очарованіе русск. литературы XIX вѣка Ц. 15 к.

Русская поэзія. (1333 стр. съ 23 портретами). Ц. 8 р.

Критико-біографическій словарь русскихъ писателей и ученыхъ. Въ шести томахъ. Ц. 17 р. 50 к.

Бѣлинскій, В. Г. Полное собраніе сочиненій подъ редакціей и съ примѣчаніями С. А. Венгерова. Вышли изъ печати 1—10 т. Ц. каждаго тома 1 р. 75 к.

ВѢТРИНСКІЙ, Ч.

ГЕРЦЕНЪ. Съ 20 иллюстраціями, біографіей и библіографіей. 532 страницы. Ц. 3 р.

„... Книга г. Вѣтринскаго—первая попытка дѣйствительно серьезной работы о жизни и литературныхъ произведеніяхъ Герцена. Все, что имѣлось до сихъ поръ, писано было въ такую эпоху, когда о Герценѣ приходилось говорить эзоповскимъ языкомъ... Г-нъ же Вѣтринскій говоритъ почти полнымъ голосомъ, и потому теперь на вопросъ, что есть въ русской литературѣ о Герценѣ, можно смѣло указать на его книгу“.
(„РѢЧЬ“, августа 1908 г. № 187).

ОБЩЕДОСТУПНЫЕ ОЧЕРКИ О
жизни и дѣятельности русскихъ писателей.
Бѣлинскій, Некрасовъ, Гоголь, Тургеневъ.
Цѣна каждаго выпуска 20 к.

КН-ВО „ПРОМЕТЕЙ“, С.П.Б, ПОВАРСКОЙ, 10.

ЗАПИСКИ

княгини Маріи Николаевны

ВОЛКОНСКОЙ.

Перев. съ французс. оригинала А. Н. Кудрявцевой.
Біографическій очеркъ и примѣчанія П. Е. Щеголева.
Съ портретами и иллюстраціями. Ц. 1 р. 50 к.

• • •

ЗАПИСКИ

жены декабриста, П. Е. АННЕНКОВОЙ.

(Pauline Gueuble).

Вступительная статья и примѣчанія П. Е. Щеголева.
Съ портретами и иллюстраціями. Ц. 1 р. 50 к.

• •

П. Е. ЩЕГОЛЕВЪ.

ПУШКИНЪ. Очерки. Изданіе второе. Ц. 3 р.

Оглавленіе: „Зеленая лампа“.—Утаенная любовь.—Амалія Ризничъ въ поэзіи Пушкина.—Императоръ Николай I и Пушкинъ въ 1826 г.—Пушкинъ въ процессѣ 1826—1828 г.г.—Дуэль Пушкина съ Дантесомъ.

Императорской Академіей наукъ удостоено преміи имени Пушкина.

ИСТОРИЧЕСКІЕ ЭТЮДЫ. Изданіе второе. Ц. 3 р.

Оглавленіе: А. Н. Радищевъ въ 1789 году.—Дѣтство Гоголя.—Семенъ Олейничукъ.—Первый декабристъ Владиміръ Раевскій.—Грибоѣдовъ и декабристы.—Катехизисъ С. И. Муравьева-Апостола.—Декабристъ кн. Ѳ. П. Шаховской.—Жены декабристовъ.

ПЕСТЕЛЬ, П. И. Русская Правда. Наказъ Временному Верховному Правленію. Подъ редакціей и съ предисловіемъ П. Е. Щеголева. Ц. 1 р.

КН-ВО «ПРОМЕТЕЙ», ПЕТРОГРАДЪ,
Поварской, 10.

Мемуары
королевы румынской
КАРМЕНЪ СИЛЬВЫ

Съ предисловіемъ автора, спеціально написаннымъ для настоящаго изданія.
Авторизованный переводъ Л. Я. Круковской. Съ портретами и иллюстраціями. Ц. 1 р. 50 к.

ИЗЪ ПРЕДИСЛОВІЯ АВТОРА: „Глубоко тронутая, благодарю Васъ отъ всей души за Вашу удачную мысль издать мои воспоминанія на чудномъ языкѣ Гоголя, Лермонтова, Пушкина, Толстого и сдѣлать ихъ доступными для русскаго народа, которымъ я такъ восхищаюсь. Надѣюсь, что дорогая Россія приметъ сочуственно мои воспоминанія“.

ДНЕВНИКЪ КАПИТАНА СКОТТА.

Переводъ съ англійскаго З. А. Рагозиной. Съ иллюстраціями.

ЗАПИСКИ СЕРГ. МИХ. СОЛОВЬЕВА.

Съ многочисленными портретами.

МЕМУАРЫ ГРАФИНИ ПОТОЦКОЙ.

Переводъ съ французскаго А. Н. Кудрявцевой.

КН-ВО „ПРОМЕТЕЙ“, С.П.Б., ПОВАРСКОЙ, 10.

РОМАНЫ, ПОВѢСТИ, РАЗСКАЗЫ.

ОКУНЕВЪ, Я. Каменное иго. Ц. 1 р. 25 к.

ЧЕВКИНЪ, С. «Востровъ и С-нъ». Ц. 1 р. 25 к.

АШЕШОВЪ, Н. Раны любви. Ц. 1 р. 25 к.

БРУСЯНИНЪ, В. Бѣлыя ночи. Ц. 1 р. 25 к.

БРУСЯНИНЪ, В. Молодежь. Ц. 1 р. 25 к.

ЛЕМОНЬЕ, К. Когда я была мужчиной. Съ предисловіемъ А. И. Куприна. Ц. 1 р.

СѢВЕРОВА, Н. Къ идеаламъ. Съ иллюстраціями И. Е. Рѣпина. Ц. 1 р. 25 к.

БЕРЕСФОРДЪ. Царство женщинъ. Переводъ З. Н. Журавской. Ц. 1 р. 25 к.

ПОЭЗІЯ.

МАРІЯ МОРАВСКАЯ. Золушка думаетъ. Ц. 1 р.

ЛИДІЯ ЛѢСНАЯ. Аллея причудъ. Ц. 1 р.

ВѢРА РУДИЧЪ. Молодыя пѣсни. Ц. 75 к.

ВѢРА РУДИЧЪ. Въ осенній полдень. Ц. 75 к.

АНДЖЕЛЛА. Дневникъ дней моихъ и ночей. Ц. 1 р. 50 к.

ГАРТЕВЕЛЬДЪ, М. Ночные соблазны. Ц. 50 к.

КН-ВО «ПРОМЕТЕЙ», С.П.Б., ПОВАРСКОЙ, 10.

УПТОНЪ СИНКЛЕРЪ

Томъ I. Испытанія любви. Романъ. Ц. 1 р. 50 к.
„ II. Джунгли. Романъ. Ц. 1 р.
„ III. Деньги. Романъ. Ц. 1 р.
„ IV. Царь Мидасъ. Романъ. Ц. 1 р. 25 к.
„ V. Сильвія. Романъ. Ц. 1 р. 25 к.

Исторія литовской эмигрантской семьи, всѣ силы и соки которой съ правильностью машины, съ непреложностью рока высасываетъ крупный капиталъ,—описана въ романѣ „Джунгли“ не только глубоко-трогательно, но и потрясающе-ярко.

Картины боенъ мясного треста въ Чикаго, царящая здѣсь наглость и холодная жестокость, вызвали, какъ извѣстно, въ Америкѣ сильное движеніе противъ трестовъ и, какъ *слѣдствіе романа, появился даже спеціальный парламентскій актъ.*

Неожиданными для американскаго писателя были страстная горечь и неукротимый гнѣвъ, проникающіе „Джунгли“—и въ этомъ главная красота романа.

Но еще пышнѣе, еще ярче развернулся талантъ Синклера въ „Испытаніяхъ любви“.

Нѣтъ возможности даже приблизительно передать все очарованіе этой странной книги, но такія страницы, какъ моментъ рожденія у Тирсиса ребенка или убійство оленя въ лѣсу, или скитальчество въ палаткѣ у озера,—эти страницы и многія другія написаны истиннымъ художникомъ слова, которому вѣдома великая тайна творчества, его обаяніе и высокая радость.

«Рѣчь», 25 іюня 1912 г. Л. Василевскій.

Романъ этотъ («Джунгли») переведенъ на всѣ языки. Весь читающій міръ захваченъ этой простой исторіей переселенческой литовской семьи, постепенно распадающейся и погибающей, какъ путникъ въ непроходимой чащѣ джунглей, въ дебряхъ безпросвѣтнаго, тяжелаго труда, полуживотнаго существованія и полнаго безправія, бьющейся, какъ рыба въ сѣтяхъ, въ паутинѣ жестокости и эксплоатаціи, изъ которой ткутся богатства американскихъ милліардеровъ. «Джунгли»—лучшій изъ романовъ Синклера.

„Современное Слово“, 31 марта 1912 г.

КН-ВО „ПРОМЕТЕЙ“, С.П.Б., ПОВАРСКОЙ, 10.

ИВАНОВЪ-РАЗУМНИКЪ.

Томъ I. Литература и общественность . Ц. 1 р. 25 к.
Вѣчныя цѣнности.—Н. К. Михайловскій.—Жизнь и теорія.—«Народъ» и «интеллигенція».—Марксистская критика.

Томъ II. Творчество и критика . . . . . Ц. 1 р. 25 к.
Талантливое сочинительство. — Еще о смыслѣ жизни.—Великій Панъ (М. Пришвинъ).—Алексѣй Толстой № 2-й.—Творчество А. Ремизова.—Мертвое мастерство (Д. Мережковскій).—Юродивый русской литературы (В. В. Розановъ).

Томъ III. Великія исканія . . . . . Ц. 1 р. 25 к.
Виссаріонъ Григорьевичъ Бѣлинскій.

Томъ IV. Левъ Толстой . . . . . Ц. 1 р. 25 к.

НЕСТОРЪ КОТЛЯРЕВСКІЙ.

РЫЛѢЕВЪ. Съ иллюстраціями . . Ц. 1 р. 25 к.

Содержаніе. Роль поэзіи въ событіяхъ 14 декабря 1825 г.—Дѣтство Р.—Воспитаніе въ корпусѣ.—Чтеніе и мечты.—Походная жизнь Р. за границей.—Жизнь въ полку на родинѣ.—Женитьба, выходъ въ отставку и переѣздъ въ Петербургъ.—Первые поэтическіе опыты.—Ода «Къ Временщику» и первый успѣхъ.—Жизнь въ Петербургѣ, рѣзкія проявленія темперамента.—Служба въ палатѣ уголовнаго суда.—Р. въ кружкахъ литераторовъ.—Изданіе «Полярной Звѣзды» и Р. въ роли критика.—Лирическіе стихи на гражданскую и политическую тему.—«Думы» и отзывы о нихъ критики. — «Войнаровскій».—Послѣдніе годы жизни.—Вступленіе Р. въ сѣверное общество и работа въ немъ.—Политическіе взгляды и планы Р.—День 14 декабря.—Жизнь въ равелинѣ.—Послѣдніе стихи.—Приговоръ суда.—Казнь.—Личность Р. Императоръ Николай I о Рылѣевѣ.

КН-ВО „ПРОМЕТЕЙ“, С.П.Б., ПОВАРСКОЙ, 10.

АМФИТЕАТРОВЪ, А. В.

Паутина. Романъ. Изданіе 2-е. Ц. 1 р. 25 к.
Аглая. Романъ. Ц. 1 р. 25 к.
Раздѣлъ. Романъ. (455 страницъ). Ц. 2 р. 25 к.
Викторія Павловна. Романъ. Ц. 1 р. 25 к.
Дочь Викторіи Павловны. Романъ.
Марья Лусьева за-границей. Романъ. Ц. 1 р. 25 к.
Женское нестроеніе. Ц. 1 р. 50 к.
Девятидесятники. Романъ. Часть I. Ц. 1 р. 50 к.
Девятидесятники. Романъ. Часть II. Ц. 1 р. 50 к.
Сумерки божковъ. Романъ. Часть I. Ц. 1 р. 25 к.
Сумерки божковъ. Романъ. Часть II. Ц. 1 р. 50 к.
Противъ теченія. Ц. 1 р.
Антики. Ц. 1 р. 25 к.

„А. В. Амфитеатровъ ярко талантливъ, много на своемъ вѣку видѣлъ и между прочими достоинствами обладаетъ однимъ превосходнымъ и рѣдкимъ, какъ бѣлый воронъ среди черныхъ, достоинствомъ—великолѣпнымъ русскимъ языкомъ, богатымъ, сочнымъ, своеобычнымъ, но въ то же время безъ вывертокъ и щегольства... Это настоящій писатель, отмѣченный при рожденіи поцѣлуемъ Аполлона въ уста“.

„Русское Слово“ 20. XI. 1910. А. А. ИЗМАЙЛОВЪ.

СТЕПНЯКЪ-КРАВЧИНСКІЙ, С. М.

Собраніе сочиненій подъ редакціей С. А. Венгерова.

Томъ I. Штундистъ Павелъ Руденко. Ц. 1 р.
„ II. Подпольная Россія. Ц. 1 р.
„ III. Домикъ на Волгѣ. Ц. 1 р.
„ V. Эскизы и силуэты. Ц. 1 р.
„ VI. Критика и публицистика. Ц. 1 р.

КН-ВО „ПРОМЕТЕЙ“, С.П.Б., ПОВАРСКОЙ, 10.

ДЖЭКЪ ЛОНДОНЪ

Собраніе сочиненій съ предисловіемъ

ЛЕОНИДА АНДРЕЕВА.

Томъ I. Морской волкъ. Романъ. Ц. 1 р. 25 к.
„ II. Обреченные. Игра. Ц. 1 р.
„ III. Вѣра въ человѣка. Разсказы. Ц. 1 р.
„ IV. Приключенія рыбачьяго патруля. Ц. 1 р.
„ V. Сынъ волка. Лунный ликъ. Ц. 1 р.
„ VI. Голосъ крови. Повѣсть. Ц. 1 р.
„ VII. Сынъ Солнца. Романъ. Ц. 1 р. 25 к.
„ VIII. Дочь Снѣговъ. Романъ. Ц. 1 р.
„ IX. Бѣлый Клыкъ. Повѣсть. Ц. 1 р.
„ X. Мартинъ Идэнъ. Романъ. Ц. 1 р. 50 к.
„ XI. До Адама. Повѣсть. Ц. 1 р.
„ XII. Приключеніе. Романъ. Ц. 1 р. 25 к.
„ XIII. Когда боги смѣются. Разсказы. Ц. 1 р.
„ XIV. Любовь къ жизни. Ц. 1 р.
„ XV. Мои скитанія. Ц. 1 р.
„ XVI. Дѣти тропиковъ. Ц. 1 р.

Чудесный талантъ!.. Въ Джэкѣ Лондонѣ я люблю его спокойную силу, твердый и ясный умъ, гордую мужественность... И молодому Джэку Лондону принадлежитъ славное мѣсто среди сильныхъ. Талантъ его свѣжъ и проченъ, выдумка богата, опытъ огроменъ.

ЛЕОНИДЪ АНДРЕЕВЪ.

... Экзотическія повѣсти Джэка Лондона производятъ чарующее, неотразимое впечатлѣніе.

А. КУПРИНЪ.

Въ лицѣ Лондона мы имѣемъ дѣло съ крупно одареннымъ художникомъ, истиннымъ поэтомъ «Божіею милостію». Отъ души привѣтствуемъ переводъ бодрыхъ, здоровыхъ, ясныхъ разсказовъ Джэка Лондона.

„СОВРЕМЕННЫЙ МІРЪ“.